

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 8

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 8

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 8

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute
of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University
for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor,
Petrozavodsk State University, President
of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy
of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian
Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State
Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk
State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor,
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, European University
at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONozHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
(St. Petersburg, Russia)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Federal State University
of Education (Mytishchi, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science
Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University
"Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Газизов В. В. Корпус стрелецких голов Кольского острога в XVII веке	59
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Каделова Е. С. Олонецкая ветвь горных офицеров Чебаевских	68
Короткий А. Ю. Пореволюционная русская военная эмиграция о проблеме национальной консолидации в Первую мировую войну	8	Малюченко Д. А. Особенности следственной работы военной прокуратуры СССР в начале 1930-х годов (на примере Балтийского флота)	74
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Попов Д. А. «Сальный бунт» 1922 года на севере Финляндии: причины, цели, ход и итоги	82
Дианова Е. В. Трудовые ученические дружины в Олонецкой губернии в 1915–1916 годах	16	ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ	
Романько О. В., Просолова Е. В. Советские практики национальной политики и неокOLONиальные трактовки через призму художественного кинематографа в 1946–1991 годах	27	Бауэр Т. В. Семантика причинения вреда в клятвенных формулах (по материалам русской традиционной культуры)	90
Степанов А. С. Влияние советско-финляндской войны на состояние советской авиационной промышленности перед Великой Отечественной войной	37	Конкка А. П. Жертвенные и почитаемые деревья карело-финского пограничья (по материалам конца XIX века)	99
Кожеевникова Ю. Н. Пастырская деятельность православных священников среди кольских саамов в первой половине XIX века	44	Нагурная С. В. Возрождение национальной школы в Карелии: опыт первых десятилетий	107
Алешин Д. О. Архив И. И. Шувалова: опыт реконструкции по материалам отечественных и зарубежных архивохранилищ	50	Сулейманова О. А. Кольские саамы и этнотуризм: тенденции и проблемы	115
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIN PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 28.11.2025. Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 109

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор ПетрГУ
А. М. Пашков

Alexander M. Pashkov,
Editorial Council Member
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Содержание последнего номера журнала за 2025 год разнопланово. Представлены статьи по этнологии, антропологии, этнографии, современным проблемам Кольского Севера и Республики Карелия, а также исследования по самым различным вопросам истории России и русского зарубежья, архивоведения, генеалогии. Можно выделить актуально звучащие и содержащие анализ неизвестных уникальных материалов статьи А. С. Степанова «Влияние советско-финляндской войны на состояние советской авиационной промышленности перед Великой Отечественной войной» и Д. А. Попова «“Сальный бунт” 1922 года на севере Финляндии: причины, цели, ход и итоги».

Обращает на себя внимание территориальная принадлежность авторов номера: Москва, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Мурманск, Апатиты, Симферополь, что позволяет нашему журналу отражать не только региональную историю, но и общероссийскую.

Стоит также отметить предлагаемый анонс новых книг по истории Карелии и Русского Севера, размещенный на обложке. Монография Е. С. Таракановой «Чарльз Гаскойн. На заре индустриальной эпохи» (СПб.: Серебряный век, 2024. 528 с.) посвящена биографии выдающегося организатора промышленности и изобретателя Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна, который 20 лет (1786–1806) был начальником Олонецких горных заводов. На Урале в этом году опубликована рукопись выдающегося организатора горного дела России А. С. Ярцова, посвященная истории Олонецких горных заводов, «Российская горная история. Олонецкая часть: [рукопись 1812 г.]» (науч. ред. Н. С. Корепанов. Екатеринбург: Издательский дом Баско, 2025. 340 с.). После издания этих двух работ горнозаводскую историю Карелии можно переписывать заново. В Санкт-Петербурге вышла коллективная монография по актуальной теме – истории деревянного зодчества Русского Севера «Зодчие Русского Севера» (Санкт-Петербург: Издательство ООО «Галерея печати», 2024. 288 с.), достойно продолжающая традиции, заложенные А. В. Ополовниковым и В. П. Орфинским. И, наконец, в Петрозаводске была опубликована замечательная монография старейшего археолога С. И. Кочкуркиной и выпускницы аспирантуры ПетрГУ М. И. Петровой «Куркиёки. Археология, история, культура» (Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 166 с.).

Надеемся, что и анонс, и публикации данного выпуска будут интересны и полезны читателям и авторам.

АРТЕМ ЮРЬЕВИЧ КОРОТКИЙ

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
akorotkij46@gmail.com

ПОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются взгляды русской военной эмиграции 1920–1930-х годов на проблему национальной консолидации в контексте Первой мировой войны и краха военных усилий Российской империи. Исследование выявляет альтернативную интерпретацию причин поражения России, отличную от канонических положений советской историографии, акцентировавшей внимание на социально-экономической отсталости и национальном угнетении. Особое внимание уделяется трактовке национальной дезинтеграции как ключевого фактора ослабления боеспособности армии, а также роли региональных самоидентификаций в подрыве единой национальной идентичности. На основе анализа мемуаров, публицистических и исследовательских работ А. И. Деникина, Н. Н. Головина, Ю. Н. Данилова и других представителей эмигрантского военного сообщества реконструируются представления о нереализованной модели «армии вооруженного народа», отсутствии в стране подлинного гражданского патриотизма и провале модернизационной политики царского режима. Автор выявляет глубокую семантическую и политическую дистанцию между белоэмигрантским и советским нарративами, указывая на либеральную направленность политических позиций офицеров-эмигрантов, зачастую предельно искаженную в официальной историографии СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гражданская война в России, историография, Н. Н. Головин, Ю. Н. Данилов, А. И. Деникин, А. А. Керсновский

Д л я ц и т и р о в а н и я : Короткий А. Ю. Пореволюционная русская военная эмиграция о проблеме национальной консолидации в Первую мировую войну // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1244

ВВЕДЕНИЕ

В советской историографии долгое время доминировали оценки М. Н. Покровского относительно причин краха военных усилий России в годы Первой мировой войны. Его рассуждения привели к формированию идеи «гниения» царизма и его исторической обреченности [6: 13]. В многотомной «Истории гражданской войны в СССР», в частности, утверждалось: «Плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами, армия терпела поражение за поражением»¹. Следуя марксистской идее, определявшей экономический фактор как имевший детерминирующее значение в общественной системе, советские историки 1920–1930-х годов видели основные причины поражения страны в ее хозяйственно-экономической отсталости: вооруженные силы страны переживали «такую же разруху, как и все отрасли народного хозяйства»². При этом специфическим образом в советской

историографии рассматривался национальный аспект как причина краха военных усилий. В ней была сформирована концепция угнетения «великорусским» народом остальных этносов многонациональной империи, что уже в годы Гражданской войны (1918–1922) породило феномен сепаратизма на территории погибшей империи³.

При рассмотрении данного аспекта в годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны за основу была взята концепция В. И. Ленина, согласно которой «царская Россия» была названа «тюрьмой народов»⁴. Главным репрессивным механизмом этой «тюрьмы» была политика насильственной русификации, основанная на практиках жесткого подавления инородцев при помощи армии и государственного аппарата либо мягкой силы, связанной с распространением православия и русской школы⁵. Подобная ситуация приводила к ярко выраженной бинарной оппозиции, выстроенной на на-

циональной почве по принципу: великорусский, в значении привилегированный – инородческий, в значении неполноправный, угнетенный.

С точки зрения представителей советской историографии сталинского периода, являвшихся главными оппонентами эмигрантской историографии 1920–1930-х годов, данная репрессивная политика в годы «империалистической войны» привела к сильным сепаратистским устремлениям «в среде буржуазных националистических групп». Данное национально-освободительное движение подготавливало, в свою очередь, «успех революции» и, как следствие, превращение империалистической войны в гражданскую⁶.

Иные трактовки вопроса национальной консолидации как одной из причин крушения военных усилий страны давались в эмигрантской историографии того времени, в которой он рассматривался скорее как проблема утраты национальной консолидации. «Гордость от принадлежности к великому народу потеряна, особенно среди населения поволжских губерний: “Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет, не дойдет и японец”»⁷, – писал генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты», характеризуя разложение российской армии в годы Первой мировой войны. Прославленный военачальник фактически констатировал упадок «русскости» как идеи в сознании многомиллионного народа под влиянием различных разлагающих тенденций. Его замечания на данный счет были не единственными. Многие русские генералы той войны отмечали наличие определенной точки невозврата в распаде единой национальной самоидентификации на множество региональных идентичностей. В отличие от советских авторов российские военные эмигранты смещали фокус внимания с угнетения одной нации другой на проблему великорусского национализма как такового. В тесной связи с этим аспектом находился вопрос о влиянии данного фактора на боеспособность Российской императорской армии в годы Первой мировой войны.

Предметом статьи являются оценки представителями военной эмиграции 1920–1930-х годов национальной консолидации и связанного с этим крушения организации и военных сил Российской империи в годы Первой мировой войны. В качестве основного источника используются исторические труды и воспоминания ряда видных российских военных эмигрантов того времени.

ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ЭМИГРАНТСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В эмигрантской историографии авторами указывались различные причины поражения Рос-

сии в Первой мировой войне. Подчас они были связаны не столько с конкретными поражениями вооруженных сил, сколько с самой системой общественно-политического устройства страны. Видный представитель русского военного зарубежья Н. Н. Головин писал, что главной причиной конечного провала России в войне стала приверженность во всех областях государственной жизни России «к примитивным формам»⁸ управления и самого отношения к «современной сложной социальной жизни»⁹.

Схожего мнения, но с иначе расставленными акцентами придерживался Ю. Н. Данилов, генерал-квартирмейстер Ставки в 1914–1915 годах. Он осознавал недостаточность проведенных модернизационных процессов в стране перед войной. Их он рассматривал в основном через призму биографического подхода, в отличие от социолога Н. Н. Головина, рассуждавшего больше о крупных социальных группах. Например, весьма показательны характеристики Ю. Н. Даниловым Николая II как человека, демонстрировавшего своим поведением недостаток воли¹⁰, или императрицы Александры Федоровны, использовавшей этот недостаток в не самом верном направлении и воспринимавшей благо отечества «через призму их личного благополучия»¹¹. Малокомпетентными в работах бывшего царского генерала представлены и другие высокопоставленные лица: В. Б. Фредерикс, И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюмер и др. Такие государственные деятели не могли устранить внутренних слабостей империи, осознать ошибочность своей политики, не считающейся с волей народных масс¹². Нарративы данных авторов объединяет общий либеральный подтекст, то есть они видели проблему в недостаточной отлаженности существовавшей общественной системы.

Иных воззрений придерживался А. А. Керсновский, считавший, что крах военных усилий произошел не столько из-за недостатка либерально-демократических преобразований в стране, а также сопутствовавшего им утверждения материализма и позитивизма в познании¹³, сколько из-за их переизбытка, приведшего в итоге к поражению и развалу страны¹⁴. Схожие мнения о главной причине поражения высказывал А. К. Баиов, утверждавший, что главную ответственность за поражение в войне следует возложить на «прогрессивные» интеллигентские круги, которые были попросту не заинтересованы в конечной победе империи¹⁵. Исторические реконструкции представленных авторов объединяет общий консервативный, местами переходящий в радикальный, подтекст рассуждений [1: 94].

Однако данные утверждения о главной причине либо причинах поражения России в войне заслоняют собой ряд весьма примечательных рассуждений военных эмигрантов о национальной консолидации, а именно – недостатке гражданского национального патриотизма у народных масс и самом его характере.

ОСОБЕННОСТЬ АРМИИ «ВООРУЖЕННОГО НАРОДА»: СВЯЗЬ С НАЦИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ

Военные силы никогда не существовали как статичный институт и всегда меняли свой вид под влиянием самых разных факторов. К числу таковых можно отнести экономические, политические, социальные, этнические, а также эпистемологические. Под последним фактором я имею в виду влияние философии и науки, определявших само понимание «военного». Об этом следует сказать подробнее, чтобы уяснить, какая форма организации вооруженных сил служила ориентиром для большинства крупных стран начала XX века.

Основой формирования вооруженных сил в начале прошлого века была концепция «вооруженного народа», подробно сформулированная в трудах немецкого военного теоретика и реформатора Карла фон Клаузевица¹⁶. Однако проблема заключалась не в простом формулировании и оттачивании идеи, а в том, как перенести ее на почву государственной и общественной практики. Именно здесь крылось противоречие, заключающееся в противоположении формы государства армии. Эту ситуацию на примере Прусского королевства начала XIX века раскрыл немецкий историк В. Гёрлиц. Он подчеркивал, что социальные верхи Пруссии не желали введения такой системы комплектования вооруженных сил, которую лоббировали военные реформаторы. Причина крылась в том, что, основанная на концепции вооруженного народа, она полностью уничтожала дворянские сословные привилегии [4: 39]. Таким образом, новая система организации армии по вышеназванному принципу не могла быть реализована без повсеместной программы либеральных реформ во всех сферах жизни государства, начиная с ликвидации крепостнической системы и заканчивая введением всеобщего образования. Эти либеральные реформы и есть суть модернизации и, что важно, создания национального сообщества, которое в случае Германии было декларировано философом И. Г. Фихте¹⁷.

В конечном итоге создание армии вооруженного народа не следует рассматривать как замкнутую в себе реформу, она могла быть

осуществлена только в рамках более широкого реформирования, что и было сделано Г. Ф. фон Штейном и К. Ф. фон Гарденбергом. Как отмечал Т. Ниппердей, данные реформы – социально-политические и военная – были органично взаимосвязаны в зарождающемся современном государстве. Более того, прусская военная реформа послужила толчком для движений, выступавших за более тесную национальную интеграцию, то есть образование единого германского национального сообщества, а также демократизацию, так как всеобщая воинская повинность распределяла военную нагрузку поровну между всеми классами общества [7: 37].

РОССИЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И АРМИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1874 ГОДА

Возвращаясь к русской военной эмиграции, следует прежде всего обозначить четкую связь, которую проводил между российским и немецким опытом реформирования вооруженных сил Н. Н. Головин. В частности, он подчеркивал, что военная реформа 1874 года выдвигала для России совершенно новую идею всенародной, то есть национальной, находившейся вне сословий и классов, государственной защиты¹⁸. Военный социолог отмечал, что строительство вооруженных сил на таком основании было прогрессивно. Но при этом закономерно возникал вопрос о том, как мотивировать граждан защищать свое отечество. Ключевое значение в этих рассуждениях военного деятеля играла «социальная справедливость» как аспект распределения военной нагрузки на коренное население России¹⁹. Данный фактор отмечал в своем исследовании, посвященном национальному строительству в России и роли военных в нем, и Дж. Сэнборн [8: 38]. С его точки зрения, подобные рассуждения были проявлением гражданского национального мышления [8: 39].

Мнение американского историка удивительно созвучно воззрениям Н. Н. Головина. Он считал, что рекрутская повинность, как способ комплектования армии времен феодализма²⁰, очень несправедлива, а это означало, что преобразование России «на новых социальных началах» должно было привести и к изменению способа комплектования вооруженных сил, то есть стать более справедливым. Конечным результатом реформ должна была стать армия вооруженного народа, состав которой укомплектован солдатом-гражданином²¹. Важность ремарки относительно вопроса социальной справедливости заключалась в том, что она понималась не в узком, обыденном смысле (достижение личной справедливости), а в коллективном плане

(для всего «социального организма»). Нетрудно осознать, что под таким социальным организмом Н. Н. Головин понимал нацию, состоящую из равных граждан.

В то же самое время российский военный закон о всеобщей воинской повинности 1874 года, по мнению военного, был «кустарен», то есть не отвечал искомому принципу «социальной справедливости»²². Ситуация была исправлена лишь перед началом войны, когда он стал более справедлив в плане выдачи льгот, а значит, и более национален, то есть способствовал политическому сплочению нации. Именно так эту позицию аргументировал и Дж. Сэнборн, правда, не ссылаясь на Н. Н. Головина [8: 26–30].

Встав на путь реформирования вооруженных сил после поражения в Крымской войне (1853–1856), Россия постепенно обрела армию, похожую на европейские образцы. Основным проводником реформ был военный министр граф Д. А. Милютин. В основе реформ лежала идея создания в стране системы всеобщего воинского призыва. Как признавал американский историк Б. Мэннинг, данная реформа позволила сделать «большой шаг в сторону превращения армии в проводника некоторых, пусть даже ограниченных, социальных изменений» [5: 41]. Что интересно, похожего взгляда на вооруженные силы, но с иначе расставленными приоритетами, придерживалась и советская историография. Так, Л. Г. Бескровным признавалось, что армия действительно испытывала на себе значительные изменения, становясь буржуазной по форме и содержанию. Однако советская историография не могла принять факт того, что реформирование армии как института способствовало развитию либеральных преобразований²³. Доминирующей оценкой вооруженных сил в советской историографии были взгляды В. И. Ленина, характеризовавшего их следующим образом:

«Постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы»²⁴.

Армия в советской историографии понималась как реакционный институт, полностью подчиненный политике правящего класса.

Возвращаясь к реформам Д. А. Милютина, отмечу, что общий лейтмотив его реформ очень похож на прусский начала XIX века. Более того, русскому военному реформатору, так же как и прусским предшественникам, пришлось столкнуться с сопротивлением дворянства, поскольку сама идея «всеобщности» ломала много-

вековые устои бытия государства и сословных привилегий. Кроме того, произошли реформы и в других сферах военного дела: рационализация деятельности военного министерства, создание системы военных округов, модернизация вооружений. Таким образом, в общих чертах Российская империя получила армию, соответствовавшую своему времени. Проблема, однако, заключалась в том, что боеспособность этой армии, организованной по западноевропейским лекалам, была ниже, поскольку не были произведены необходимые либеральные реформы за пределами военного института²⁵.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЭРОЗИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Генерал Ю. Н. Данилов писал о неспособности правительства изменить «уклад», направив все свои усилия на развитие человеческого потенциала:

«Грандиозный масштаб надвигавшейся войны и современные условия ведения таковой <...> не должны были оставлять сомнений в необходимости глубокой и притом заблаговременной перестройки всего внутреннего уклада русской жизни с тем, чтобы в необходимый момент явилась возможность вызвать полное напряжение всех народных сил и средств, без которых шансы на победу не могли быть значительными»²⁶.

Только через развитие человеческого потенциала можно было добиться напряжения сил, необходимого для победы в большой войне²⁷. Схожего мнения придерживался и военный социолог Н. Н. Головин:

«Правительство императора Николая II после революции 1905 года уже не верило в старые политические идеи и в то же время не хотело воспринимать новые. Эта двойственность политики придавала управлению государством характер безыдейности»²⁸.

Эти мнения двух офицеров являются свидетельством признания неспособности царского правительства проводить модернизационные реформы. Намечалось глубокое противоречие, когда по форме российская монархия стремилась быть похожей на западные социальные системы, но на деле этого не происходило, поддерживался старый баланс системы общественных отношений.

Ключевое значение в модернизационной практике того времени приобретало образование. Представители российского генералитета не отрицали этого факта. Особенно важное значение играло воспитание патриотизма, об «органическом» недостатке которого в русском народе

писал А. И. Деникин²⁹. Данным определением генерал подчеркивал, что патриотизм лишен природной, то есть органической, основы и не дается человеку от рождения. Это чувство приобретенное и связано, в понимании военных эмигрантов, с понятием «культурность». Последняя приобреталась только в процессе образования. Недостаток ее и, как следствие, патриотизма вел к регионализации общероссийской идентичности. Как отмечал Ю. Н. Данилов: «Крестьянство <...> рассуждало: “Мы вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдет...”»³⁰. Причиной подобных настроений, связанных с региональной самоидентификацией крестьянства, являлась

«умственная темнота населения, огромные расстояния, разобщенность, неудовлетворенность условиями внутренней жизни – все это не создавало благоприятной почвы для развития здорового национального чувства и сознательного отношения к идее защиты государства»³¹.

Данная цитата не оставляет сомнений в том, что генералы четко осознавали связь между организацией сильного национального сообщества, социальными условиями и военными усилиями страны. Более того, последнее полностью зависело от первых двух, а потому заботы правительства о единении национального сообщества через грамотную социально-экономическую и образовательную политику должны быть первостепенными. При этом недостаток патриотизма, в сущности, не претензия к русским крестьянам в рассуждениях генералов. Это упрек царскому правительству, которое перед войной мало заботилось о необходимом воспитании народа, не прививая должным образом ни патриотизма, ни культуры, а также понимания своей «русскости» собственному населению. О недостаточном внимании к данной сфере еще перед войной писали многие, например граф Н. С. Мусин-Пушкин, предлагавший Министерству народного просвещения изменить уклон учебных программ российских школ с учетом западноевропейских образцов, в которых преобладала национальная ориентированность [2: 21–22].

Таким образом, многими российскими военными эмигрантами фиксировался провал модернизационной политики в сфере образования, в частности в вопросе конструирования больших форм идентичностей. Носителями национального самосознания в этих условиях оставались лишь отдельные образованные культурные группы населения – офицерство и часть интеллигенции. Именно они, недовольные, чувствуя униженность своей национальной гордости, подняли в итоге флаг борьбы сначала с Временным пра-

вительством, а затем с большевиками. Эту мысль особенно четко фиксировал Н. Н. Головин. Он отмечал, что именно либеральные круги интеллигенции, к которым он причислял и офицерство, желали продолжения войны с внешним врагом, но этого совершенно не хотели народные массы³².

ЛИБЕРАЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На основе представленных выше взглядов российских военных деятелей следует четко обозначить, что в России начала XX века сложилось глубокое противоречие. Оно заключалось в том, что государство, начиная с либеральных реформ Александра II, стремилось создать современную армию эпохи модерна, которая, по словам Дж. Сэнборна, отличалась массовостью, интегрированностью с населением и поддержанием интересов «народа» [8: 6–7]. В то же время власть всячески замедляла развитие самой государственной системы и национально-го строительства.

Н. Н. Головин рассматривал решение Николая II назначить себя Верховным главнокомандующим как символический акт. Им монарх замещал популярного в народе великого князя Николая Николаевича, утверждая тем самым принцип монархической традиции. По словам военного историка, «здесь мы видим одно из наиболее ярких проявлений того примитивного отношения к современной сложной социальной жизни, которое мы обнаруживали во всех областях государственной жизни России»³³. Таким образом, «монархическая традиция», с точки зрения военного социолога, была равна примитивной форме организации общественного устройства страны. Схожим образом, но еще более категорично, выражался Ю. Н. Данилов: «Трудно было, в самом деле, мириться с положением, при котором население... держалось в стороне от государственного управления, осуществлявшегося единолично царской властью»³⁴. Эти исключительно либеральные размышления русских офицеров – участников Белого движения никак не согласовывались с оценками офицерства в советской историографии как реакционной социальной категории, находившейся на службе у царского правительства³⁵. Данные рассуждения позволяют предположить, что офицеры-эмигранты стремились не просто изложить свои взгляды на проблему национальной консолидации и роль государства. В действительности их целью было противопоставить свою позицию критике советской историографии, которая изображала их противниками народных свобод,

стремящимися к реставрации монархических порядков.

Приведенная выше позиция – это позиция серьезнейших военных специалистов того времени и участников Белого движения, которую нельзя отрицать. Дискуссионным, однако, остается вопрос о репрезентативности их взглядов: разделяла ли эти идеи основная масса русского офицерства? Несмотря на возможные разночтения, нельзя отрицать установленный факт: определенная часть генералитета и высшего офицерства осознавала глубинный конфликт в отношениях между институтами имперской государственности, вооруженными силами и народом. Именно из этого противоречия, на наш взгляд, проистекала концептуализация того, что А. И. Деникин определял как «русскую демократию», включая в нее и «служилый элемент». Более того, бывший главнокомандующий ВСЮР был очень скрупулезным человеком, чтобы не указать, что изначальной причиной демократизации была «общеобязательная воинская повинность»³⁶. Данный тезис служил ему не только исторической констатацией, но и весомым контраргументом в полемике с левыми силами (включая большевиков), которые обвиняли офицерство в реакционности. А. И. Деникин, Ю. Н. Данилов, Н. Н. Головин и целый ряд других эмигрантов, рассуждая о национальном, доказывали, что их взгляды, а значит, и взгляды тех социальных групп и движений, которые они представляли, не имели ничего общего с воззрениями, которые им приписывали их политические оппоненты.

Вернемся к рассуждениям военачальников о национальном. При всей ярко обозначенной полемичности «Очерков русской смуты» А. И. Деникина он говорил о возможности российской армии продолжать сопротивление на фронте и даже одержать победу. Причина такой возможности заключалась не в техническом обеспечении войск, а в проявлении солдатами «долготерпения» – исконной черты русского народа, искупавшей «грехи верховной власти, правительства, народа»³⁷. Русский народ, в воззрениях генерала, был способен проявлять эту черту и сражаться, но все менялось, когда вместо единой идентичности, русской, появлялись идентичности региональные. В конечном итоге уже в годы Гражданской войны именно последние, выраженные в откровенной «самостийности»³⁸, оказались одним из определяющих факторов в поражении Белого движения на юге России, с точки зрения русского офицера-эмигранта³⁹. Уместно вспомнить, что Э. Геллнер, один из виднейших исследователей феномена национализма, писал, что национализм есть совпадение границ

политических и национальных [3: 23]. В рассматриваемом случае это означает совпадение границ Российской империи с границами русского народа, понимаемого белыми офицерами в триедином плане: великороссы, малороссы, белорусы. Нарушение этих границ, согласно ученому, вызывало негодование и желание дать отпор нарушителю. В ситуации Первой мировой войны Германия и Австро-Венгрия, захватив ряд территорий и продолжая свое наступление, достигнув в итоге Крыма, Тамани, Дона, Смоленщины и Пскова, пересекли линии границ. Это должно было привести к волне национального негодования и желанию дать отпор. Однако этого не произошло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ наследия русской военной эмиграции показывает, что офицеры понимали причины крушения национальной идентичности в годы Первой мировой войны и степень влияния этого процесса на вооруженные силы и само государство. Главной причиной была недостаточная забота правительства о создании большой формы политической групповой идентичности – нации. Это проявлялось во множестве аспектов: социальная несправедливость военного законодательства, противоречивые подходы к модернизации государства, пробелы в области образовательной и культурной политики. Данные недостатки имели незначительное влияние на вооруженные силы страны в мирное время, но, когда потребовалась многократно большая мобилизация военнообязанных, в том числе и духовная, эти факторы оказали определяющее негативное воздействие на «армию вооруженного народа». Малоаметные в мирное время, эти латентные факторы были обнажены в 1917 году и в конечном счете предопределили трагический коллапс вооруженных сил.

Эмигрантами четко обозначалась также «примитивность» форм политического и социального устройства страны – свидетельство не проведенной до конца модернизации. Другим фактором стал «триумф» локальных идентичностей, утвердившийся после долгих лет военной борьбы вместо единой национальной идентичности, что являлось прямым следствием просчетов в национальном строительстве. Это открывает новый, малоисследованный пласт причин поражения России в Первой мировой войне. Более того, ставит вопрос о ядре Белого движения, об основном мотиве его борьбы как проявлении исключительного национального чувства в условиях нарушения военным противником всех политических и национальных границ, пассивности основной массы народонаселения и провальной

политики правительства. Еще одним важным выводом является то, что при характеристике национального и модернизационного аспектов военными-эмигрантами высказывалась их политическая позиция, которая в общих чертах была

либеральной, а не исключительно монархической и крепостнической, как на том настаивала советская историография. Данный факт можно считать актом противостояния двух историографических традиций – белоэмигрантской и советской.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История гражданской войны в СССР. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935. С. 34.
- ² Там же. С. 247.
- ³ Там же. С. 46–47.
- ⁴ Там же. С. 40.
- ⁵ Там же. С. 43.
- ⁶ Там же. С. 47–48.
- ⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль 1917 – сентябрь 1917. Мн.: Харвест, 2002. С. 251.
- ⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж: Товарищество объедин. изд., 1939. С. 80.
- ⁹ Там же. С. 156–157.
- ¹⁰ Данилов Ю. Н. На пути к крушению: Очерки последнего периода Российской монархии. М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 148.
- ¹¹ Там же. С. 159.
- ¹² Там же. С. 25.
- ¹³ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 4. М.: Голос, 1994. С. 113.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Баиов А. К. Вклад России в победу союзников. Таллин, 1924. С. 56–58.
- ¹⁶ Клаузевиц К. О войне. М.: Изд. корп. «Логос»: Междунар. изд. комп. «Наука», 1998. С. 249.
- ¹⁷ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. М.: Канон+, 2008.
- ¹⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939. С. 10.
- ¹⁹ Там же. С. 11–12.
- ²⁰ В отличие от многих российских дореволюционных историков, отрицавших наличие феодализма в России, Н. Н. Головин признавал его, считая главным признаком феодальных отношений сословное деление и «высокие сословные перегородки».
- ²¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне... С. 10.
- ²² Там же. С. 16.
- ²³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 68.
- ²⁴ Ленин В. И. Войско и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 12. С. 113.
- ²⁵ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 55–57.
- ²⁶ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне: 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. С. 25–26.
- ²⁷ В своем исследовании феномена национал-большевизма Э. Бранденбергер показал, что большевики сумели преодолеть этот недостаток. Он пришел к выводу, что целью их пропагандистской политики была более эффективная мобилизация общества накануне крупной войны. Именно этот специфический мобилизационный курс, основанный на синтезе национальной и социалистической риторики, и отличал политику большевиков от практик царской власти [2: 2].
- ²⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне... С. 23.
- ²⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 17.
- ³⁰ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 117.
- ³¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне... С. 26.
- ³² Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 1. Париж: [б. и.], 1937. С. 74–75.
- ³³ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне... Т. 2. С. 156–157.
- ³⁴ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 59.
- ³⁵ История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 35.
- ³⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 10.
- ³⁷ Там же. С. 33.
- ³⁸ Этим особенно страдали «кубанцы», члены «черноморской» части этого войска.
- ³⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Вооруженные силы Юга России. М.: АЙРИС-пресс, 2015. С. 217–226.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ш к е р о в А. Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта (Уайт Х. «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века») // Социологическое обозрение. 2002. № 1. С. 86–99.

2. Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 / Авториз. пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб.: Изд-во ДНК, 2009. 415 с.
3. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
4. Герлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945 / Пер. с англ. С. В. Лисогорского. М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. 478 с.
5. Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914 / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Модест Колеров, 2015. 424 с.
6. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.
7. Nipperdey T. Germany from Napoleon to Bismarck, 1800–1866 / Tr. by D. Nolan. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. 760 p.
8. Sanborn J. A. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 278 p.

Поступила в редакцию 19.06.2025, принята к публикации 30.09.2025

Original article

Artyom Yu. Korotkiy, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
akorotkiy46@gmail.com

RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY MILITARY EMIGRES ON THE PROBLEM OF NATIONAL CONSOLIDATION DURING WORLD WAR I

Abstract. The article examines the views of Russian post-revolutionary military emigrants on the problem of national consolidation in the context of World War I and the collapse of the military efforts of the Russian Empire. The study reveals an alternative interpretation of the causes of Russia's defeat, which differs from the canonical provisions of Soviet historiography focusing on socio-economic backwardness and national oppression. Special attention is paid to the interpretation of national disintegration as a key factor in weakening the military's combat capability, as well as to the role of regional self-identities in undermining a unified national identity. Based on the analysis of memoirs, journalistic publications, and research works of A. I. Denikin, N. N. Golovin, Yu. N. Danilov and other representatives of the military emigrant community, the study reconstructs ideas regarding the unrealized model of the "army of the armed people", the absence of genuine civic patriotism in the country, and the failure of the modernization policy of the tsarist regime. The author reveals a deep semantic and political distance between the White emigrants' narrative and the official Soviet narrative, pointing to the liberal-democratic orientation of the political views of the emigrant officers, which was often extremely distorted in the official historiography of the USSR.

Key words: Russian Civil War, historiography, N. N. Golovin, Yu. N. Danilov, A. I. Denikin, A. A. Kersnovsky

For citation: Korotkiy, A. Yu. Russian post-revolutionary military emigres on the problem of national consolidation during World War I. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1244

REFERENCES

1. Ashkerov, A. Yu. Metahistory of metahistory, or Decoding of Hayden White. *Sociological Review*. 2002;1:86–99. (In Russ.).
2. Brandenberger, D. L. National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity, 1931–1956. St. Petersburg, 2009. 415 p. (In Russ.)
3. Gellner, E. Nations and nationalism. (I. I. Krupnik, Ed.). Moscow, 1991. 319 p. (In Russ.)
4. Görlitz, V. The German General Staff. History and structure, 1657–1945. Moscow, 2005. 478 p. (In Russ.)
5. Menning, B. W. Bullets and bayonets. The Imperial Russian Army, 1861–1914. Moscow, 2015. 424 p. (In Russ.)
6. Russia during World War I: economic situation, social processes, and political crisis. (Yu. A. Petrov, Ed.). Moscow, 2014. 982 p. (In Russ.)
7. Nipperdey, T. Germany from Napoleon to Bismarck, 1800–1866. Princeton, 1996. 760 p.
8. Sanborn, J. A. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb, 2003. 278 p.

Received: 19 June 2025; accepted: 30 September 2025

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
elena-dianowa@yandex.ru

ТРУДОВЫЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ДРУЖИНЫ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В 1915–1916 ГОДАХ

А н н о т а ц и я . На основе архивных и опубликованных документов впервые описываются создание и функционирование ученических дружин в Олонецкой губернии во время Первой мировой войны, что составляет научную новизну исследования. Актуальность темы определяется необходимостью изучения истории дружин учащихся как формы молодежных объединений для решения важных социальных задач. Рассматриваются источники их финансирования, число и руководящий состав, количество участников; участие дружин учащихся в оказании помощи семьям призванных в армию крестьян; основные трудности на пути создания трудовых дружин. В ходе исследования установлено, что в Олонецкой губернии создание трудовых дружин началось лишь в 1915 году, когда возникла дружина при Олонецкой мужской гимназии. В 1916 году ученические дружины сформировались при городских учебных заведениях Петрозаводска, Лодейного Поля, Пудожя, Олонца, а также при сельских училищах в Каргопольском, Лодейнопольском и Олонецком уездах. Дружинники оказывали помощь крестьянским хозяйствам запасных и мобилизованных нижних чинов, семьям мобилизованных солдат на сенокосе и при уборке урожая. В 1916 году возникли огородные дружины, которые должны были выращивать овощи для снабжения армии и лазаретов. Наибольших успехов в огородном промысле добилась огородная дружина Ильинского министерского училища в Олонецком уезде. Удалось выявить неоднозначные процессы в создании школьных дружин, причины отсутствия дружин в некоторых уездах Олонецкой губернии, связанные с привлечением учащихся к заработкам на отхожих промыслах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Олонецкая губерния, трудовая помощь, ученические дружины, сельскохозяйственные работы, безвозмездный труд

Б л а г о д а р н о с т ь . За помощь и консультацию благодарю доцента кафедры истории России ЛГУ им. А. С. Пушкина, кандидата исторических наук В. В. Карпову.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дианова Е. В. Трудовые ученические дружины в Олонецкой губернии в 1915–1916 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 16–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1245

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время одной из значимых тем научных поисков стала история детского и ученического движения, различных добровольческих объединений молодежи и подростков, в том числе экономического / хозяйственного назначения, к которым относятся сельскохозяйственные дружины учащихся, возникшие в период Первой мировой войны. Актуальность темы определяется необходимостью изучения истории ученических дружин как формы молодежных объединений, созданных для решения важных социальных задач, прежде всего для оказания трудовой помощи в хозяйствах крестьян, мобилизованных в действующую армию. Об-

ращение к историческому опыту позволяет установить преемственность традиций в добровольческой деятельности по поддержке семей участников СВО.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем на основе различных источников впервые описываются создание и деятельность ученических дружин в Олонецкой губернии во время Первой мировой войны, созданных для облегчения труда в хозяйствах крестьян, призванных в действующую армию, и анализ их деятельности в военные годы (1915–1916).

Цель статьи состоит в том, чтобы изучить функционирование ученических дружин учащихся различных учебных заведений в Олонец-

кой губернии. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: выяснить источники финансирования и руководящий состав ученических дружин, их число, количество участников; рассмотреть деятельность дружинников по оказанию помощи семьям мобилизованных крестьян; выявить трудности на пути создания трудовых дружин в некоторых уездах губернии.

Методологической основой исследования является институциональная теория, изучающая «совокупность социально-экономических факторов (институтов) во времени» [1], которые координируют деятельность людей, определяют их рациональный выбор и стратегии поведения. Кроме того, институт рассматривается как объединение людей, совместно реализующих общие цели [19: 216]. К социальным институтам относятся семья, стратификационные возрастные группы (в данном случае – молодежные группы – дружины). Основными методами исследования выступают исторический нарратив и историко-сравнительный подход, что позволяет не только описать создание и деятельность ученических дружин в Олонецкой губернии, но и выявить сходство и различие этих объединений учащихся в разных уездах и других губерниях.

Ученическое, детское и общественно-педагогическое движение в императорской России рассматривали С. И. Беленцов [3], В. А. Кудинов [12], В. П. Минакова и И. В. Фомичев [14], Ю. А. Петрушин [15], Е. Н. Полищук [16] и др. Изучению деятельности ученических дружин в годы Первой мировой войны посвящены брошюра В. П. Минаковой [13], статьи В. В. Бахтина [2], С. В. Букаловой [4], В. В. Карповой [8], А. И. Потворова [17], Н. В. Тарасовой [18], А. И. Чубарова [20] и других исследователей.

Важной причиной возникновения трудовых ученических дружин в годы Первой мировой войны явилась нехватка рабочих рук. Теоретик кооперации В. Ф. Тотомианц полагал, что

«артели учащихся – оригинальное русское учреждение, дитя войны. Их вызвал к жизни летом 1915 года недостаток сельскохозяйственных рук, и возникают они по инициативе частных интеллигентных лиц, самих учащихся, благотворительных организаций, земств и других общественных учреждений»¹.

К важным мотивам создания трудовых дружин учащихся относится также «мощный подъем патриотических чувств всех слоев общества». Активизация их общественной активности способствовала созданию трудовых бригад «из состава учащихся средних учебных заведений, которые отправились в села оказывать помощь

семьям мобилизованных на войну» [2: 98]. У учащихся «возникла и стихийная тяга к непосредственному участию в деятельности, направленной на нужды войны, к содействию воюющим взрослым» [3: 131].

Серьезным стимулом к объединению явился «высоко альтруистический, глубоко общественный и государственно-гражданский» порыв учащихся. По сути дела, это было «хождение» молодежи в народ, «в среду трудящихся». По мнению русского педагога и кооператора Н. Н. Иорданского, значение добровольных трудовых отрядов для самих учащихся было очевидно: «Какие незабвенные уроки инициативы, свободы, ответственности, терпения и настойчивости дают будущему гражданину эти полевые работы»².

Что касается сущности ученических дружин, то они являлись трудовыми добровольными объединениями молодежи и подростков. Дружинники работали на безвозмездной основе как волонтеры. В некоторых дружинах стали оплачивать труд школьников, что приравнивало их к трудовым артелям. В. Ф. Тотомианц причислил дружины к организациям с кооперативными началами, основанным на принципе материальной заинтересованности.

Региональная литература представлена трудами о Первой мировой войне, прежде всего монографией Е. Ю. Дубровской и Н. А. Кораблева «Карелия в годы Первой мировой войны, 1914–1918» [5]. К работам, где упоминается создание трудовых дружин учащихся в Олонецкой губернии, относится статья Н. А. Кораблева об общественном движении помощи фронту и жертвам боевых действий в Карелии, вошедшая в сборник материалов международной конференции «Первая мировая война и Европейский Север России» [11]. Некоторые сведения об ученических объединениях при учебных заведениях в Олонецкой губернии содержатся в статьях В. В. Карповой о региональных особенностях деятельности трудовых дружин учащихся [10] и огородных ученических дружинах в 1916 году [9].

Учебные заведения Олонецкой губернии входили в Петроградский учебный округ. Большой объем фактического материала о школьных трудовых дружинах Петроградского учебного округа содержится в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности в фонде 733 (Министерство народного просвещения). Подробный анализ основных документов РГИА о деятельности ученических трудовых дружин в годы Первой мировой войны дан в статье В. В. Карповой [7].

Документы с отчетами о работе ученических дружин в крестьянских хозяйствах карель-

ских сел имеются в некоторых фондах Национального архива Республики Карелия (НА РК). Так, в фонде Директора народных училищ Олонецкой губернии (ф. 17) и фонде Инспектора народных училищ 5-го района Олонецкой губернии (ф. 335) сохранились докладные записки об организации трудовых дружин, дела о привлечении учащихся к огородному промыслу и отчеты об участии учащихся и учащихся в добровольных работах на огороде. Выдержки из докладной записки инспектора народных училищ директору народных училищ Олонецкой губернии о деятельности трудовых дружин в годы Первой мировой войны и отчет заведующего Ильинским двухклассным министерским училищем включены в книгу О. П. Илюхи [6].

В качестве источников использовались справочники, издаваемые с целью нормативно-правового регулирования организации трудовых дружин³. Также можно назвать изданный к 100-летию начала Первой мировой войны сборник документов и материалов «Карелия в годы Первой мировой войны» (Петрозаводск, 2014)⁴, в котором в разделе «Тыл фронту» есть отдельные рубрики, касающиеся интересующей нас темы «Социальная помощь семьям участников войны и увечным воинам» и «Благотворительность». В целом источниковая база позволяет изучить создание и деятельность трудовых дружин Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДРУЖИНЫ УЧАЩИХСЯ

С началом Первой мировой войны общественность Олонецкой губернии неоднократно обсуждала вопрос об общем для всех граждан деле: как «облегчить участь семейств лиц, призванных на ратный труд». Летом 1914 года на заседании Олонецкой уездной земской управы рассматривался вопрос «о помощи семействам запасных в деле уборки урожая». Олонецкая уездная земская управа выражала полную готовность оказать содействие во время

«посева озимого хлеба и обмолота нынешнего урожая», «предоставив в бесплатное пользование имеющиеся в ее распоряжение орудия – молотилки, веялки, триеры и посильную помощь со стороны чинов земского агрономического персонала»⁵.

В первый год войны в оказании помощи семьям воинских чинов, призванных на военную службу, принимали участие городские управы, земства, промышленные и торговые предприятия края, отдельные лица. Трудовые объединения учащихся тогда еще не были созданы.

В 1915 году в Олонецкой губернии появилась только одна дружина при Олонецкой императора Александра Благословенного мужской гимназии. Ее возглавили двое родителей учеников – В. Г. Иванов и Е. П. Савичев [11: 380]. Средства на организацию дружины внес педагогический совет гимназии (94 руб. 81 коп.), имели место и добровольные пожертвования (10 руб.). В дружину записалось 14 человек. За 11 дней работы в деревне Бесовец Шуйской волости дружина скосила и убрала 30 заколин (заколина – часть стога сена, отделенная жердями). Что касается влияния труда на здоровье и психическое состояние учащихся, то, по отзывам руководителей, «время проведено приятно и полезно»⁶.

Весной 1916 года по примеру прошлого года министр народного просвещения обратился к директорам гимназий и заведующим учебными заведениями с призывом организовать трудовые дружины учащихся. При организации дружин следовало

«иметь в виду не только посильную пользу, которую эти дружины могут принести населению, но также и значение дружин с точки зрения педагогической, учитывая то образовательное и воспитательное значение, которое могут и должны иметь для учащихся эти “трудовые экскурсии” при умелом и искусном руководстве. Они, несомненно, откроют молодежи новый мир впечатлений и знаний из жизни населения о трудах, занятиях и быте населения, обогатят наблюдениями над явлениями природы, сообщат много житейских и практических сведений»⁷.

Министерство народного просвещения в 1916 году утвердило новые «Правила о трудовых дружинах учащихся»:

«Трудовые дружины формируются учебными заведениями из учащихся учебных заведений МНП, добровольно изъявивших согласие принять участие в них и в надлежащих случаях с согласия родителей или заменяющих их лиц. В состав трудовой дружины должно входить не более 25 учащихся.

Дружинники за свой труд не получают никакого вознаграждения. Крестьянские же хозяйства, которые ими обслуживаются, должны предоставить им кров и обычное крестьянское довольствие за особую плату. Для изыскания средств, необходимых на текущие расходы по содержанию дружин, можно обращаться с ходатайством к местному земству или в Отделение комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны или отчисления из специальных фондов данного училища»⁸.

Трудовые дружины учащихся создавались для пополнения недостатка рабочих сил в сельскохозяйственном хозяйстве и предназначались

«для трудовой помощи семьям воинов, а также для работы на общественных огородах, устраиваемых с целью снабжения овощами войск и лазаретов,

и для других земледельческих работ, как, например, по уборке сена и урожаев»⁹.

Задолго до летних вакаций попечителю Петроградского учебного округа были предоставлены сведения о трудовых дружинах по уездам. В 1916 году в Олонецкой губернии было создано 9 трудовых дружин, но осталось 8. В Петрозаводске на средства Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны (200 руб.) и на специальные средства гимназии (105 руб. 15 коп.) удалось сформировать две дружины (21 человек)¹⁰.

Дружинники трудились на полях фронтовиков в пригородной Ялгубской волости [11: 380]. Первая дружина за 11 дней выкосила 9 десятин луга, вторая дружина работала 7 дней и заготовила 500 пудов сена для 13 солдаток. В целом «дружинники физически окрепли и нравственно обогатились и возвысились». Ребята

«относились к работам добросовестно и с полным сознанием приносимой пользы. Они приблизились к природе, поняли тяжелый крестьянский труд и научились ценить последний. Крестьяне сперва недоверчиво относились к дружинникам, а затем, увидев старание дружинников, изменили свое к ним отношение, стали усиленно просить их к себе на помощь»¹¹.

Однако в селах Петрозаводского уезда трудовые дружины «при всем старании учащихся устроить не удалось». Канцелярия директора народных училищ Олонецкой губернии получила «от всех 20 учителей, коим предписано было устроить дружины», объяснения о причинах срыва министерского задания и их доводы, почему «трудовых дружин на началах полной организации устроено не было». Так,

«12 учителей донесли, что дети 8–11 лет и в своих семьях в полевых работах не участвуют, а подростки ведут свои хозяйства, так как почти из каждой семьи кто-либо (отец или брат) призван на военную службу».

В таких селах Петрозаводского уезда, как Муромля и Рыбрека, «полевые работы всегда выполняются женщинами, так как мужчины уходят на заработки, кроме того, сеют мало и с уборкой справляются». В Вознесенье «крестьянским хозяйством занимаются только пять семейств, и они справляются сами», а работоспособные мужчины шли в чернорабочие. В Святозере и Важинской Пристані учителя помогали в страдную пору нуждающимся семьям. В Ивине оказанием помощи занялся священник. Ему удалось собрать крестьян, в том числе и подростков, учащихся. Весной они боронили поля, в августе помогали убирать хлеб. Летом учащиеся привлекались родителями на собственные работы на сенокосе¹².

В Лодейнопольском уезде принимались меры для образования трудовых дружин в Оштинском

и Подпорожском сельских училищах¹³. В результате по одной дружине смогли создать Лодейнопольское высшее начальное училище (20 человек) и Подпорожское министерское училище (8 человек)¹⁴.

Пудожское училищное начальство сначала доложило, что в уезде «трудовых дружин пока нет, потому что родители, особенно крестьяне, не отпускают учащихся детей участвовать в трудовых дружинах, нуждаясь сами в помощи своих детей». Затем Пудожская трудовая дружина все-таки была создана «для помощи семьям призванных на войну воинов в полевых работах (косье, жатве, уборке урожая)». Для ее организации поступило ходатайство об отпуске 300 руб. из специальных средств учебных заведений, что позволило организовать трудовую дружину (28 человек) из учеников высшего начального, женского и мужского приходских училищ Пудожа¹⁵. Пудожская дружина трудилась с 6 часов утра до 8 часов вечера на уборке трав и хлеба. Дружинники «работали усердно, не замечая усталости, оказали помощь 10 семьям». Учащиеся увидели, что «обрабатывать землю есть великая заслуга перед человечеством». К школьникам крестьяне относились «весьма хорошо»¹⁶.

В Каргопольском уезде об организации дружины (15 человек) сообщил А. И. Богданов, заведующий Архангельским двухклассным министерским училищем. В Архангельской волости школьники занимались уборкой овса; ими было снято до 100 бабок овса¹⁷ (бабка – четыре снопа овса – колосьями вверх, накрытые пятым – колосьями вниз – от дождя).

В Олонце о создании дружины отчитались Олонецкое высшее начальное училище и Екатерининское двухклассное женское приходское училище, в Олонецком уезде – Ильинское двухклассное министерское училище. Ильинская ученическая дружина работала на сенокосе с 1 по 15 июля 1916 года. Ученики выросли в деревне и с ранних лет были «знакомы с тяжелым крестьянским трудом и с природой севера», «и потому работы на сенокосе не вызвали у дружинников утомления. Все они осознавали, что делают полезное дело, и это сознание возбуждало в них старание и энергию». На содержание учащихся не потребовалось никаких средств, так как

«работы производились в Ильинском и ближайших деревнях, поэтому дружинники ежедневно возвращались домой. Все дружинники работали на своем содержании, только в исключительных случаях, когда нельзя было отказаться, после усиленных просьб хозяев, пользовались хозяйским молоком и пили у них чай»¹⁸.

Дружина оказывала помощь «исключительно семьям крестьян, призванных в ряды действу-

ющей армии». Среди них: 1) семья крестьянина Николая Хоренова Ильинского прихода (д. Верхняя Седокса), у которого три сына на войне, а сам хозяин 17 лет страдает неизлечимой болезнью (парализован); 2) семья крестьянина Михаила Хоренова – хозяин на войне, дома одна жена; 3) семья крестьянина Сергея и Степана Кошкиных (д. Герпялы) – оба на войне, дома старуха мать и жена Сергея с малолетними детьми; 4) вдова Мария Годерева (д. Алексалы) – единственный сын на войне; 5) крестьянин Марков (д. Герпялы) – два сына на войне; 6) семья крестьянина Егора Куттуева (д. Горки) – «два сына на войне, сам стар, а жена страдает болезнью ног» [6: 141].

По словам инспектора народных училищ Олонецкого района,

«помощь, оказанная дружиной, была весьма велика для всех семей воинов, а в некоторых случаях даже незаменима, так как в данной местности ощущается большой недостаток рабочих рук и цены на рабочие руки все время стояли очень высокие». При этом «помощи дружины просили многие другие семьи воинов, но, к сожалению, вследствие небольшого состава дружины, не представлялось возможности удовлетворить просьбу всех обратившихся»¹⁹.

Руководство дружинами учащихся осуществляли преподаватели учебных заведений и инспекторы народных училищ. Дружинами, созданными при Олонецкой императора Александра Благословенного гимназии, руководили ее преподаватели. Дружиной Лодейнопольского высшего начального училища руководили инспектор народных училищ В. В. Троцкий, заведующий училищем В. А. Кирсанов, учителя В. К. Чепыгин и П. А. Ходунов. Управление дружиной Олонецкого высшего начального училища и Екатерининского двухклассного женского приходского училища взял на себя инспектор народных училищ Л. А. Ольгский. Общее руководство Пудожской трудовой дружиной принадлежало инспектору народных училищ П. А. Младову. Некоторыми дружинами руководили заведующие училищами, например заведующий Подпорожским министерским училищем А. Е. Яковлев, заведующий Ильинским двухклассным министерским училищем М. Г. Демидов. К руководству дружиной Ильинского двухклассного министерского училища присоединились учительницы А. Годарева и М. Маркова²⁰.

В 1916 году в Олонецкой губернии действовало 8 трудовых дружин, как и в Новгородской и Псковской губерниях [10: 137]. По сравнению с другими губерниями Петроградского учебного округа численный состав дружин был незначительным. Сельскохозяйственные дружины создавались при городских учебных заведениях в Петрозаводске, Олонце, Лодейном Поле и Пудо-

же. При сельских училищах дружины возникли в Каргопольском, Лодейнопольском и Олонецком уездах.

ОГОРОДНЫЕ ДРУЖИНЫ

Весной 1916 года в канцелярию директора народных училищ Олонецкой губернии поступил циркуляр Министерства народного просвещения и управляющего Петроградским учебным округом от 24 марта 1916 года. В документе говорилось о предложении Министерства земледелия:

«Ввиду крайне завышенных цен на необходимые продукты продовольствия, в том числе на овощи, заложить предстоящим летом общественные огороды для снабжения населения овощами». Под общественные огороды предлагалось использовать «множество находящихся близ городов и селений свободных земельных площадей из-под заброшенных огородов, садов и ягодников, парков, выгонов, дворовых мест, обочин железнодорожных, шоссеиных, почтовых дорог и вообще всякого рода пустошных земельных участков»²¹.

К устройству огородов предполагалось привлечь земские общественные силы, а также чинов разных ведомств, «особенно из учебного персонала и других, кои в летнее время будут свободны от своих прямых учебных обязанностей, и вообще всех желающих обоюбого пола и разных возрастов». Министерство народного просвещения признало

«весьма полезным привлечение учащихся к делу организации огородов», но «в том случае если учащиеся не будут в состоянии принять участие в трудовых дружинах для помощи семьям призванных на войну»²².

Вскоре пришел циркуляр Министерства народного просвещения и управляющего Петроградским учебным округом «О привлечении учащихся к огородному промыслу» от 6 апреля 1916 года. В нем разъяснялось значение огородного промысла, который мог «в известной степени восполнить ощущаемый недостаток в мясной пище и дать армии и населению здоровые пищевые продукты». Поскольку «одним из главных препятствий для увеличения производства овощей» являлся недостаток рабочих рук, Министерство народного просвещения разрешило привлекать к огородным работам учащихся²³. Школьники могли принять участие в некоторых весенних огородных работах: посадке капустной рассады, посеве семян овощей и др. В это время учащиеся освобождались от учебных занятий.

16 апреля 1916 года Комиссия по внешкольному сельскохозяйственному образованию при Департаменте земледелия составила «Примерное положение о трудовых дружинах учащихся». В документе разъяснялось, что трудовые ученические дружины создаются «для трудовой помо-

щи семьям воинов, а также для работы на огородах, устраиваемых с целью снабжения овощами войск и лазаретов». Перед отправкой учеников городских школ в села с целью подготовки дружинников рекомендовалось провести для них «чтения и беседы о деревне и сельской жизни, о значении земледелия для отечества, о влиянии войны и о необходимости для учащихся принять посильное участие в сельскохозяйственном труде»; устроить особые курсы сельского хозяйства²⁴.

20 апреля 1916 года Департамент народного просвещения разослал попечителям учебных округов примерные правила организации трудовых дружин для оказания помощи в полевых работах семьям призванных на войну, где были предусмотрены и работы на общественных огородах [9: 106]. В целях широкого развития огородного промысла Министерство земледелия командировало своих специалистов в губернии «для выработки совместно с земствами мероприятий, могущих способствовать увеличению площади огородных культур»²⁵.

К движению светских учебных заведений присоединилась и Русская православная церковь. Святейший Синод от 8–9 марта 1916 года принял определение «О привлечении церковных школ к заготовке овощей для продовольствия войск». Училищный совет при Святейшем Синоде обратил внимание на то, что «при многих церковных школах... имеются удобные участки огородной земли», где «могла бы быть организована путем усиления развития огородничества в предстоящее лето трудовая помощь в сем деле учащихся детей». Училищный совет поручил епархиальным училищным советам принять меры к устройству огородов с целью разведения капусты, свеклы, моркови и лука, а также петрушки, укропа и стручкового перца. На основании определения Святейшего Синода учащиеся церковных школ

«могли быть привлечены к добровольным работам по уходу за небольшим школьным огородом и снабжению выращенными овощами сушильных заведений и местных лазаретов»²⁶.

В Петрозаводске для устройства общественного огорода привлекли 70 учащихся, в том числе 40 учеников Петрозаводского высшего начального училища в возрасте от 12 до 16 лет и 17 учениц Петрозаводского двухклассного женского училища от 10 до 15 лет. На общественном огороде петрозаводские школьники начали работать 15 мая 1916 года²⁷.

В Лодейном Поле для общественного огорода отвели за городом участок земли 600 кв. сажень, где посадили 15 мер (по другим данным – 18 мер) картофеля, на 10 грядках – капу-

сту и свеклу. На огороде учащиеся занимались вскапыванием грядок, окучиванием, прополкой, поливом растений. За работами наблюдали инспектор народных училищ В. В. Троцкий, заведующий Лодейнопольским высшим начальным училищем В. А. Кирсанов и учитель того же училища В. К. Чепыгин. В огородной дружине состояло 20 учеников высшего начального и приходских училищ от 11 до 16 лет (5 мальчиков и 15 девочек). В середине лета осталось всего 10 девочек. Многие ребята, желавшие принять участие в дружине, были «отправлены родителями на домашние работы по сельскому хозяйству и заготовке дров, на службу на Олонецкой железной дороге или по путейскому ведомству», но при уборке урожая число дружинников возросло до 50 человек.

Для организации дружины использовали деньги (50 руб.), взятые из специальных средств Лодейнопольского высшего начального училища. Половину суммы (25 руб.) истратили на покупку семенного картофеля, которую намеревались вернуть осенью за счет вырученных средств от продажи урожая. Часть картофеля предполагалось «отдать в качестве натуральной оплаты семьям учеников, отцы коих призваны на военную службу»²⁸.

В огородную дружину при Подпорожском одноклассном министерском училище входило 8 человек. Огород устроили на участке земли, безвозмездно уступленном крестьянкой Барабановой. Учитель А. Е. Яковлев, руководитель дружины, пожертвовал для посадки семенной картофель. Осенью 1916 года ученики собрали 30 мер картофеля и отдали законоучителю училища протоиерею П. И. Громову, представителю местного комитета помощи семьям призванных на войну. Помимо огорода дружина пять дней работала на уборке и сушке сена на участках призванных на войну крестьян²⁹.

По сообщению инспектора народных училищ 5-го района Олонецкой губернии, в Олонце идея организации общественного огорода нашла отклик у педагогов и воспитанников, на огороде «выразили готовность работать учащие и учащиеся приходских и высшего начального училища, а также учителя начальных училищ, проживающие летом в Олонце». В городе для устройства общественного огорода взяли участок земли у купца И. М. Тухкина. На огороде работы начались 26 мая и продолжались до 31 мая 1916 года. На отдельной полосе сначала планировали посадить 30–40 мер картофеля, однако посадили 20 мер, но зато на 34 больших грядках высадили «много огородных овощей» (капусту, свеклу, морковь, репу, огурцы). На олонецком огороде поначалу работали 30 человек, затем – 35 чело-

век. Записавшиеся в огородную дружину учащиеся решили, что «с наступлением сенокоса, жатвы будут помогать женам запасных»³⁰.

В селе Крошнозеро Олонецкого уезда общественный огород организовал учитель Крошнозерского земского училища А. Никитин. На огороде охотно работали как учащие, так и учащиеся, всего 15 человек. Для крошнозерской и олонечкой огородных дружин семена и инвентарь бесплатно отпустила Олонецкая уездная земская управа³¹.

В селе Ильинском по предложению Олонецкой уездной земской управы (отношение уездной земской управы от 22 мая за № 2069) и по примеру прошлых лет ученический огород обустроили при Ильинском министерском училище под руководством и наблюдением заведующего этим училищем М. Г. Демидова. Предварительно М. Г. Демидов и помощник уездного земского агронома Бабушкин выработали условия, на которых планировалось устроить огород. Прежде всего «под огород должна быть отведена хорошо вспаханная и в достаточной мере удобренная земля на училищном участке». Во-вторых, «семена всех огородных овощей в потребном количестве выдаются земством бесплатно». В-третьих, «ученики, работавшие на огороде, получают половину выращенных овощей». И наконец,

«на расходы по вспашке и удобрению земли для огорода и за труды по руководству делом учитель получает от земства вознаграждение в сумме 30 руб. и, кроме того, в его же пользу поступает вторая половина выращенных овощей» [6: 137].

На этом огороде согласились работать учителя других школ. Среди них: учительница Березовского земского училища З. М. Демидова, учительница Тулоцкого земского училища А. Ф. Годарева, учитель Тюзмбязского двухклассного русского училища (в Финляндии) Л. М. Демидов, учительница Пелдожского русского училища (в Финляндии) Е. А. Орлова, учительница Юксийского земского училища А. Н. Максимова, учительница Вехручейской церковноприходской школы Петрозаводского уезда Е. П. Орлова [6: 137], а также воспитанник Олонецкой духовной семинарии А. И. Туманов и учащийся Петрозаводского технического училища А. Демидов³².

Каждый ученик получил по две грядки, за которыми он и должен был ухаживать: одна длиною в 4,5 саж. – под капусту и брюкву, другая длиною в 3,5 саж. – под прочие овощи: свеклу, морковь, редьку, лук и огурцы. Ширина грядки в окончательной отделке составляла 1,5 аршина. Семена огородных овощей выдавались из запасов личного хозяйства М. Г. Демидова,

так как «земство семян совсем не присылало». Каждому участнику дружины было выдано для посадки на своих грядках 50–60 ростков капустной рассады, 40–50 ростков брюквенной рассады, 5–10 ростков огуречной рассады; 20–30 головок мелкого лука и по одному лоту семян разных овощей: свеклы, моркови, редьки. Рассада капусты и брюквы выращивалась в собственном парнике учителя М. Г. Демидова. По его подсчетам, «всего израсходовано семян и рассады на посадку на сумму до 4 руб., каковой расход земством, вероятно, будет возмещен согласно условию». Посадка семян и рассады производилась между 12 мая и 1 июня 1916 года, «без запоздания во времени для каждого овоща в отдельности, в зависимости от местных климатических условий и на основании многолетнего опыта» [6: 138].

К работам на огороде привлекли 12 человек учащихся старших возрастов (от 10 до 14 лет), из них 10 мальчиков и 2 девочки [6: 138]. По другим отчетам, всего было 10 учащихся от 10 до 13 лет. При создании огородной дружины с родителями учащихся были оговорены условия: «При работе на огороде в помощь детям могут принимать участие и их родные старшего возраста, как то мать, сестра, брат». Дружинники, «более усердные и исправно выполнявшие работы по устройству грядок, посадке и уходу за все время выращивания овощей, получают в свою пользу все овощи». Действительно,

«при устройстве грядок и дальнейшем уходе за время роста овощей, как то: поливке и очистке от сорных трав некоторым детям помогали их матери и старшие сестры, что много способствовало более правильному и успешному ведению дела».

Непосредственное участие в работе на огороде взрослых членов семей учащихся оказалось

«не бесполезно и лично для самих взрослых, так как многие из них наравне с детьми тут же учились и делать грядки, и садить овощи (рядовой посев), и ухаживать во время произрастания овощей (поливка, полоть, разреживание, окучивание)» [6: 138].

Все огородные работы исполнялись по указаниям М. Г. Демидова и под его непосредственным наблюдением. Благодаря тому что «выполнение работ всеми участниками производилось всегда охотно и весьма рачительно», а «случаев несвоевременного исполнения работы было мало», «овощи на огороде произрастали довольно успешно и в общем дали обильный урожай». Например, большая часть кочанов капусты весила от 5 до 10 фунтов, «много кочанов капусты уродилось выше означенного веса». Так, у ученика Данилова один кочан капусты получился весом в 30 фунтов. Встречались экзем-

пляры брюквы от 3 до 5 фунтов, свеклы – от 0,5 до 1,5 фунта. По словам М. Г. Демидова,

«все овощи получились высокого качества: и крупные, и сочные. Морковь, редька и лук дали средний сбор. Мелких овощей на всем огороде оказалось самое незначительное количество» [6: 139].

По договоренности, выращенные на огороде овощи «осенью поступили в собственность каждого из учеников, работавшего на огороде». Как следует из отчета М. Г. Демидова,

«ликвидация всего урожая овощей производилась в следующем порядке: шестеро из участников, как более исправные и успешные труженики, получили в собственность все выращенные овощи полностью, а остальные – только по 2/3 урожая. В общем, каждый из учеников получил довольно порядочное количество разных овощей» [6: 139].

В других уездах огородные дружины не были созданы. Инспектор народных училищ Каргопольского уезда П. Чубаров предоставил директору народных училищ Олонецкой губернии постановление Каргопольского уездного училищного совета от 27 апреля 1916 года. В нем объяснялись причины отсутствия общественного огорода. С одной стороны, «население города и уезда, практикуя домашние огороды, не нуждается в устройстве общественных»; с другой – «земельные пустоши... не могут быть использованы под огороды вследствие истощения их почвы». В свою очередь «учащиеся из крестьян и мещан, занимающиеся хлебопашеством, утилизируются родителями в своих хозяйствах, осуществление общественных огородов в настоящее время признать невозможным». Попечителю Петроградского учебного округа доложили о том, что в Каргопольском уезде «трудовых дружин не организовано по отсутствию потребности, ученики же помогают в полевых работах своим семьям»³³.

В Вытегорском уезде учителя предпринимали определенные усилия, пытаясь организовать трудовые дружины согласно требованиям Министерства народного просвещения. Однако,

«несмотря на все желание создать правильно организованные дружины из учащихся, не имели пока возможности выполнить этого в весенний период полевых работ, да и в летний период едва ли явится возможность организовать такие дружины из учащихся, занятых у себя в семьях работами как полевыми, так и другими необходимыми для семьи.

Ввиду тяжести переживаемого времени и призыва на войну работников семьи дети-учащиеся заняты в качестве помощников, исполняющих всевозможные, нужные в жизни работы как домашние, так и полевые, не отпускаются своими родными и семейниками»³⁴.

В Повенецком уезде «организовать трудовые дружины из учащихся-добровольцев для ока-

зания семьям призванных на войну помощи в полевых работах» не представлялось возможным, что, как полагали местные учителя, объяснялось многими причинами. Во-первых, исходя из того, что

«в Повенецком уезде население исключительно крестьянское», «почти все учащиеся как в низшем, так и высшем начальном училище участвуют в посильных их возрасту сельских работах каждый в своем хозяйстве, и идти работать на сторону да еще бесплатно не могут, особенно в настоящее время, когда на местах так мало осталось мужских рабочих рук».

Во-вторых,

«в Повенецком уезде количество учащихся, сколько-нибудь годных для настоящих работ, вообще очень невелико. Кроме того, учащиеся живут разбросанно по всему уезду в малолюдных деревнях, все более взрослые из них, только что окончившие курс, уже пристроились к разным работам, в том числе на рыбных и лесных промыслах и на железной дороге. Работы дают хорошую заработную плату, и оставить их никто не согласится».

В-третьих,

«Повенецкое земство ничего не предприняло для устройства общественного огорода. Невозможно найти в уезде и достойных руководителей трудовых дружин ввиду совершенного отсутствия подходящих для такого дела как из учителей, так и из других званий».

Наблюдалось также «почти полное отсутствие в уезде агрономического персонала», хотя на службе при Повенецкой уездной земской управе состояли агроном З. З. Рокко, старший сельскохозяйственный инструктор И. И. Усачев, сельскохозяйственный староста Я. С. Калиновский³⁵.

В 1916 году огородные дружины были организованы при учебных заведениях Петрозаводска, Лодейного Поля, Олонца, в селах Крошнозеро и Ильинское Олонецкого уезда. Наибольших успехов в огородном промысле достигло Ильинское министерское училище, поскольку учащиеся имели мотивацию – получить за свой труд часть урожая. Поощрение дружинников вступало в противоречие с «Правилами о трудовых дружинах учащихся», согласно которым они не могли рассчитывать на какое-либо вознаграждение. В других уездах трудовые дружины не появились в связи с уходом школьников на заработки, а безвозмездный труд не отвечал интересам крестьянских семей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Олонецкой губернии создание трудовых дружин началось в 1915 году, когда возникла дружина при Олонецкой императора Александра Благословенного мужской гимназии. Организация трудовых дружин в крае получила размах только в 1916 году. Сельскохозяй-

ственные ученические дружины формировались при городских учебных заведениях Петрозаводска, Лодейного Поля, Пудожя, Олонца, а также при сельских училищах в Каргопольском, Лодейнопольском и Олонецком уездах. В 1916 году возникли огородные дружины, которые должны были выращивать овощи для снабжения армии и лазаретов. Значительных результатов добилась дружина Ильинского министерского училища, работавшая под руководством учителя М. Г. Демидова.

Для организации ученических дружин использовали разные источники финансирования. Необходимые средства предоставляла Олонецкая уездная земская управа. Часть денег поступала из специальных средств гимназий или училищ. В состав руководителей ученических дружин входили инспекторы и директора народных училищ, преподаватели учебных заведений, родители учащихся.

Дружинники оказывали помощь крестьянским хозяйствам запасных и мобилизованных нижних чинов, семьям мобилизованных солдат на сенокосе и при уборке урожая. Судя по отчетам руководителей, они везде работали прилежно. Бескорыстная деятельность ученических трудовых дружин имела большое воспитательное значение для самих учащихся. В некоторых уездах Олонецкой губернии дружины не появились из-за того, что учащиеся занимались земледельческими работами у себя дома или уходили на отхожие промыслы.

В целом можно отметить, что создание трудовых ученических дружин стало проявлением высоких патриотических чувств подрастающего поколения, трудового волонтерства молодежи, откликнувшейся на призыв оказать помощь семьям мобилизованных крестьян в годы Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тотомианц В. Ф. Кооперация среди детей и юношества. Пг.: Мысль, 1919. С. 20.
- ² Иорданский Н. Н. Место кооперации в школе // Кооперация в школе: Хрестоматийный сборник. М.; Л., 1926. С. 26.
- ³ Трудовые дружины и их устройство: Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. Пг.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1916.
- ⁴ Карелия в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Verso, 2014.
- ⁵ Там же. С. 236.
- ⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 2 об.–3.
- ⁷ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 84/1320. Л. 3 (копия).
- ⁸ Там же. Л. 5 об.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 34 об.–35.
- ¹¹ Там же.
- ¹² НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84/1320. Л. 66, 67.
- ¹³ Там же. Л. 8.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 31 об.–32.
- ¹⁵ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84/1320. Л. 8, 38.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 35 об.–36.
- ¹⁷ Там же. Л. 31 об.–32; НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84/1320. Л. 8 об.
- ¹⁸ НА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 10/150. Л. 25.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 34 об.–35; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1916 год. Петрозаводск, 1916. С. 57, 58.
- ²¹ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84/1320. Л. 1 (копия).
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 2 (копия).
- ²⁴ Трудовые дружины и их устройство: Сборник справочных сведений... С. 12, 13.
- ²⁵ НА РК. Ф. 335. Оп. 3. Д. 4/46. Л. 8.
- ²⁶ Трудовые дружины и их устройство: Сборник справочных сведений... С. 23, 24.
- ²⁷ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 84/1320. Л. 8 об., 25, 33.
- ²⁸ Там же. Л. 56, 68, 69.
- ²⁹ Там же. Л. 69 об.
- ³⁰ Там же. Л. 8, 34, 54.
- ³¹ Там же. Л. 8 об., 38.
- ³² Там же. Л. 65 об., 79.
- ³³ Там же. Л. 27, 8, 38.
- ³⁴ Там же. Л. 39, 46.
- ³⁵ Там же. Л. 52; Памятная книжка Олонецкой губернии на 1916 год... С. 25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов В. С. Институционализм // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/institutsionalizm-344de9> (дата обращения 23.01.2025).
2. Бахтин В. В. Волонтерская деятельность учащейся молодежи Центрального Черноземья в годы Первой мировой войны // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2021. № 11 (13). С. 97–106.
3. Беленцов С. И. Ученическое движение в России: вторая половина XIX – начало XX века. СПб.: Нестор-История, 2013. 184 с.
4. Букалова С. В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодежной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 141–147.
5. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 425 с.
6. Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века: Очерки. Документы. Материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 145 с.
7. Карпова В. В. Деятельность ученических сельскохозяйственных трудовых дружин в годы Первой мировой войны в документах Российского государственного исторического архива // Клио. 2023. № 1 (193). С. 13–20.
8. Карпова В. В. Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 3. С. 48–55.
9. Карпова В. В. Работа трудовых огородных ученических дружин в 1916 г. // История повседневности. 2016. № 1. С. 105–115.
10. Карпова В. В. Региональные особенности деятельности трудовых дружин учащихся в России в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 3 (35). С. 128–145 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_35_2020.pdf. (дата обращения 23.01.2025).
11. Кораблев Н. А. Общественное движение помощи фронту и жертвам боевых действий в Карелии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: Материалы междунар. конф. (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.). Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 377–385.
12. Кудин В. А. История детского и юношеского движения в России: Учеб. пособие. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2017. 289 с.
13. Минакова В. П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж: АОНО ИММиФ, 2002. 15 с.
14. Минакова В. П., Фомичев И. В. Общественно-педагогическое движение в России в годы Первой мировой войны. Воронеж: АОНО ИММиФ, 2003. 182 с.
15. Петрушин Ю. А. История молодежного движения в России. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2012. 103 с.
16. Полищук Е. Н. Молодежное движение России в дореволюционный период / Под ред. С. А. Комарова. СПб.: Юридический ин-т, 2011. 232 с.
17. Потворов А. И. Сельскохозяйственные дружины учащихся средней школы как элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 11, № 3. С. 69–77.
18. Тарасова Н. В. Трудовая помощь школьников в военные годы как одна из форм патриотического воспитания в России второй половины XIX – начала XX вв. // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. 2012. № 4 (43), ч. 3. С. 202–206.
19. Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 487 с.
20. Чубаров А. И. Формирование и деятельность трудовых дружин в Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 194. С. 185–193.

Поступила в редакцию 31.01.2025; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Elena V. Dianova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
elena-dianowa@yandex.ru

STUDENT LABOR SQUADS IN THE OLONETS PROVINCE IN 1915–1916

Abstract. This article explores the formation and activities of labor squads in the Olonets Province during World War I. Its scholarly novelty lies in the fact that, for the first time, it examines the establishment and operation of student squads within the province through the analysis of archival and published sources. The relevance of this topic stems from the need to understand the history of student squads as a form of youth organization dedicated to addressing significant social issues. The aims and objectives of this study are to identify their funding sources, the number and management of squads, and the total number of participants. Additionally, the research highlights the role of student

squads in providing assistance to the families of peasants mobilized for military service. It also seeks to uncover the main challenges encountered during the creation of these labor groups. The study found that in the Olonets Province, the formation of labor squads began only in 1915, starting with a squad established at the Olonets Men's Gymnasium. In 1916, student squads were formed at municipal educational institutions in Petrozavodsk, Lodeynoye Pole, Pudozh, and Olonets, as well as at rural schools in the Kargopol, Lodeynoye Pole, and Olonets districts. These squads supported peasant farms of reserve and mobilized lower-rank soldiers' families by assisting with haymaking and harvesting. In the same year, vegetable gardening squads were created to grow produce for the army and hospitals. The vegetable gardening squad affiliated with the Ilyinskoye Ministerial School in the Olonets Uyezd achieved the most notable success in this endeavor. The research also identified ambiguous processes in the formation of school squads and the reasons for their absence in certain districts of the Olonets Province primarily linked to students' involvement in seasonal employment, which affected their participation in squad activities.

Key words: Olonets Province, labor assistance, student squads, agricultural work, unpaid labor

Acknowledgements. The author expresses her deep gratitude to Veronika V. Karpova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History at Pushkin Leningrad State University, for her help and advice.

For citation: Dianova, E. V. Student labor squads in the Olonets Province in 1915–1916. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):16–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1245

REFERENCES

1. Avtonomov, V. S. Institutionalism. *Great Russian Encyclopedia*. Available at: <https://bigenc.ru/c/institut-sionalizm-344de9> (accessed 23.01.2025). (In Russ.)
2. Bakhtin, V. V. Volunteer activities of youth of the Central Black Earth Region during the First World War. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2021;11(13):97–106. (In Russ.)
3. Belentsov, S. I. Student movement in Russia: the second half of the XIX – the early XX centuries. St. Petersburg, 2013. 184 p. (In Russ.)
4. Bukalova, S. V. Labor squads of students as a form of realization of youth policy during the World War I. *Journal of Public and Municipal Administration*. 2015;2(17):141–147. (In Russ.)
5. Dubrovskaya, E. Yu., Korablyov, N. A. Karelia during the First World War, 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 425 p. (In Russ.)
6. Ilyukha, O. P. Everyday life of rural teachers and schoolchildren in Karelia in the late XIX and the early XX centuries: Essays. Documents. Materials. Petrozavodsk, 2010. 145 p. (In Russ.)
7. Karpova, V. V. The activity of pupils' agricultural labor squads during the World War I in the documents of the Russian State Historical Archive. *Klio*. 2023;1(193):13–20. (In Russ.)
8. Karpova, V. V. Daily life of participants of pupils' labor squads in Russia (1915–16). *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2015;4(3):48–55. (In Russ.)
9. Karpova, V. V. Work of student gardening work squads in 1916. *History of Everyday Life*. 2016;1:105–115. (In Russ.)
10. Karpova, V. V. Regional features of the activity of pupils' labor squads in Russia during the First World War. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2020;3(35):128–145. Available at: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_35_2020.pdf (accessed 23.01.2025). (In Russ.)
11. Korablyov, N. A. Public movement assisting the front and victims of military operations in Karelia during the First World War. *The First World War and the European North of Russia: Proceedings of the international conference (Arkhangelsk, 21–25 June 2014)*. Arkhangelsk, 2014. P. 377–385. (In Russ.)
12. Kudinov, V. A. History of the children's and youth movement in Russia: Textbook. Kostroma, 2017. 289 p. (In Russ.)
13. Minakova, V. P. On the history of the organization of student labor squads movement in Russia. Voronezh, 2002. 15 p. (In Russ.)
14. Minakova, V. P., Fomichev, I. V. Social and pedagogical movement in Russia during the First World War. Voronezh, 2003. 182 p. (In Russ.)
15. Petrushin, Yu. A. History of the youth movement in Russia. Irkutsk, 2012. 103 p. (In Russ.)
16. Polishchuk, E. N. The youth movement of Russia during the pre-revolutionary period. (S. A. Komarov, Ed.). St. Petersburg, 2011. 232 p. (In Russ.)
17. Potvorov, A. I. Agricultural squads of students as an element of labor mobilization during the First World War. *Journal of Public and Municipal Administration*. 2022;11(3):69–77. (In Russ.)
18. Tarasova, N. V. Labor assistance of schoolchildren during the war years as one of the forms of patriotic education in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Proceedings of the Southwest State University*. 2012;4(43)3:202–206. (In Russ.)
19. Thesaurus of sociology. Thematic reference dictionary. (Zh. T. Toshchenko, Ed.). Moscow, 2013. 487 p. (In Russ.)
20. Chubarov, A. I. Formation and activity of labor squads in the Russian Empire during the First World War. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2021;26(194):185–193. (In Russ.)

Received: 31 January 2025; accepted: 30 September 2025

ОЛЕГ ВАЛЕНТИНОВИЧ РОМАНЬКО

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Российская Федерация)
romanko1976@mail.ru

ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА ПРОСОЛОВА

кандидат исторических наук, независимый исследователь
(Симферополь, Российская Федерация)
katerina.prosolova@mail.ru

СОВЕТСКИЕ ПРАКТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И НЕОКОЛОНИАЛЬНЫЕ ТРАКТОВКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА В 1946–1991 ГОДАХ

А н н о т а ц и я . Проведено изучение советских практик противодействия неокOLONиальному дискурсу и основным нарративам пропаганды стран Западного блока в период холодной войны в сфере национальной политики на примере одного из наиболее эффективных средств пропаганды – художественного кинематографа. На основе обращения к архивным материалам, опубликованным источникам, материалам советских и американских периодических печатных изданий был проведен анализ организационно-производственной системы советской киноотрасли, выявлены ключевые нарративы советских художественных фильмов, создаваемых на центральных и республиканских киностудиях. По итогам проведенного исследования доказана высокая эффективность созданной организационно-производственной системы в рамках развития национальных кинематографий. Анализ репрезентации сюжетов и образов в советских художественных фильмах позволяет выделить ряд ключевых сюжетов, направленных на создание образа национального героя в фильмах с исторической тематикой, укрепление нарратива о единстве и братстве народов СССР, их общей Родине, а также о значительных достижениях советского строя.

К л ю ч е в ы е с л о в а : национальная политика, неокOLONиальный дискурс, советский кинематограф, национальные кинематографии, холодная война, пропаганда

Б л а г о д а р н о с т и . Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект: «Критический анализ концепта неокOLONиализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Романько О. В., Просолова Е. В. Советские практики национальной политики и неокOLONиальные трактовки через призму художественного кинематографа в 1946–1991 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1246

ВВЕДЕНИЕ

«Россия – тюрьма народов» является одним из старейших и наиболее активно распространяемых в западном публичном пространстве тезисов. С момента своего появления он прочно закрепился в европейском, а затем и американском научном, публицистическом и пропагандистском нарративах. При этом содержание данного тезиса практически не менялось, а набор аргументов остается постоянным вот уже более полувека. Такая универсальность позволяет использовать его всем, кто пытался разделить на части Россию /

СССР, используя противоречия на национальной почве. Например, под прикрытием «борьбы за свободу народов от большевистского ига» руководство нацистской Германии строило свою истребительную оккупационную политику на захваченных территориях Советского Союза, а также активно использовало этот нарратив в пропаганде, в том числе через коллаборационистскую прессу. С наступлением эпохи противостояния между СССР и США тезис об имманентной колониальной сущности российской государственности стал одним из основ западной про-

паганды, направленной на страны Советского блока. Уже в первый период холодной войны, в 1949 году, ЦРУ создало Национальный комитет за свободную Европу, который, в свою очередь, финансировал сформированную в 1954 году Ассамблею поработанных европейских наций. В 1951 году ЦРУ реализовало еще один проект – Американский комитет по освобождению от большевизма, который поддерживался рядом националистических эмигрантских организаций.

В 1959 году в соответствии с законом № 86-90 был создан так называемый Национальный комитет поработанных наций (NCNC). Примечательно, что инициатором создания NCNC выступил Лев Добрянский, происходивший из семьи эмигрантов из Западной Украины и тесно связанный с украинским националистическим движением. Им же было инициировано ежегодное проведение «Недели поработанных наций» в поддержку народов, страдающих от

«империалистической политики коммунистической России, которая привела к подчинению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, материкового Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Казаксии, Туркестана, Северного Вьетнама и других»¹.

Идеологическое противостояние между СССР и США подразумевало вовлечение в него всех институций и сфер общественно-политической жизни. Не стала исключением и массовая культура, выступившая одним из основных инструментов пропаганды, в том числе и художественный кинематограф. С помощью создаваемой кинопродукции воспроизводились основные пропагандистские нарративы, которые были призваны сформировать и закрепить образ врага. В соответствии с этим возникает необходимость изучения процесса противодействия, которое оказывали Советское государство и его сфера культуры пропагандистским нарративам противника на примере наиболее массового и популярного вида искусства – художественного кинематографа. Следует отметить, что национальная политика СССР относится к достаточно изученным темам. К ней обращались и отечественные, и зарубежные авторы. В числе таких исследований можно выделить труды, посвященные как национальной политике в целом, так и отдельным республикам и регионам. При этом следует учитывать ангажированность ряда работ западных авторов периода холодной войны, многие из которых способствовали дальнейшему укреплению тезиса об имперско-колониаль-

ной сущности советской системы. Характерно, что многие из них являлись творчеством эмигрантов. Так, известный эмигрантский публицист А. Г. Авторханов в своей монографии утверждал, что СССР участвовал в трех войнах, две из которых – «против Финляндии и Польши» и «война СССР в Восточной Европе и на Балканах под лозунгом “освобождения” тамошних народов от фашизма» – были завоевательными колониальными войнами [2: 208]. В связи с ростом националистических настроений данные нарративы были актуализированы и в историографии ряда постсоветских стран. В частности, украинский историк Г. Г. Ефименко использует термин «колонизаторская политика Москвы» [14: 68], а латвийский исследователь Э.-К. Онкен утверждает в своей статье, что «в изображении латышского прошлого не допускались национальные особенности», и также использует уже укоренившуюся идеологему о «советской оккупации» [10: 436].

В целом, несмотря на общую изученность советской национальной политики, исследований, отражающих противодействие неоколониальному дискурсу в массовой культуре в период холодной войны (например, в кинематографе), фактически не проводилось. При этом следует отметить наличие большого количества трудов отечественных и зарубежных авторов, затрагивающих историю возникновения национальных кинематографий и их развитие после окончания Великой Отечественной войны [1], [4], [5], [7], [17].

В соответствии с вышесказанным целью данной статьи является изучение советских практик противодействия нарративам неоколониального дискурса в рамках культурной политики на примере художественного кинематографа. Для достижения этой цели были поставлены следующие исследовательские задачи: 1) охарактеризовать организационно-производственную систему советской киноотрасли, ее влияние на проводимую государственную идеологическую политику; 2) проанализировать роль центральных и республиканских киностудий в этих процессах; 3) выявить ключевые нарративы, создаваемые в советских художественных фильмах, которые отражали основные принципы национальной политики.

Как отмечал американский исследователь советской национальной политики Т. Мартин, революционная Россия первой ответила на поднимающийся национализм систематическим содействием развитию национального сознания

этнических меньшинств [9: 10]. Данное утверждение применимо и в рамках рассмотрения культурной политики как на довоенном, так и послевоенном этапах. Организация республиканских киностудий, содействие развитию кинематографа в союзных республиках являлись немаловажным направлением работы центральных органов власти. Для продвижения пропагандистских нарративов использовался не только конечный продукт – например, музыкальное произведение, книга, комикс, плакат или кинофильм. Не меньшее значение уделялось самому процессу создания произведения, взаимоотношениям власти и творческой элиты. Поэтому первоочередным аспектом при рассмотрении проблемы противодействия неокOLONIALному дискурсу в советском художественном кинематографе является организационно-производственный уровень.

На начальном этапе холодной войны производственные мощности киноотраслей СССР и США были в неравнозначном положении. В первые послевоенные годы советская киноотрасль, как и другие сферы народного хозяйства, остро нуждалась в восстановлении и переходе «на мирные рельсы». Согласно постановлению № 3054 от 10 августа 1948 года «О реорганизации киностудий и мероприятиях по увеличению доходов от кинематографии», Бакинская, Ереванская, Минская и Алма-Атинская киностудии по производству художественных фильмов были реорганизованы в киностудии художественных и хроникальных фильмов. Ташкентская киностудия хроникальных фильмов была объединена с Ташкентской киностудией художественных фильмов. Такое же объединение произошло и с Рижской киностудией². В 1951 году в Сталинабаде на базе Сталинабадской студии хроники и помещений, занимаемых кинотеатром им. Горького, была организована киностудия художественных и хроникальных кинофильмов³. Кроме того, были созданы новые киностудии: в 1946 году постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) было утверждено образование министерства кинематографии в Латвийской ССР, Литовской ССР и Эстонской ССР, а также строительство и ввод в эксплуатацию в течение 1946–1950 годов киностудий художественных фильмов в Вильнюсе и Таллине, расширение киностудии в Риге. До организации киностудий в Вильнюсе и Таллине предполагалось обеспечивать производство фильмов для Литовской ССР – на киностудии «Мосфильм», для Эстонской ССР – на «Ленфильме» [3: 556–557]. К 1955 году собственное производство

восстановилось на Одесской киностудии. Таким образом, весь послевоенный период и до самого распада СССР каждая союзная республика имела свою киностудию для создания полнометражных художественных фильмов. Кроме того, следует учитывать развитие телевидения, в результате чего появлялись студии для создания телефильмов, и наличие студий научно-популярных и хроникально-документальных фильмов.

Важным аспектом на институциональном уровне стала и последующая реорганизация организационно-производственной системы. 23 марта 1963 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Государственный комитет СМ СССР по кинематографии (с 1965 года – Комитет по кинематографии при СМ СССР). То есть впервые после реформ министерств 1953 года воедино были «сведены все области кинематографической деятельности»⁴. Кроме того, создание Госкино СССР предполагало образование государственных комитетов по кинематографии в союзных республиках.

Таким образом, сам факт наличия республиканских киностудий и система их функционирования являлись важным позитивным примером реализации культурной политики. Это признавалось в том числе и в западной прессе. Так, в статье С. Шмемана, опубликованной в 1982 году в газете «The New York Times», отмечалось, что

«регулярность появления в Советском Союзе качественных фильмов отчасти объясняется огромным объемом советского кинопроизводства. Девятнадцать киностудий по всему Советскому Союзу выпускают до 160 фильмов в год, не считая документальных, мультфильмов и телевизионных фильмов»⁵.

Действительно, на официальном уровне вся система организации советского кинопроизводства была направлена не только на увеличение производственных мощностей киноотрасли, но и на развитие национальных культур, создание всех ресурсов для реализации потенциала и раскрытия творческих возможностей каждой республики. Все это отражалось на международном престиже советской киноотрасли. Например, на Втором Международном кинофестивале стран Азии и Африки, проходившем с 24 мая по 2 июня 1972 года в Ташкенте, советскую кинематографию представляли официальные участники из РСФСР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Грузинской ССР, Азербайджанской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Армянской ССР, Туркменской ССР. Республиканские киностудии Украинской ССР, Белорусской ССР,

Литовской ССР, Молдавской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР принимали участие в качестве гостей кинофестиваля⁶. Характерно также, что республиканские киностудии сотрудничали с кинематографистами других стран. В частности, примерами совместной продукции студии «Узбекфильм» стал кинофильм «Приключения Али-Бабы и сорока разбойников» (1980), снятый совместно с Индией, а студии «Киргизфильм» при участии «Таджикфильм» – советско-сирийская историческая кинокартина «Миражи любви» (1986), отмеченная призом Международного фестиваля в Дамаске.

Результатами данной политики стало то, что каждая из союзных киностудий за период своей работы выпускала фильмы, становившиеся лидерами всесоюзного проката. Например, из-за своей высокой популярности была переозвучена и выпущена во всесоюзный прокат комедия «За двумя зайцами» (1961) производства киностудии им. А. Довженко, созданная изначально на украинском языке. Там же появились один из самых известных детских советских фильмов – «Сказка о Мальчише-Кибальчише» (1964) и знаменитая военная драма Л. Ф. Быкова «В бой идут одни “старики”» (1973), которую посмотрели более 44 млн кинозрителей [13: 87]. Одним из наиболее успешных кинопродуктов студии «Беларусьфильм» стал фильм-сказка «Приключения Буратино» (1975). 8-е место во всесоюзном кинопрокате 1972 года занял историко-приключенческий фильм Рижской киностудии «Слуги дьявола» (33,6 млн зрителей) [13: 1068]. В тысячу наиболее кассовых советских фильмов вошла фантастическая кинокартина «Отель “У погибшего альпиниста”» (1979), снятая на киностудии «Таллинфильм» по одноименной повести братьев Стругацких [13: 828]. В число фильмов, получивших статус культовых, входит и драма «Казахфильма» «Игла» (1988), главную роль в которой исполнил популярный рок-музыкант Виктор Цой. Такие успехи республиканских киностудий свидетельствуют не только об уровне организации производственного процесса, но и о стремлении к актуализации кинопродукта для зрительской аудитории.

Показательно и то, что многие фильмы республиканских киностудий, а также картины, повествующие о жизни и судьбе народов СССР, представляли интерес не только для советского, но и для зарубежного зрителя, становились лауреатами престижных международных конкурсов и были отмечены наградами. Одним из наиболее ярких примеров таких работ, вызвавших широ-

кий резонанс, является фильм совместного производства СССР и Японии знаменитого режиссера Акиры Куросавы «Дерсу Узала», созданный в 1975 году по мотивам произведений В. К. Арсеньева и получивший высшие награды сразу двух главных кинопремий противоборствующих в холодной войне стран – Московского международного кинофестиваля и Американской академии кинематографических наук и искусств (кинопремия «Оскар»). Интерес у иностранного зрителя вызывали и экранизации произведений Чингиза Айтматова. Так, «Белый пароход» (1975), снятый на киностудии «Киргизфильм» по одноименной повести писателя, вошел в основной конкурс Берлинского кинофестиваля 1976 года. Фильм «Пегий пес, бегущий краем моря», также снятый по одноименной повести Айтматова и выпущенный на экраны в 1991 году, завоевал гран-при на нескольких международных европейских кинофестивалях. Помимо прочего, данная картина представляет собой пример совместной работы представителей разных советских республик – фильм о жизни нивхов был снят режиссером армянского происхождения Кареном Геворкяном при участии киевской киностудии им. А. Довженко. Успехом пользовались фильмы разных жанров, например комедия «Городок Анара» (1976) производства «Грузинфильм», получившая приз международного кинофестиваля в Локарно в 1978 году.

Кроме того, на разных этапах развития национальных киностудий можно выделить новаторские кинопроекты, фильмы, использующие нетривиальные сюжетные линии и остросоциальные темы. Это ярко проявилось в «оттепельном» кинематографе, а также в появлении грузинского и украинского поэтического кино. Как отмечает английский исследователь Дж. Фэст на примере украинского кинематографа, режиссеры и сценаристы попытались показать не канонические этнические пространства и типы персонажей, а новые и незнакомые образы республики и ее народа, образы, которые, по их мнению, были более аутентичными [15: 204].

Однако нельзя не отметить, что определенная доля независимости республиканских киностудий имела обратную сторону. Во-первых, тесные связи, укреплявшиеся между творческой и партийной элитой на протяжении десятилетий, способствовали развитию системы «обхода» цензуры и появлению ряда провокационных проектов. Ярким примером этому служит драма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1984), выход которой подержал первый секретарь грузинской компартии

Э. А. Шеварднадзе. Во-вторых, взаимоотношения избранных представителей киносообщества с властями также часто использовались в западной пропаганде для подкрепления тезиса о «несвободных художниках». Так, в 1978 году студии «Арменфильм» было поручено вести работу с освобожденным на тот момент из мест заключения С. И. Параджановым на общих основаниях, чтобы не вызывать нежелательную реакцию за рубежом, поскольку «зарубежная пропаганда, определенные кинематографические круги и ряд деятелей коммунистических партий Запады проявляют повышенное внимание к его личности» и обвиняют органы советской власти в преследовании Параджанова по политическим мотивам⁷.

Неоколониальный дискурс находил свое отражение во множестве взаимосвязанных тезисов, которые рождали единый нарратив в рамках репрезентации СССР в качестве «тюрьмы народов», а США – «лидера свободного мира». Например, в статье газеты «The New York Times», опубликованной в 1959 году, утверждалось, что «Москва до сих пор, под маской братства, прочно правит своей среднеазиатской империей» (в данном случае подразумевалась Туркмения)⁸, а в публикации этой же газеты за 1961 год Советская Россия называлась «крупнейшей и самой жестокой колониальной державой наших дней»⁹. К подобным тезисам отсылала и знаменитая речь президента США Р. Рейгана, в которой он назвал Советский Союз «империей зла». Как отмечает российский исследователь В. И. Журавлева, в американской карикатуристике образ России-тюрьмы также присутствовал на протяжении всего XX века, благодаря чему она репрезентовалась страной, поглощенной тьмой политического и гражданского рабства, которую необходимо озарить светом прав и свобод [6: 73]. Ярким визуальным отражением данных нарративов является и американская плакатная продукция – на сатирическом плакате Р. Крампа «Visit Siberia» / «Посетите Сибирь» 1961 года представлены измученные узники советского режима. Эти примеры можно продолжить и далее. Однако, если учитывать столь значимое место данного дискурса в американской пропаганде, отсутствие его прямого и повсеместного отражения в американском кинематографе на первый взгляд выглядит парадоксально. Тем не менее следует предположить, что этот феномен объяснялся необходимостью создания образа «чужого», которым выступал «советский», и «своего», которым являлся представитель «свободного мира». Подобные схемы также требовались для формирования и закрепления стереотипного вос-

приятия противника, которое строилось в том числе и на визуальном образе. В этой связи нельзя не вспомнить знаменитый диалог из фильма «Красная жара» (1988), в котором герой Арнольда Шварценеггера так отвечает на вопрос: «– Русский? – Советский». То есть «советскость» персонажа автоматически выступала маркером его чуждости. При этом тезис о «тюрьме народов» поддерживался в американском кино сюжетами, демонстрирующими «захватническую» советскую политику. Таким образом, репрезентация чаще сводилась к демонстрации борьбы с коммунистическим режимом других народов: от эскимосов Аляски в «Красном снеге» (1952) до афганских моджахедов в «Звере» (1988) и самих американцев в «Красном рассвете» (1984), что также было призвано продемонстрировать классическую схему «свой» против «чужого». Следует, кроме того, учитывать и коммерческий аспект: американский зритель плохо разбирался в географии СССР, истории и культуре народов СССР, а значит, акцентуация на отдельных его представителях была сопряжена с риском провала фильма в прокате.

Советская пропаганда противодействовала данным тезисам, в том числе и с помощью продвигаемых нарративов в структуре советских кинопроизведений. Как отмечает французский исследователь Х. Дриё, в первые же годы после прихода к власти большевиков кинематограф был наделен полномочиями политического представительства от имени народа, а значит, фильм становился пространством, где находил свое выражение политический дискурс [5: 38]. При этом следует выделить несколько ключевых сюжетных схем и приемов репрезентации в структуре художественных фильмов, наглядно демонстрирующих это противодействие.

Во-первых, значительная роль отводилась обращению к историческому прошлому советских республик. В рамках реализуемой государством национальной политики это обуславливало задачу по созданию и закреплению образа национального героя. Формирование устойчивого героического пантеона являлось элементом «национальных историй», он был как общесоюзный, так и республиканский [12: 469]. Так, еще в период Великой Отечественной войны на Ереванской киностудии («Арменфильм») сняли фильм «Давид-Бек» о борьбе армянского народа с персидскими завоевателями, на Тбилисской киностудии – биографическую кинокартину «Георгий Саакадзе», рассказывающую о борьбе за объединение Грузии. Большое внимание историческим фильмам,

повествующим о судьбах национальных героев, уделялось и в послевоенные годы. В их числе такие картины, как «Бабек» (1979, «Азербайджанфильм», «Мосфильм») и «Дмитрий Кантемир» (1973, «Молдова-фильм»). При этом национальными героями часто выступали и представители искусства. Например, в числе экранизированных биографий присутствовали фильмы, повествующие о жизни и деятельности поэтов и философов Имадеддина Насими («Насими», 1973, «Азербайджанфильм») и Низами Гянджеви («Низами», 1982, «Азербайджанфильм»), поэта Давида Гурамишвили («Давид Гурамишвили», 1946, Тбилисская киностудия), писателя Ахмада Дониша («Звезда в ночи», 1972, «Таджикфильм», «Ленфильм»), поэтов Махтумкули («Фраги – разлученный со счастьем», 1984, «Туркменфильм»), Яниса Райниса («Райнис», 1949, Рижская киностудия), Тараса Шевченко («Тарас Шевченко», 1951, Киностудия им. А. Довженко), просветителя Франциска Скорины («Я, Франциск Скорина», 1969, «Беларусьфильм»). Сюжетобразующей основой этих фильмов являлась демонстрация тяжелой жизни героев, полной лишений и бед, а также борьба против своих и иноземных угнетателей. Данная категория фильмов органично дополняла нарратив историко-революционных кинокартин, повествующих о событиях начала XX века («Сын пастуха», 1954, Ашхабадская киностудия / «Туркменфильм»; «Цену смерти спроси у мертвых», 1977, «Таллинфильм»; «Похищение скакуна», 1978, «Туркменфильм»).

Во-вторых, в рамках советского идеологического дискурса важное место занимала демонстрация взаимодействия между народами СССР, их дружбы и взаимопонимания, закреплявшая важнейший нарратив о единстве советского народа. Данной теме были посвящены фильмы разных жанров – от комедий («Песня табунщика», 1957, «Мосфильм»; «Невеста с Севера», 1975, студия телефильмов «Ереван») до военных драм. Так, в фильме «Песня табунщика» молодой бурят Тумэн отправляется на учебу в Москву, но ему не удается сдать экзамены для поступления. Обучиться нотной грамоте и поступить в консерваторию ему помогают московские милиционеры во главе с майором Бугровым. В знаменитой комедии Георгия Данелия «Мимино» (1977) также ярко демонстрируется межэтническое взаимодействие на основе принципов уважения и взаимопомощи. Пример этих двух фильмов не случаен: они были сняты в разные десятилетия, имели разные экранные судьбы, однако их роднит особое вза-

имодействие между персонажами, которое исполнитель роли Мимино Вахтанг Кикабидзе назвал «атмосферой бескорыстного человеческого братства» [8: 139], что является ярким примером единого нарратива, создаваемого в рамках советского художественного кинематографа.

Концепт единства и братства, основанного на интернационализме, сочетался с ключевым нарративом об общей Родине, который наиболее ярко был представлен в фильмах, посвященных Великой Отечественной войне («Отец солдата», 1964, «Грузия-фильм»; «Земля отцов», 1966, «Казахфильм»; «Ты не сирота», 1962, «Яблоки сорок первого года», 1970, «Легенда тюрьмы Павиак», 1970, «Таджикфильм»). Так, в рецензии на фильм «Земля отцов» советский кинокритик М. Сулькин отмечал:

«Чувство земли единой, что вошло в нашу жизнь за пятьдесят лет – вот о чем весь фильм, хотя об этом не произносят в картине громких фраз и высоких слов. Отец солдата Махарашвили из фильма Чхеидзе – родной брат старика – отца солдата из фильма Айманова»¹⁰.

В-третьих, внимание на экране уделялось не только представителям союзных республик, но и многочисленным народам РСФСР. В истории советского послевоенного кино присутствует немало примеров кинокартин с бурятскими этническими мотивами. Это, помимо уже упомянутой музыкальной комедии «Песня табунщика», фильмы режиссера Б. Ц. Халзанова «Белая лошадь» (1966), «Последний угон» (1968) и «Горький можжевельник» (1985), драма «Пора таежного подснежника» Я. Лапшина (1958). Тувинскому народу были посвящены картины «Люди голубых рек» (1959) и «Танец орла» (1975), осетинскому – мелодрама «Осетинская легенда» (1965). Внимание было уделено и коренным народам Сибири и Дальнего Востока («Алитет уходит в горы», 1949; «Следы на снегу», 1955; «Начальник Чукотки», 1967; «Злой дух Ямбуя», 1978; «След росوماхи», 1979). Жанровая принадлежность и сюжеты данных фильмов зачастую соответствовали тенденциям развития национального кино, а внимание уделялось как отражению современного этапа («Люди голубых рек», «Танец орла», «Песня табунщика»), так и исторической ретроспективе («Осетинская легенда», «Последний угон», «Начальник Чукотки»). Характерно также и то, что некоторые кинокартины формируют образ врага периода холодной войны (например, «Следы на снегу»).

В-четвертых, необходимо выделить еще один важный сюжет, которому уделялось большое внимание в рамках идеологического противо-

стояния, – положение женщины. Так, в газете «The New York Times» за 1951 год отмечалось, что советским

«замужним женщинам в большинстве случаев приходится устраиваться на работу, поскольку их мужья не зарабатывают достаточно, чтобы содержать семьи при нынешних высоких ценах на товары всех видов, при этом им приходится нести бремя ведения домашнего хозяйства и воспитания детей. Это своеобразный вид “равенства” и “прогресса”»¹¹.

Таким образом, описание женского труда в СССР в американской пропаганде также способствовало созданию негативного образа Советского Союза, акцентируя внимание на отсутствии свободы, утопизме, несправедливости, лживости пропаганды, цивилизационной чуждости коммунистических идей Западу и отсталости России [11: 90]. При этом, с одной стороны, на американских экранах воссоздавался образ советской женщины («истинной женщины»), в которой женственность и любовь побеждают приверженность коммунистическим идеалам, выбирающей мужчину «свободного мира» («Красный “Дунай”», 1949; «Не отпускай меня», 1953; «Железная юбка», 1956; «Пилот реактивного самолета», 1957; «Шелковые чулки», 1957, «Девушка с Петровки», 1974). С другой стороны, в американском обществе поддерживался стереотип о толстых, бедных, занятых тяжелым трудом советских женщинах, который служил метафорой и тропом идеи провала коммунизма [16: 882]. Соответственно, перед советской пропагандой вставала важная задача по противодействию и первому, и второму нарративу. Особое внимание уделялось Средней Азии с учетом ухудшившегося там положения женщин в военный период и первые послевоенные годы¹². В 1960 году на заседании Верховного Совета СССР депутат Я. С. Насридинова заявила:

«Могу с полным основанием сказать: женщине-узбечке, как и всем женщинам Советского Союза, могут теперь позавидовать не только женщины в странах Азии и Африки, которые еще стонут под колониальным игом или лишь недавно освободились от него, но и женщины так называемого “передового Запада”»¹³.

Художественный кинематограф также был призван отразить изменения, произошедшие в судьбе многих женщин Востока. В соответствии с этим крайне важная роль отводилась демонстрации женских образов – исторических персоналий или вымышленных героинь, судьбы которых подчеркивали изменившееся положение женщин в союзных республиках («Ниссо», 1965, «Таджикфильм»), их активное участие

в строительстве новой жизни («Исмет» и «Гибель Адата», 1934, «Азербайджанфильм»; «Айна», 1960, «Когда женщина седлает коня», 1974, «Туркменфильм»; «Салтанат», 1955, «Поклонись огню», 1971, «Киргизфильм») и защите страны от врага в годы Великой Отечественной войны («Рита», 1957, Рижская киностудия; «Песнь о Маншук», 1970, «Казахфильм»). В фильме «Ботагоз» (1957, «Казахфильм») главная героиня воплощает образ советского Казахстана, страны, «выбравшей путь построения социализма вместе с Россией и другими республиками» [1: 54]. В число наиболее известных фильмов, демонстрирующих и высмеивающих архаичные законы и традиции, связанные с отношением к женщине, входят истерн «Белое солнце пустыни» (1970, «Мосфильм», «Ленфильм») и комедия «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966, «Мосфильм»).

Наконец, в-пятых, идеологическое противостояние двух сверхдержав обуславливало необходимость симметричного ответа на обвинения противника, что подразумевало использование распространенного приема противопоставления «мы – они». Советская массовая культура (как и массовая культура США) не только демонстрировала преимущества своего строя, но и репрезентovala страну противника как общество, в котором отсутствует свобода, в том числе и для представителей определенных национальностей или рас, и как государство, эксплуатирующее и подчиняющее народы. Например, образы борьбы против неоколониализма в Латинской Америке или Африке использовались для того, чтобы создать впечатление об американском враге как жестоком и безжалостном по отношению к слабым, без моральных ограничений и презираемом эксплуатируемыми народами [17: 84]. Подобная репрезентация нашла отражение в целом ряде советских кинофильмов, в числе которых «Я – Куба» (1964, «Мосфильм»), «Черное солнце» (1970, «Беларусьфильм»), «На Гранатовых островах» (1981, «Мосфильм»).

ВЫВОДЫ

Советская национальная политика имела определенную специфику на каждом из этапов своей реализации. Ее колебания во многом обуславливали особенности развития национальных кинематографий и систему взаимоотношений местной творческой интеллигенции с представителями партийно-государственных органов. Однако проведенное исследование позволяет выделить ряд общих тенденций как на сюжетном, так и на организационно-про-

изводственном уровне, наглядно демонстрирующих эффективность проводимой работы в рамках противостояния американским идеологемам холодной войны.

Советский художественный кинематограф на протяжении всего периода идеологического противостояния СССР и США активно привлекался в качестве средства пропаганды для актуализации важнейших нарративов, лежащих в основе национальной политики. Советская киноотрасль отличалась особой организационно-производственной системой, в основе которой находился принцип развития национальных кинематографий. Это фактически означало, что каждая союзная республика имела собственную киноотрасль. При этом определенная зависимость от центральных органов управления обуславливала специфику производственного цикла. В противовес тезисам пропаганды стран Западного блока, связанным с неокOLONIALНЫМ

дискурсом, на советских экранах репрезентировались сюжеты и образы, которые были призваны дать представление об истории, культуре и традициях народов Советского Союза, продемонстрировать их жизнь и быт. Такие фильмы снимались как на республиканских, так и на центральных киностудиях. Важнейшей задачей являлась демонстрация восприятия СССР как общей Родины для представителей всех национальностей и культур, единства советского народа, как в отражении внешних угроз, так и в мирной жизни, основанного на общих ценностях и целях. Подобные репрезентации были призваны отразить позитивный пример межэтнических отношений, базирующихся на взаимопонимании и взаимоуважении представителей разных народов и культур, показать, что в СССР отсутствуют национальные противоречия и, тем более, угнетение по национальному признаку.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ S. J. Res. 111 (86th): Joint resolution providing for the designation of the third week of July as "Captive Nations Week". July 17, 1959 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/86/sjres111/text> (дата обращения 14.06.2025).
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 50. Д. 2906. Л. 74.
- ³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 35. Д. 11. Л. 37.
- ⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 35. Д. 71. Л. 121–122.
- ⁵ Schmemmann S. Some Soviet Films Belie the Old Political Stereotype // *The New York Times*. 1982. Oct. 24. P. 13.
- ⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 134. Л. 137.
- ⁷ Там же. Оп. 75. Д. 415. Л. 11.
- ⁸ Sulzberger C. L. Foreign Affairs; Anti-Colonialism – Soviet Style // *The New York Times*. 1959. March 14. P. 22.
- ⁹ Bizerte and "Colonialism" // *The New York Times*. 1961. August 24. P. 28.
- ¹⁰ Сулькин М. Путь к родине (О фильме «Земля отцов») // *Искусство кино*. 1967. № 7. С. 77–79.
- ¹¹ Soviet Women // *The New York Times*. 1951. May 7. P. 24.
- ¹² Докладная записка секретаря ЦК ВЛКСМ О. П. Мишаковой секретарям ЦК ВКП (б) И. В. Сталину, Г. М. Маленкову и А. А. Жданову «Об оживлении пережитков феодально-байского отношения к женщине в Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР». 11 января 1946 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/16944> (дата обращения 24.06.2025).
- ¹³ Речь депутата Я. С. Насриддиновой // *Известия*. 1960. № 305 (13541). С. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абикеева Г. О., Сабитов А. Г. Кино советского Казахстана: как работали советские идеологи // *Acta Alavica Iaponica*. 2021. Т. 41. Р. 47–72.
2. Авторханов А. Г. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОИ, 1990. 239 с.
3. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева; Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: Международный Фонд «Демократия», 1999. 872 с.
4. Головнев И. А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х годов). СПб.: МАЭ РАН, 2021. 440 с.
5. Дриё Х. Кино, нация, империя. Узбекистан, 1919–1937. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 468 с.
6. Журавлёва В. И. Русский «Другой» в американской политической карикатуре: от века XIX к веку XXI // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2012. № 7 (87). С. 64–96.

7. История национальных кинематографий: советский и постсоветский периоды / Новый институт культурологии; Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова; Национальная академия кинематографических наук и искусств Республики Казахстан; Армянская национальная кино-академия. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2020. 655 с.
8. Кикабидзе В. Подлинная школа // Георгий Данелия: Сб. / Сост. Г. В. Краснова. М.: Искусство, 1982. С. 136–139.
9. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
10. Онкен Э.-К. От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 436–452.
11. Рябов О. В., Рябова Т. Б. Труд советских женщин в дискурсе американского антикоммунизма периода Холодной войны // Семья и работа: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 19–20 сентября 2024 года. Н. Новгород: Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2024. С. 89–92.
12. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Т. Ю. Красовицкая, В. В. Тихонов. М.: Новый Хронограф, 2021. 576 с.
13. Фёдоров А. В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. М.: ОД «Информация для всех», 2021. 1134 с.
14. Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України НАН України, 2001. 304 с.
15. First J. Ukrainian cinema: Belonging and identity during the Soviet thaw. KINO: The Russian and Soviet cinema series. London; New York: I. B. Tauris & Co Ltd, 2015. 251 p.
16. Griswold R. L. «Russian blonde in space»: Soviet women in the American imagination, 1950–1965 // Journal of Social History. 2012. № 45 (4). P. 881–907.
17. Kleshchenko L. L. American neocolonialism on the Soviet cinema screen (based on films about Latin America) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 1 (29). P. 77–86.

Поступила в редакцию 28.07.2025; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Oleg V. Romanko, Dc. Sc. (History), Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
romanko1976@mail.ru

Ekaterina V. Prosolova, Cand. Sc. (History), Independent Researcher (Simferopol, Russian Federation)
katerina.prosolova@mail.ru

SOVIET NATIONAL POLICY PRACTICES AND NEOCOLONIAL INTERPRETATIONS THROUGH THE PRISM OF FEATURE CINEMA IN 1946–1991

Abstract. The article examines Soviet practices of counteracting neocolonial discourse and the main narratives of the Western bloc propaganda during the Cold War period in the sphere of national policy using the example of feature cinema as one of the most effective instruments of propaganda. Building on archival materials, published sources, and materials of Soviet and American periodicals, the article analyzes the organizational and production system of the Soviet film industry in order to identify key narratives of Soviet feature films produced by central and republican film studios. The findings demonstrate the high effectiveness of the created organizational and production system in developing national cinematographies. An analysis of plot and imagery representation in Soviet feature films reveals several key plots aimed at creating the image of a national hero in historical films and reinforcing the narrative of unity and brotherhood of Soviet peoples, their common Motherland, and the significant achievements of the Soviet system.

Key words: national policy, neocolonial discourse, Soviet cinema, national cinematographies, Cold War, propaganda

Acknowledgements. The article was written within the 2023–2025 program for research on ethnocultural diversity of Russian society aimed at strengthening the all-Russian identity (led by V. A. Tishkov, Academician of the Russian Academy of Sciences) as part of the project “Critical analysis of the neocolonialism concept in relation to the Soviet experience of national policy and ethnocultural development”.

For citation: Romanko, O. V., Prosolova, E. V. Soviet national policy practices and neocolonial interpretations through the prism of feature cinema in 1946–1991. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1246

REFERENCES

1. Abikeeva, G. O., Sabitov, A. G. Cinema of Soviet Kazakhstan: how Soviet ideologemes worked. *Acta Alavica Iaponica*. 2021;41:47–72. (In Russ.)
2. Avtorkhanov, A. G. The Kremlin Empire. The Soviet type of colonialism. Vilnius, 1990. 239 p. (In Russ.)
3. Power and the creative intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(B) – VCP(B), VChKa – OGPU – NKVD on cultural policy, 1917–1953. (A. N. Yakovlev, Ed.). Moscow, 1999. 872 p. (In Russ.)
4. Golovnyov, I. A. Visualization of ethnicity in Soviet cinema (experiments of scientists and filmmakers of the 1920s and 1930s). St. Petersburg, 2021. 440 p. (In Russ.)
5. Drieu, C. Cinema, nation, and empire in Uzbekistan, 1919–1937. St. Petersburg, 2023. 468 p. (In Russ.)
6. Zhuravlyova, V. I. The Russian “other” in American political cartoons: from the 19th century to the 21st century. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*. 2012;7(87):64–96. (In Russ.)
7. History of national cinematographies: Soviet and post-Soviet periods. (N. A. Kochelyaeva, A. P. Nikolaeva-Chinarova, E. V. Parkhomenko, Eds.). Moscow, 2020. 655 p. (In Russ.)
8. Kikabidze, V. The genuine school. *Georgiy Daneliya*. (G. V. Krasnova, Ed.). Moscow, 1982. P. 136–139. (In Russ.)
9. Martin, T. The empire of “positive activity”. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. Moscow, 2011. 855 p. (In Russ.)
10. Onken, E.-C. From the history of liberation to the history of occupation. Perception of World War II and its memory in Latvia after 1945. *Memory of the War 60 years later: Russia, Germany, Europe*. Moscow, 2005. P. 436–452. (In Russ.)
11. Ryabov, O. V., Ryabova, T. B. The labor of Soviet women in American anti-communist discourse during the Cold War. *Family and work: Proceedings of the international research and practical conference (Nizhny Novgorod, 19–20 September 2024)*. Nizhny Novgorod, 2024. P. 89–92. (In Russ.)
12. The Soviet national project from the 1920s throughout the 1940s: ideology and practice. (D. A. Amanzholova, K. S. Drozdov, T. Yu. Krasovitskaya, V. V. Tikhonov). Moscow, 2021. 576 p. (In Russ.)
13. Fyodorov, A. V. A thousand and one highest-grossing Soviet films: opinions of film critics and viewers. Moscow, 2021. 1134 p. (In Russ.)
14. Efimenko, G. G. National-cultural policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Soviet Ukraine (1932–1938). Kyiv, 2001. 304 p.
15. First, J. Ukrainian cinema: Belonging and identity during the Soviet thaw. KINO: The Russian and Soviet cinema series. London; New York, 2015. 251 p.
16. Griswold, R. L. “Russian blonde in space”: Soviet women in the American imagination, 1950–1965. *Journal of Social History*. 2012;45(4):881–907.
17. Kleshchenko, L. L. American neocolonialism on the Soviet cinema screen (based on films about Latin America). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2024;1(29):77–86.

Received: 28 July 2025; accepted: 30 September 2025

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ СТЕПАНОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра (фундаментальных во-
енно-исторических проблем)
Военный университет Министерства обороны Российской
Федерации
(Москва, Российская Федерация)
alexey-stepanoff@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ НА СОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ

А н н о т а ц и я . Во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов широко использовалась военная и гражданская авиация СССР. В боях погибло около тысячи авиаторов, что ослабило кадровый потенциал советской авиации. Значительное количество задействованных самолетов, тяжелые метеоусловия, высокая интенсивность применения авиации привели к большим безвозвратным потерям авиатехники, которые до сих пор так и не были точно установлены. Трагический инцидент, связанный с ошибочным ударом морской авиации по жилым объектам Хельсинки в начале войны, привел к разрыву советско-американских контактов в области авиационных технологий и производства авиабензина. Анализ архивных источников, отечественных и иностранных опубликованных документов и работ позволил раскрыть влияние последствий воздушной войны с Финляндией на развитие советской авиации накануне Великой Отечественной войны. Советская авиапромышленность, которая и без того была перегружена производственными планами, включая экстренное восполнение огромных потерь военной авиации, и одновременно осваивала производство техники нового поколения, столкнулась с серьезными последствиями замораживания поступления американской технической помощи, которая в 1930-е годы играла важнейшую роль для этой отрасли. Были заморожены поставки станочного оборудования для оснащения авиазаводов, стратегического сырья, затруднен доступ к новым технологиям. Приостановилась работа по созданию заводов авиационного бензина в условиях нехватки авиационного топлива, влиявшей на подготовку личного состава. В результате развитию советской авиации был нанесен серьезный ущерб в критическое для страны время накануне Великой Отечественной войны. В связи с тем что данная тема практически не отражена в отечественной исторической науке, актуальность представленной статьи обусловлена необходимостью проанализировать негативный эффект упомянутых выше последствий на потенциальные возможности одной из ключевых отраслей советской оборонной промышленности – авиационной в период ее кардинальной перестройки перед агрессией Германии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : советско-финляндская война, военно-воздушные силы, летный состав, авиатехника, авиапромышленность, «моральное эмбарго», авиационные технологии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Степанов А. С. Влияние советско-финляндской войны на состояние советской авиационной промышленности перед Великой Отечественной войной // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1247

ВВЕДЕНИЕ

Советско-финляндская война 1939–1940 годов стала самым масштабным конфликтом с участием Красной армии с окончания Гражданской войны, а ее последствия оказали серьезное влияние на развитие Красной армии и военной промышленности. В статье рассмотрены некоторые из этих последствий, имеющие отношение к советской авиации и авиационной промышленно-

сти. В свое время автор подробно проанализировал влияние на развитие ВВС РККА одного из факторов, сформировавшегося в период советско-финляндской войны и сохранявшего актуальность некоторое время после ее окончания. Речь шла о мерах противодействия угрозе разрушения советских нефтяных месторождений на юге страны военно-воздушными силами англо-французской коалиции путем развертыва-

ния мощной советской авиационной группировки в Закавказье и создания соответствующей инфраструктуры для обеспечения ее действий в случае кризиса [13].

Влияние последствий войны с Финляндией применительно к советской авиации – обширная тема, связанная, к примеру, с вопросами необходимости преобразования структуры ее организационных соединений, реорганизации системы тыла, подготовки летного состава и многих других. В данной статье предлагается обратиться только к двум важным вопросам этих последствий. Это касается проблемы потерь материальной части авиации и проблемы так называемого «морального эмбарго», которые оказали серьезное влияние на развитие ряда отраслей промышленности, покрывающей потребности ВВС армии и флота в материальной части и горюче-смазочных материалах. Последняя тема практически не нашла отражения в отечественной исторической науке. Актуальность представленной статьи обусловлена важностью рассмотреть упомянутые выше последствия, связанные с ослаблением потенциальных возможностей одной из ключевых отраслей советской оборонной промышленности – авиационной. Необходимо особо учесть, что их негативное влияние не ограничивалось второй половиной 1940 – первой половиной 1941 года, но действовало фактически вплоть до того, как стала ощущаться эффективность импортных поставок технической документации и оборудования по программе ленд-лиза.

При подготовке статьи были использованы архивные источники двух государственных архивов Российской Федерации: Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Российского государственного военного архива (РГВА), опубликованный Государственным департаментом США дипломатический документ о международных отношениях, датированный августом 1940 года, а также публикации отечественных и зарубежных ученых, связанные с данной темой.

Боевые действия против Финляндии стали серьезным испытанием советской авиации, из состава которых были выделены значительные силы. К началу советско-финляндской войны советская авиационная группировка насчитывала 2446 самолетов [3: 265].

Противник советской авиации – ВВС Финляндии развивались согласно доктрине, в которой особое внимание уделялось истребительной авиации. Всего финские ВВС насчитывали 301 само-

лет, в том числе 114 боевых (истребители, разведчики, бомбардировщики) [22: 157].

В военных действиях активно использовалась морская авиация. На 10 марта 1940 года только ВВС Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) насчитывали 548 самолетов [1: 69]. Также использовались самолеты из состава Главных управлений гражданского воздушного флота СССР (ГУ ГВФ) и Северного морского пути (СМП) [16: 443]. Была создана подчиненная ГУ ГВФ авиагруппа в составе четырех авиатрядов, которая затем подвергалась реорганизации [20: 403]. Всего из ГВФ было привлечено 149 самолетов [5: 59].

Сложные метеоусловия затрудняли боевое применение советской авиации. Когда температура понизилась до $-40...-42^{\circ}\text{C}$, полеты пришлось прекратить, так как авиамоторы не были приспособлены к такой температуре [19: 199]. Среди личного состава морской авиации появилось значительное количество обмороженных: только за 15 января 1940 года было госпитализировано сразу 100 человек летного и технического состава. А 17 января вся бомбардировочная авиация КБФ, по сути дела, вышла из строя: ни один из самолетов не поднялся в воздух. На самолетах СБ от сильного холода стали лопаться масляные бачки. Само масло на морозе загустевало настолько, что становилось похожим на вар [9: 153–154]. Люди и авиатехника работали на пределе возможного. Сказывался и недостаток снабжения. «До февраля 1940 г. летно-техническому составу не выдавали теплого армейского обмундирования (полушубки, валенки, ватные брюки, телогрейки, шапки, перчатки, теплое белье)» (цит. по: [6: 75]). Но, несмотря на плохую погоду, интенсивность применения военной авиации армии и флота постоянно возрастала, достигнув пика к марту 1940 года.

Значительное количество задействованных в войне самолетов, высокая интенсивность применения авиации, тяжелые метеоусловия и недостаточная подготовка личного состава привели к большим безвозвратным потерям в личном составе и боевой технике. По неполным данным было убито и пропало без вести 785 авиаторов из различных частей ВВС РККА [10: 198]. Число погибших членов экипажей самолетов только морской авиации по разным документам оценивается в пределах от 104 до 111 человек [18: 11]. В ГВФ пропало без вести три человека (два пилота и авиатехник)¹, общие потери техники составили 13 самолетов, в том числе три потерянных в результате обстрелов и один упавший из-за обледенения [11: 264]. В финский плен

попало более 110 советских авиаторов. По данным картотеки Красного Креста, 92 из них после окончания войны вернулись в СССР, не менее семи умерли в плену, а свыше десяти, вероятно, погибли еще до того, как на них завели карточки Красного Креста [4: 65–66].

В 1992 году П. А. Аптекарь, выведя итоговую цифру в 579 самолетов ВВС РККА без найденных данных о потерях шести полков, большинство которых воевало с самого начала войны, предположил, что с учетом потерь в эскадрильях при управлениях бригад и отдельных эскадрильях общее количество потерь самолетов составляло 640–650 единиц [2: 45]. В 2020 году А. П. Мартысевич отмечал, что «по последним данным, численность потерь авиации достигла 579 самолетов, но, видимо, и эта цифра не окончательная» [7: 77]. По оценке П. В. Петрова, сделанной в 2003 году, общее число самолетов армии и флота, потерянных в ходе боевых действий и эксплуатации, было не менее 750–760 единиц [12: 488].

Потери авиации Финляндии составили 70 авиаторов [4: 66] и 74 самолета, из которых 68 были боевые, 51 самолет был тяжело поврежден [22: 157].

Согласно данным из сводного отчета потерь материальной части с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года, непосредственно в боевых действиях ВВС Красной армии лишились 269 самолетов, 271 самолет был утрачен от небоевых причин (в том числе 71 – в катастрофах, 200 – в авариях), что дает в итоге сумму 540 самолетов. Все эти самолеты (кроме 135 попавших в аварию) были списаны безвозвратно. Кроме того, было зафиксировано более 1000 случаев поломок, прострелов и вынужденных посадок авиатехники². Но итоговые цифры являются явно заниженными. Так, только по ВВС 9-й армии из 169 отремонтированных самолетов на долю заводских бригад пришлось 84 (а не восемь, как было заявлено в сводном отчете всех потерь ВВС РККА) [15: 402]. То есть данные об отремонтированных заводскими бригадами самолетах только по ВВС одной армии более чем в 10 раз превышают аналогичные данные по ВВС всех армий и Северо-Западного фронта. Это значит, что число реальных ремонтов (и, вероятно, не только отремонтированных, но и списанных самолетов, итоги по которым могли не отражаться) было гораздо больше, чем заявлялось первоначально. Наиболее точный результат по потерям содержится в документах Управления материально-технического снабжения. Ремонт каждого самолета оформлялся ведомостью с расчетом

затраченных денег, поэтому заводская бригада отнюдь не ставила целью представить ситуацию в выгодном для руководства ВВС свете.

Потери советской авиации в Финляндии не только оказывали влияние на непосредственный ход военных действий, но проявились и в длительной перспективе, уже после окончания войны, сказавшись на последующем развитии ВВС и работе советской авиапромышленности. Так, еще в ходе войны, 14 февраля 1940 года, начальник ГУ ВВС КА Я. В. Смушкевич, военком ГУ ВВС КА Ф. А. Агальцов, начальник штаба ВВС КА Ф. К. Арженухин сообщали наркому обороны К. Е. Ворошилову, что только для доукомплектования строевых частей и военно-учебных заведений, формирования резервных полков и пополнения убыли на фронте требовалось до 1 июля того же года 2848 боевых самолетов. При этом подчеркивалось: «Убыль самолетов для фронта предусмотрена в размере 800 боевых самолетов (ДБ-3 – 180, СБ – 320, И-16 – 100 и И-153 – 200), не считая самолетов старых типов»³. То есть еще за месяц до окончания военных действий руководством ВВС РККА достаточно точно были спрогнозированы цифры потерь, компенсация которых закладывалась в новые производственные планы, подлежащие срочному увеличению.

Таким образом, советская авиапромышленность, только что сорвавшая план 1939 года, который был выполнен по самолетам лишь на 84 % [8: 150], в 1940 году, помимо выполнения новых перенапряженных плановых заданий должна была также компенсировать потери советской авиации в Финляндии. Отметим и то обстоятельство, что уже в 1939 году 12 из 17 самолетостроительных заводов получили задания на производство новых типов самолетов. Так, на авиазаводе № 22 первоначально предполагалось свертывание производства бомбардировщика СБ и начало производства новых бомбардировщиков – первоначально СПБ Н. Н. Поликарпова, а затем – Пе-2 В. М. Петлякова. Однако реалии советско-финляндской войны потребовали в первую очередь покрыть фронту боевую убыль освоенного в частях СБ, а уже во вторую очередь заниматься внедрением в серию новых моделей [8: 150–151].

Перейдем к рассмотрению политических последствий, проявившихся вскоре после начала войны с Финляндией, которые, дав предлог для массовой пропагандистской антисоветской кампании на Западе, достаточно быстро переросли в экономические последствия, весьма негативным образом сказавшиеся на функционировании советского авиапрома.

30 ноября 1939 года произошел трагический инцидент. Командир 3-й авиаэскадрильи 1-го минно-торпедного авиаполка ВВС КБФ капитан Н. А. Токарев принял решение нанести удар по портовым сооружениям и кораблям в порту Хельсинки, но из-за навигационной ошибки часть бомб упала в центре города. Это привело к большим жертвам среди мирного населения: 91 человек был убит, несколько сот ранено. Возникший в Хельсинки после этого пожар длился еще несколько дней, а дым от него был виден даже из Эстонии. После такой бомбежки финский парламент сразу же переехал в Каухайоки, в 300 км от столицы. Из-за поднявшейся волны протестов и возмущения действиями советской авиации, подвергшей бомбардировке мирное население, Главное командование РККА решило сделать перерыв в бомбардировках Хельсинки [9: 144–145].

Зарубежная периодическая печать в период советско-финляндской войны развернула массированную антисоветскую кампанию. Е. А. Терентьева, анализирующая французскую периодику данного периода, отмечала:

«Агрессия против Финляндии», «героическое сопротивление финнов», «Москва лжет», «США вмешиваются, Рузвельт требует, чтобы Москва прекратила бомбардировки мирного населения» – это выдержки из одной-единственной передовицы «Пти марселье» (Le Petit Marseillais), они демонстрируют идеи, предлагавшиеся читателям самых разных французских изданий по всей стране. Кроме того, рефреном в сообщениях о первых днях войны звучали обвинения СССР в бомбардировках мирных городов и массовых жертвах среди гражданского населения, «особенно женщин и детей» [17: 100].

Последствия бомбардировки финских городов в первый же день советско-финляндской войны явились причиной появления 2 декабря 1939 года Декларации президента США, которая предусматривала введение торговых ограничений в отношении стран, прибегающих к бомбардировкам и пулеметному обстрелу с воздуха гражданского населения. Госдепартамент направил этот документ американским компаниям, которым рекомендовалось в порядке самоограничения сократить или прекратить экспорт ряда стратегических видов оборудования или материалов в определенные страны. Эти действия именовались «моральным эмбарго» и распространялись на самолеты, оборудование для их производства, авиационные моторы и их части, вспомогательное авиационное оборудование, авиационные бомбы и торпеды, молибден, алюминий, никель, вольфрам, высококачественный бензин,

а также на соответствующую техническую инфраструктуру [14: 672].

США являлись основным поставщиком авиационных технологий в СССР к началу Второй мировой войны. Отметим, к примеру, что все советские истребители были оснащены лицензионными версиями американского двигателя «Райт», и даже к началу Великой Отечественной войны, несмотря на появление машин новых типов, они продолжали преобладать. Уже в декабре 1939 года нарком авиапромышленности М. М. Каганович сообщал руководству СССР, что ряд американских фирм отказались вести переговоры с советской стороной:

«Фирма Холей изъяла свои предложения по техпомощи на карбюраторы; фирма Кертис – временно отказалась вести переговоры по продаже нам образцов винтов и оказанию техпомощи по истребителю; фирма Гамильтон Эрликон Стандарт – в продаже винтов категорически отказала. Самолетостроительные фирмы Вулти, Локхид заявили в печати о поддержке морального эмбарго. Вулти лично подтвердил свой отказ в продаже самолетов»⁴.

Ситуация с «моральным эмбарго» для советской стороны была полной неожиданностью. Она затронула широкий ассортимент различного оборудования, жизненно необходимого как для авиапромышленности СССР, так и для иных отраслей, связанных с обеспечением функционирования авиации, в первую очередь военной, например связанных с производством авиационного бензина.

Последствия сложившейся негативной ситуации подытожил советский полпред в США К. А. Уманский. Приведем отрывок из его высказываний о моральном эмбарго во время переговоров с американской стороной из соответствующего американского же официального документа – Меморандума от 7 августа 1940 года:

«Советская промышленность... понесла серьезный ущерб в результате невозможности получения американской технической помощи по созданию заводов авиационного бензина, из-за прекращения поставок молибдена и из-за невозможности получить новейшие модели американских самолетов, которые уже закупались в течение ряда лет. Однако, худшим последствием морального эмбарго был тот эффект, который оно оказало на позицию американского бизнеса применительно к торговым отношениям с СССР. <...> Объявив, что моральное эмбарго применяется по отношению к Советскому Союзу, американское правительство возбудило в умах представителей широких деловых кругов мысли о безнравственности всяких дел с советским правительством вообще или, как минимум, дало почувствовать этим кругам, что они могут быть подвергнуты критике, если станет известно, что у них были какие-либо сделки с СССР» [21: 352].

Даже один этот документ, подытоживающий период действия эмбарго в течение немногим более полугода, выявляет негативные последствия его действия для советского авиапрома. И это касалось только того, что К. А. Уманский озвучил в своей речи. В реальности же существовал весьма широкий спектр проблем, в которых отчетливо отразились слабые места советского авиапрома, одной из них была проблема разработки и производства новых авиамоторов.

Отметим, что в середине 1940 года советско-американские экономические контакты дополнительно усложнила система лицензирования американского военного экспорта, которая во многом подменила и существенно расширила ранее существовавшие запреты, содержащиеся в эмбарго. Тем не менее само эмбарго официально было отменено лишь спустя полгода, в 1941 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты советско-финляндской войны имели долгосрочные последствия. Они, в частности,

весьма негативно сказались на состоянии советской авиации, которая лишилась значительного количества подготовленных кадров, а также понесла серьезные потери в материальной части. Советская авиапромышленность, которая, помимо выполнения текущих поставок авиапродукции для ВВС армии и флота, включая самолеты новых типов, должна была также компенсировать потери авиатехники на финском фронте, столкнулась с серьезными последствиями замораживания поступления американской технической помощи, станочного оборудования для оснащения авиазаводов, стратегического сырья – алюминия и молибдена. Приостановилась работа по созданию заводов авиационного бензина, поскольку его потребление отставало от стремительных темпов роста ВВС, что обострило ситуацию с подготовкой личного состава и понизило боеготовность ВВС РККА в целом. Некоторое смягчение режима эмбарго наступило лишь в начале 1941 года, но многие потенциальные возможности к этому времени, к сожалению, уже были упущены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9527. Оп. 1. Д. 1585. Л. 11а.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 42. Д. 58. Л. 35.

³ Там же. Оп. 46. Д. 340. Л. 69–70.

⁴ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 187. Л. 305.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А. Г., Степанов А. С. Советская авиация: взгляд из-за рубежа СССР. М.: Военный университет, 2021. 310 с.
2. Аптекар П. А. Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне) // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 43–45.
3. Барышников В. Н. От прохладного мира к Зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд. центр «Академия», 1997. 351 с.
4. Геуст К. - Ф. К вопросу о потерях советской авиации в боях с Финляндией и показаниях пленных летчиков в годы Второй мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной науч. конф. (16–17 апреля 2008 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, А. С. Кротова. СПб.: Изд-во РХГА, 2009. С. 64–75.
5. Кузнецов А. М., Степанов А. С. Гражданская авиация СССР как резерв РККА к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военный академический журнал. 2023. № 1 (37). С. 55–60.
6. Малахов Д. Н. Проблемы материально-технического обеспечения в боевых действиях 1939–1940 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. I, № 1. С. 72–76.
7. Мартысевич А. П. Советско-финляндская война: вопросы материально-технического обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии в ходе боевых действий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 72–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.484
8. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941. М.: Наука, 2006. 320 с.
9. Петров П. В. Военно-воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 4 (12). С. 141–166.
10. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.
11. Соболев Д. А. Хроника советской гражданской авиации. 1918–1941 гг. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. 328 с.
12. Советско-финляндская война 1939–1940: В 2 т. / Сост. П. В. Петров, В. Н. Степаков. Т. I. СПб.: Полигон, 2003. 542 с.

13. Степанов А. С. Военные мероприятия СССР в ответ на англо-французскую угрозу нанесения воздушных ударов по Кавказу (1939–1940 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2024. Т. 24, № 3. С. 38–44. DOI: 10.46698/VNC.2024.98.95.001
14. Степанов А. С. «Моральное эмбарго» и советско-американские экономические контакты в начале Второй мировой войны // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г. / [Отв. ред. А. К. Сорокин]. М.: Полит. энциклопедия: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2021. С. 671–679.
15. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 – первая половина 1941 гг.). М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. 544 с.
16. Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940: По документам рассекреченных архивов / Ред.-сост. Н. Л. Волковский. СПб.: ООО «Изд-во Полигон», 2000. 544 с.
17. Терентьева Е. А. Зимняя война в освещении французской прессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1012
18. Тиркельтауб С. В., Степаков В. Н. Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб.: Б&К, 2000. 68 с.
19. Тягури М. И. Деятельность Особой Северной авиагруппы Гражданского воздушного флота в период Советско-финляндской войны // Герценовские чтения 2019. Актуальные проблемы русской истории: Сб. науч. и учеб.-метод. трудов / Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л. Г. Рогушина, Т. Г. Фруменкова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 197–202.
20. Тягури М. И. Ленинград, Ленинградская область и транспортная проблема во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Военная история России: Материалы XIV Междунар. военно-ист. конф. / Под. ред. М. А. Королевой, В. А. Носова, С. А. Пищулина. Санкт-Петербург, 18 ноября 2021 г.: Сб. научных статей. СПб.: СПб ГБУ «Дзержинец», 2021. С. 401–406.
21. Foreign relations of the United States, Diplomatic Papers, 1940. Volume III: The British Commonwealth, the Soviet Union, the Near East and Africa. Washington: United States Government Printing Office, 1958. 1028 p.
22. Keskinen K., Stenman K. Ilmavoimat talvisodassa. The Finnish Air Force in the Winter War. Espoo: Tietoteos, 1989. 160 s.

Поступила в редакцию 30.09.2025; принята к публикации 27.10.2025

Original article

Aleksei S. Stepanov, Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Research Center for the Fundamental Issues of Military History, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
alexey-stepanoff@yandex.ru

THE INFLUENCE OF THE SOVIET-FINNISH WAR ON THE STATE OF SOVIET AVIATION INDUSTRY BEFORE THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. During the Soviet-Finnish War of 1939–1940, military and civilian aviation of the USSR was widely used in battles. About a thousand aviators were killed in the battles, which weakened the personnel capacity of Soviet aviation. The significant number of aircraft involved in the war, difficult weather conditions, and high intensity of aviation use resulted in significant aircraft losses, which have not been precisely established yet. The tragic incident of a mistaken naval air strike on residential areas in Helsinki at the beginning of the war led to the breakdown of Soviet-American contacts in the field of aviation technology and aviation gasoline production. An analysis of archival sources, Russian and foreign published documents, and published research works by Russian and foreign authors has revealed the impact of the consequences of the air war with Finland on the development of Soviet aviation on the eve of the Great Patriotic War. The Soviet aviation industry, which was already overburdened with production plans, including the urgent need to replace the huge losses in military aviation, and was simultaneously developing a new generation of aircraft, faced serious consequences of the freezing of American technical assistance, which played a crucial role for the industry in the 1930s. The supply of machine tools for aircraft factories and strategic raw materials was frozen, and access to new technologies was restricted. Additionally, the construction of aviation gasoline plants was halted due to a shortage of aviation fuel, which affected the training of personnel. As a result, the development of Soviet aviation was severely hindered during a critical period for the country before the Great Patriotic War. Since this topic has practically not been reflected in Russian historical science, the relevance of this article is due to the need to analyze the negative impact of the above-mentioned consequences on the potential capabilities of one of the key sectors of the Soviet defense industry, the aviation industry, during its radical restructuring in the face of German aggression.

Key words: Soviet-Finnish War, air force, flight crew, aircraft equipment, aviation industry, moral embargo, aviation technologies

For citation: Stepanov, A. S. The influence of the Soviet-Finnish War on the state of Soviet aviation industry before the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):37–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1247

REFERENCES

1. Abramov, A. G., Stepanov, A. S. Soviet Aviation: a view from outside the USSR. Moscow, 2021. 310 p. (In Russ.)
2. Aptekar, P. A. Were the sacrifices justified? (On losses in the Soviet-Finnish War). *Military Historical Journal*. 1992;3:43–45. (In Russ.)
3. Baryshnikov, V. N. From the cool peace to the Winter War: Finland's eastern policy in the 1930s. St. Petersburg, 1997. 351 p. (In Russ.)
4. Geust, K.-F. On the losses of Soviet aviation in battles with Finland and the testimonies of captured pilots during World War II. *Saint Petersburg and the Nordic countries: Proceedings of the X annual research conference (16–17 April 2008)*. St. Petersburg, 2009. P. 64–75. (In Russ.)
5. Kuznetsov, A. M., Stepanov, A. S. Civil aviation of the USSR as a reserve of the Red Army by the beginning of the Great Patriotic War of 1941–1945. *Military Academic Journal*. 2023;1(37):55–60. (In Russ.)
6. Malakhov, D. N. Problems of material and technical support in operations of 1939–1940. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2014;1(1):72–76. (In Russ.)
7. Martyshevich, A. P. Soviet-Finnish War: material and technical support of the Workers' and Peasants' Red Army during military actions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):72–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.484 (In Russ.)
8. Mukhin, M. Yu. The aviation industry of the USSR in 1921–1941. Moscow, 2006. 320 p. (In Russ.)
9. Petrov, P. V. Air force of the Red Banner Baltic Fleet in the Soviet-Finnish War of 1939–1940. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2018;4(12):141–166. (In Russ.)
10. Russia and the USSR in the wars of the XX century: Losses of the armed forces: A statistical study. Moscow, 2001. 608 p. (In Russ.)
11. Sobolev, D. A. The chronicle of Soviet civil aviation. 1918–1941. Moscow, 2019. 328 p. (In Russ.)
12. The Soviet-Finnish War of 1939–1940: In 2 vols. (P. V. Petrov, V. N. Stepakov, Eds.). Vol. I. St. Petersburg, 2003. 542 p. (In Russ.)
13. Stepanov, A. S. Military measures of the USSR in response to the Anglo-French threat of air strikes in the Caucasus (1939–1940). *Bulletin of the Vladikavkaz Center of the Russian Academy of Sciences*. 2024;24(3):38–44. DOI: 10.46698/VNC.2024.98.95.001 (In Russ.)
14. Stepanov, A. S. “Moral embargo” and Soviet-American economic contacts at the beginning of World War II. *Ways to victory. Individual, society, and state during the Great Patriotic War: Proceedings of the 13th international research conference (Yekaterinburg, 21–24 June 2021)*. Moscow, 2021. P. 671–679. (In Russ.)
15. Stepanov, A. S. The development of Soviet aviation during the pre-war period (1938 – first half of 1941). Moscow, 2009. 544 p. (In Russ.)
16. Secrets and lessons of the Winter War, 1939–1940: Based on documents from declassified archives. St. Petersburg, 2000. 544 p. (In Russ.)
17. Terentyeva, E. A. The Winter War in the French press. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1012 (In Russ.)
18. Tirkeltaub, S. V., Stepakov, V. N. Against Finland. Soviet naval aviation in the Baltic Sea during the 1939–1940 War. St. Petersburg, 2000. 68 p. (In Russ.)
19. Tyagur, M. I. Activities of the Special Northern Air Group of the Civil Air Fleet during the Soviet-Finnish War. *The 2019 Herzen Readings. Actual problems of Russian History: Collection of articles and educational texts*. St. Petersburg, 2020. P. 197–202. (In Russ.)
20. Tyagur, M. I. Leningrad, Leningrad Region, and transport problem during the Soviet-Finnish War of 1939–1940. *Military history of Russia: Proceedings of the XIV International Military History Conference (St. Petersburg, 18, November 2021)*. St. Petersburg, 2021. P. 401–406. (In Russ.)
21. Foreign relations of the United States, Diplomatic Papers, 1940. Volume III: The British Commonwealth, the Soviet Union, the Near East and Africa. Washington, 1958. 1028 p.
22. Keskinen, K., Stenman, K. Ilmavoimat talvisodassa. The Finnish Air Force in the Winter War. Espoo, 1989. 160 s.

Received: 30 September 2025; accepted: 27 October 2025

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»

(Апатиты, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

ПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ СРЕДИ КОЛЬСКИХ СААМОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Рассматривается малоизученная тема пастырского служения православного приходского духовенства Кольского благочиния Архангельской и Холмогорской епархии среди восточных саамов в первой половине XIX века. На основе документов из фондов Государственного архива Мурманской области и Национального архива Республики Карелия выясняются распределение саамских погостов Русской Лапландии в составе местных приходов; численность клириков, окормлявших «лапландцев»; основные традиционные направления пастырской деятельности приходских священников в саамских погостах на Кольском полуострове (совершение богослужений, требоисправление, проповедничество). Определяются факторы, затруднявшие исполнение пастырского долга священства в непростых условиях Кольского Севера. Наиболее значимыми из них были крайняя малочисленность пресвитеров, предусмотренных штатным расписанием для окормления восточных саамов; нехватка приходских церквей и часовен, действовавших на территории саамских погостов; серьезный коммуникативный барьер между пастырями и их прихожанами-лопарями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Кольское благочиние, Кольский уезд, саамы, приходские священники, богослужение, требоисправление, проповедничество

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевникова Ю. Н. Пастырская деятельность православных священников среди кольских саамов в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 44–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1248

ВВЕДЕНИЕ

В Русской православной церкви пастырская деятельность – главное назначение и призвание приходского духовенства – традиционно включает в себя четыре составляющих части: богослужение, совершение таинств, проповедничество и «учительство примером личной жизни». В России со второй половины XVIII века как особая наука начинает развиваться пастырское богословие. К этому времени относится синодальное издание первого руководства, посвященного пастырскому долгу священства¹. Во время масштабной реформы духовного образования, проведенной при Александре I, для полноценной подготовки будущих пастырей были разработаны программы обучения в семинариях с вклю-

чением богословских наук для воспитанников высших отделений [7: 29–30].

Пастырское служение православного духовенства среди кольских саамов в первой половине XIX века остается малоизученным вопросом в отечественной историографии. Внимание исследователей сосредоточено на проблемах второй половины столетия, когда при финансовой поддержке Российского государства начинается активная колонизация Мурманского берега, строятся новые церкви и часовни в Русской Лапландии, открываются самостоятельные лопарские приходы, организуются церковно-приходские школы [1], [2], [3]. Пастырство приходских священников представляется частью длительного и сложного процесса христианизации восточных саамов, который продолжался вплоть до на-

чала XX века. При этом высказывается мнение о низкой эффективности попыток архангельских епископов Георгия (Ящуржинского) и Варлаама (Успенского) в первой половине XIX века частично применить на Кольском Севере опыт миссионерства, накопленный среди ненцев-самоедов [8].

В статье рассматриваются основные направления пастырского служения пресвитеров Кольского благочиния Архангельской и Холмогорской епархии среди восточных саамов в первой половине XIX века и выясняются его особенности. Основными источниками являются документы, обнаруженные в фондах Национального архива Республики Карелия (НА РК) и Государственного архива Мурманской области (ГАМО). Привлекаются также сведения из краеведческой и этнографической литературы².

СААМСКИЕ ПОГОСТЫ В СОСТАВЕ ПРИХODOВ КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ

В первой половине XIX века значительные пространства Кольского полуострова и севера Беломорской Карелии объединял Кольский благочиннический округ, подчинявшийся Кемскому духовному правлению Архангельской и Холмогорской епархии³. В него входили семь приходов: Кольский Соборный, Кандалакшский, Керетский, Умбский, Варзужские Успенский и Петропавловский, Понойский.

Сезонные поселения восточных саамов, исповедовавших православие, относились к трем приходам с главными церквями в небольшом уездном городе Кола – «столице Русской Лапландии», а также в поморских селах Кандалакша и Поной (см. таблицу).

Саамские погосты в составе приходов
Кольского благочиния
в первой половине XIX века

Sami pogosts within the parishes of the Kola Deanery in the first half of the XIX century

Приходы	Погосты
Кольский Соборный	Воронинский, Кильдинский, Ловозерский, Масельгский, Мотовский, Нотозерский, Нявдемский, Пазрецкий, Печенгский, Семиостровский (с 1846 года), Сонгельский
Кандалакшский Предтеченский	Бабенский, Екостровский
Понийский Петропавловский	Еконгский, Каменский, Куроптевский, Лумбовский, Семиостровский (до 1846 года), Сосновский

Источники: ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15, 18; НА РК. Ф. 313. Оп. 2. Д. 1/3.

Наиболее крупный в Кольском благочинии Соборный приход включал земли восточных саамов в северной части Кольского полуострова. До начала второй четверти XIX века входившие в его состав три саамских погоста

в районе Варангер-фьорда – Нявдемский, Пазрецкий и Печенгский – представляли так называемые общие округа, существовавшие в приграничье России и Норвегии со средних веков. Государственная граница, установленная по конвенции 1826 года по рекам Паз и Ворьема, разделила традиционные места промысла и проживания нявдемских и пазрецких скоттов. Вместе с тем отдельная статья международного договора предоставляла им право «свободного отправления их богослужения», которым они пользовались вплоть до начала XX века⁴. Православные саамы, выбравшие норвежское подданство, могли «ходить по-прежнему» в церковь мучеников Бориса и Глеба, для которой был создан крохотный анклав на левом берегу реки Паз. Вместе с двумя другими храмами – городским Благовещения Богородицы и бывшим монастырским Средтенским⁵ на реке Печенга – она была приписана к кольскому собору.

В 1846 году община мирян Соборного прихода расширилась за счет присоединения семиостровских саамов, которые ранее относились к Петропавловской церкви, построенной в конце XVIII века вместо прежнего обветшавшего храма в селе Поной на Терском берегу Белого моря. В ведении понойского причта с этого времени оставались пять обширных погостов «терской лопи» в восточной части Кольского полуострова⁶.

Кандалакшскому приходу принадлежали ближайшие к нему Екостровский (Экостровский) и Бабенский (Бабинский) погосты с поселениями саамов по берегам материкового озера Имандра – самого крупного водоема Кольского полуострова, разделенного узкими проливами на три части. Как указывали местные священники в своих ведомостях о приходе и его прихожанах: «Жители оных селений лапландцы проживают при озерах и реках по одному семейству расстоянием одно от другого верст по 100 и более»⁷.

Причт, заведовавший екостровскими и бабенскими «лапландцами», жил в селе Кандалакша в устье реки Нива, впадающей в Кандалакшский залив Белого моря. Здесь стояли главная приходская церковь пророка Иоанна Предтечи, построенная местной общиной в 1786–1801 годах, а также кладбищенский храм Рождества Пресвятой Богородицы, ранее принадлежавший мужскому Пречистенскому Кандалакшскому монастырю, закрытому по секуляризационной реформе 1764 года⁸.

Общая численность саамского населения в Кольском уезде в первой половине XIX века была сравнительно невелика. Если доверять данным приходских священников, то в 1813 году к Воскресенскому собору в городе Кола были отнесены 712 человек (351 мужчина и 361 женщина); к кан-

далакшской Предтеченской церкви – 229 человек (123 и 106), к понойской Петропавловской – 450 человек (229 и 221). Таким образом, в трех общинах находился 1391 «лапландец»⁹. К середине XIX века, согласно ревизским сказкам за 1850 год и клировым ведомостям за 1844 год, во всех саамских погостах проживало чуть более двух тысяч лопарей¹⁰. Население Кольского уезда, включая русских, саамов и карелов, составляло 7162 человека [6: 191].

В начале XIX века действовали приходские штаты, введенные в 1722 году и неоднократно подтверждавшиеся в течение второй половины XVIII века¹¹. Для общин, в которых насчитывалось 200–250 дворов (800–1000 человек), полагались два пресвитера. Причт Воскресенского собора, включавший двоих иереев, окормлял более полутора тысяч прихожан, что не соответствовало принятым общероссийским нормам¹². Для Кандалакшского и Понойского приходов, меньших по размерам, полагалось по одному священнику¹³. Согласно новому штатному расписанию, вводимшемуся в Архангельской и Холмогорской епархии с 1843 года, численность клириков в этих трех приходах не изменилась¹⁴. Другими словами, пастырское служение среди саамов, проживавших на огромной территории Русской Лапландии, в первой половине XIX века было возложено всего на четырех пресвитеров.

ПАСТЫРСКОЕ ОКОРМЛЕНИЕ КОЛЬСКИХ СААМОВ

Главными традиционными направлениями пастырской деятельности приходского духовенства среди саамов были совершение богослужений и требоисправление. На территории лопарских погостов действовали два «пустынных» храма на реках Печенга и Паз. Соборный причт совершал в них литургию в престольные праздники (2 февраля и 24 июля по старому стилю) и день памяти Трифона Печенгского (15 декабря), когда «в обе эти церкви стекаются набожные поклонники»¹⁵. По сообщению архангельского краеведа Н. Дергачева, каждый благочестивый лопарь считал должным «хотя раз в жизни отправиться поклониться мощам святого угодника», а также ходить в Печенгу по обету «в затруднительных случаях жизни»¹⁶.

В 1830 году старший священник Воскресенского собора Иоанн Дьяконов, в чьем ведении находился Сретенский храм, стоявший в 250 верстах от Колы по дороге к границе с Норвегией, отчитывался перед духовной консисторией:

«...наступил там храмовый праздник, сверх того я извещался, что в течение годичного времени накопилось довольно количество треб, куда я 31-го генваря

отправился. Там февраля 2-го исполнил богослужение, а 3-го числа удовлетворял прихожан требами»¹⁷.

Таким образом, пастырская поездка к одной печенгской церкви зимой на оленях занимала около недели.

Священники Соборного и Понойского приходов в сопровождении причетников не менее двух раз в год отправлялись в длительные путешествия по саамским становищам для требоисправления и одновременно сбора ружного содержания, полагавшегося причту от лопарей. Выбор времени для этих посещений – зимой «около Рождества» и летом «на исходе июня»¹⁸ – обуславливался сезонными кочевьями восточных саамов и природно-климатическими условиями Кольского Севера. В течение Великого поста – традиционного времени для покаяния и исповеди – дальние путешествия по Русской Лапландии не проводились из-за отсутствия транспортного сообщения. В апреле 1847 года кольский благочинный Павел Ивановский докладывал в Кемское духовное правление о невозможности «отлучиться в лопарские погосты, принадлежащие Кольскому собору, для исправления мирских треб за распутою и разъездом жителей лопарских погостов из мест жительства»¹⁹.

Во время разъездов по саамским погостам необходимые таинства и требы исполнялись в небольших деревянных часовнях, стоявших в некоторых сезонных поселениях на побережье Баренцева моря и внутри материка. В первой половине XIX века здесь насчитывалось 19 часовенных построек, относившихся к Соборному и Понойскому приходам²⁰. Сохранились сведения о том, что в становищах без часовен таинства исповеди и крещения совершались в низких и тесных жилищах саамов, где «ни священнику, ни восприемникам стоять на ногах никак не возможно, а все то содействуется на коленях», как об этом писал благочинный в 1820 году²¹.

Уникальная ситуация сложилась с окормлением нявдемских и пазрецких скотлов, которыми после заключения российско-норвежской конвенции 1826 года продолжали заведовать клирики кольского Воскресенского собора. Приходские священники имели право беспрепятственно пересекать государственную границу для богослужения в маленькой часовне великомученика Георгия на реке Нявдема в Норвегии²².

Посещение саамских поселений Русской Лапландии затруднялось не только суровыми климатическими условиями и особенностями жизненного уклада восточных саамов. Клирики трех приходов жаловались на постоянные финансовые проблемы, возникавшие от скудости их материального обеспечения. Если на почтовых станци-

ях ямщики-лопары отказывались предоставлять «олений без прогонов», то приходским священникам, не имевшим с собой денег, приходилось нередко «отдавать в залог ряску»²³.

Серьезным препятствием для успешной пастырской работы в Русской Лапландии в первой половине XIX века были неграмотность ее коренных жителей и отсутствие переводов богослужебной литературы на диалекты восточных саамов. Предпринятая в 1813–1814 годах попытка епархиального руководства при поддержке Российского Библейского общества распространить среди «лапландцев» книги Нового Завета была безуспешна: местные саамы «лапландских книг» читать не умели и не понимали тексты, изданные на языке шведских лопарей [4].

Пастырское служение приходского духовенства среди восточных саамов крайне осложнялось коммуникативным барьером, существовавшим между священниками и их паствой. В Кольском благочинии сохранялась острая нехватка иереев и причетников, знавших саамский язык, несмотря на стремление епархиального руководства исправить положение дел²⁴. Показателен случай, произошедший с диаконом Иоанном Титовым, местным уроженцем, хорошо говорившим по-саамски. В 1838 году епископ Георгий перевел его из Петропавловской церкви в селе Поной в кольский Воскресенский собор, который нуждался в клирике, понимавшем «природный лопский язык». Из-за сильного протеста понойской общины архиерей был вынужден вернуть диакона, заслужившего доверие прихожан-саамов, на прежнее место служения и рукоположить его во пресвитерство²⁵. Соборный же приход долгое время оставался без священника, знавшего саамский язык. В 1847 году по запросу духовной консистории благочинный был вынужден в очередной раз сообщить о «ненахождении в ведомстве его способного и знающего лопарский язык причетника, к поступлению на священническую должность к кольскому собору»²⁶.

Важной частью пастырской деятельности были катехизические поучения. В Кольском благочинии священники, за редким исключением, получали преимущественно базовые знания, необходимые для пресвитерского служения, в Сумском и Архангельском духовных училищах, а также в низшем или среднем отделениях Архангельской духовной семинарии. Другими словами, они не имели богословского образования, позволявшего «ученым попам» выступать в церквях с поучениями собственного сочинения [5]. Проповедничество в местных храмах сводилось к тому, что иереи в лучшем случае выступали перед прихожанами с готовыми типо-

выми текстами, при этом более-менее понятными лишь тем саамам, которые знали русский язык.

Большое значение в пастырском служении придавалось «учительству примером личной жизни». Синодальные указы не раз напоминали клирикам о необходимости соответствовать нравственному идеалу пресвитерства и в повседневной жизни вести себя «строго и благопристойно»²⁷. Документы епархиального делопроизводства по Кольскому благочинию содержат свидетельства того, как отдельные священники нарушали завет «удерживаться от пьянства», а также вступали в серьезные конфликты, возникавшие внутри причтов из-за материального неравенства и личной неприязни клириков²⁸. Вопрос о влиянии образа жизни и поступков священников на воцерковленность и вовлеченность саамов в богослужебную жизнь местных приходов ранее не изучался и требует отдельного внимания.

ВЫВОДЫ

Итак, проживавшие в Русской Лапландии саамы находились в ведении причтов трех приходов Кольского благочиния (Соборного, Понойского и Кандалакшского) и окормлялись четырьмя пресвитерами. На территории лопарских погостов в первой половине XIX века действовали только две церкви на реках Паз и Печенга, в которых трижды в год проводилась литургия. Исполнение пастырского долга среди восточных саамов подразумевало для клириков длительные и дальние путешествия по Кольскому Северу. Священники приспосабливались к арктическим реалиям и выбирали время поездки в зависимости от климатических условий и сезонных кочевий своих прихожан-лопарей, исполняя при необходимости церковные таинства в традиционных саамских жилищах. На материалах Кольского благочиния прослеживаются общие проблемы, характерные для российских епархий с многонациональным составом паствы. Пастырская деятельность осложнялась коммуникативным барьером, существовавшим между клириками и мирянами-«лапландцами» из-за незнания языков, а также отсутствием переводов даже основных молитвенных текстов на родные для восточных саамов диалекты. Для более эффективного исполнения пастырского долга епархиальному руководству и духовенству предстояло в ближайшем будущем решать назревшие проблемы церковно-приходской жизни на Кольском Севере: строить новые церкви и часовни для «лапландцев», открывать самостоятельные саамские приходы со своими причтами в Русской Лапландии, создавать местные школы для обучения лопарских детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Книга о должностях пресвитеров приходских» вышла в 1776 году.
- ² Дергачев Н. Русская Лапландия: статистический, географический и этнографический очерки. Архангельск: Архангельский губернский статистический комитет, 1877. 301 с.; Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей (Исторический очерк) // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 8. С. 203–208.
- ³ В 1833–1838 годах единое Кольское благочиние делилось на две части для большей эффективности управления местными приходами. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 26/729.
- ⁴ Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск: Издание Архангельского Губернского Статистического комитета, 1910. С. 42.
- ⁵ Сретенская церковь была возведена братией Печенгского монастыря над погребением преподобного Трифона Печенгского. См.: ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–2 об.
- ⁶ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 15/358. Л. 87.
- ⁷ Там же. Д. 5/36. Л. 57–58 об.
- ⁸ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 17–17 об.
- ⁹ Козмин Н. Распространение христианства... С. 203.
- ¹⁰ НА РК. Ф. 4. Оп. 19. Д. 27/224; Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 года по 12 декабря 1825 года (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 6. № 4072.
- ¹² Зеленин Д. Архангельская губерния в начале XIX в. (статистическое описание губернии по современной рукописи) // Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 год. Архангельск: Издание Арх. губ. стат. комитета, 1908. С. 6.
- ¹³ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 2; НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1.
- ¹⁴ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 17, 23; Ф. 313. Оп. 1. Д. 2/5. Л. 105 об.
- ¹⁵ Дергачев Н. Русская Лапландия... С. 104–105.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 18. Л. 22 об.
- ¹⁸ Географическо-статистическое описание Архангельской губернии // Архангельский сборник. 1863. Ч. 1. С. 82–83.
- ¹⁹ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 15/365. Л. 85 об.
- ²⁰ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15; НА РК. Ф. 313. Оп. 2. Д. 1/3.
- ²¹ Там же. Д. 11. Л. 210.
- ²² Голубцов Н. К истории разграничения... С. 42.
- ²³ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 18. Л. 23 об.
- ²⁴ Так, епископ Парфений (Петров), управлявший Архангельской епархией в 1809–1819 годах, указывал на необходимость знания лопарского языка клириками, «дабы они могли и других обучать». Цит. по: Козмин Н. Распространение христианства... С. 204.
- ²⁵ НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 6/61. Л. 6–6 об.
- ²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 15/365. Л. 75 об.
- ²⁷ Например, в синодальном указе от 22 марта 1800 года. См.: ПСЗ I. СПб., 1830. Т. 26. № 19337.
- ²⁸ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4/84. Л. 26–37 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардилова Ю. П. Влияние колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX в. на деятельность Русской православной церкви на Кольском Севере // Освоение Кольского Севера: эволюция процесса. 2-я пол. XIX – нач. XXI вв.: Материалы науч.-практ. конф. Мурманск, 2015. С. 11–14.
2. Зайцев О. А. «Лопарские приходы» в церковно-приходской системе Кольского Севера в XIX – начале XX веков // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11. С. 154–166.
3. Казакова К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX – начале XX в. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 2. С. 23–30. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.23-30
4. Кожевникова Ю. Н. Распространение книг Нового Завета в Русской Лапландии в 1813–1814 годах // Религиоведение. 2024. № 3. С. 32–38. DOI: 10.22250/2072-8662-2024-3-32-38
5. Кожевникова Ю. Н. Церковное проповедничество в приходах Кольского благочиния в конце XVIII – начале XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2024. Т. 3, № 2. С. 55–61. DOI: 10.37614/2949-1185.2024.3.2.006
6. Репневский А. В., Нильсен Й. П., Тевлина В. В. Консулы и купцы, поморская торговля и руссенорск // Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Ред. Й. П. Нильсен. М.: Весь мир, 2019. С. 170–209.

7. Сухова Н. Ю. Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII – начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25). С. 25–43.
8. Шалыпин С. О. Христианизация «инородцев» Архангельского Севера XVI – начала XX в.: политико-правовой аспект проблемы // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2003. С. 200–215.

Поступила в редакцию 08.09.2025; принята к публикации 27.10.2025

Original article

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher,
Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the
Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

PASTORAL WORK OF ORTHODOX PRIESTS AMONG THE KOLA SAMI IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article addresses the little-studied topic of the pastoral work of the Orthodox parish clergy of the Kola Deanery of the Arkhangelsk and Kholmogory dioceses among the Eastern Sami in the first half of the XIX century. Drawing on the documents from the collections of the State Archive of the Murmansk Region and the National Archives of the Republic of Karelia, the article identifies the distribution of the Sami pogosts (churchyards) of Russian Lapland within local parishes and the number of clergy who served as pastors for the “Laplanders”. The archival materials are used to analyze the main traditional areas of pastoral activity of parish priests within the Sami pogosts of Russian Lapland, such as regular church worship, performing occasional church services requested by congregation members, and preaching. Various factors have been identified that made it difficult for priests to fulfill their pastoral duties under the difficult conditions of the Kola North. It turns out that the most significant of these were an extremely small number of presbyters stipulated by the staffing table for serving the Sami, the shortage of parish churches and chapels on the territory of the Sami pogosts, and a serious communication barrier between pastors and the Lapps parishioners.

Keywords: Kola Deanery, Kola Uyezd, Sami, parish priests, worship, performing requested church services, preaching

Acknowledgements. This article was funded from the federal budget as part of the state task No FMEZ-2024-0002 “Dynamics of the sociocultural image of the Kola North in the context of the history of the development of Russia’s Arctic frontier” assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. Pastoral work of Orthodox priests among the Kola Sami in the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):44–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1248

REFERENCES

1. Bardileva, Yu. P. The influence of the Murmansk coast colonization between the second half of the XIX and the early XX centuries on the activities of the Russian Orthodox Church in the Kola North. *Development of the Kola North: the evolution of the process (the second half of the XIX – the early XXI centuries): Proceedings of the scientific and practical conference*. Murmansk, 2015. P. 11–14. (In Russ.)
2. Zaitsev, O. A. The “Lappish parishes” in the church-parish system of the Kola North in the 19th – the beginning of the 20th centuries. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies*. 2018;9(11):154–166. (In Russ.)
3. Kazakova, K. S. Initial training of children of the indigenous people of the Kola North at the end of 19th – beginning of the 20th century. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies*. 2018;9(2):23–30. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.23-30 (In Russ.)
4. Kozhevnikova, Yu. N. Distribution of the books of the New Testament in Russian Lapland in 1813–1814. *Study of Religion*. 2024;3:32–38. DOI: 10.22250/2072-8662-2024-3-32-38 (In Russ.)
5. Kozhevnikova, Yu. N. Church preaching in the parishes of the Kola Deanery in the late 18th – early 19th century. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2024;3(2):55–61. DOI: 10.37614/2949-1185.2024.3.2.006 (In Russ.)
6. Repnevsky, A. V., Nielsen, J. P., Tevlina, V. V. Consuls and merchants, Pomor trade, and Russenorsk. *Rapprochement: Russia and Norway. 1814–1917*. (J. P. Nielsen, Ed.). Moscow, 2019. P. 170–209. (In Russ.)
7. Sukhova, N. Yu. Pastoral theology in the Russian theological high schools (XVIII – beg. XX c.). *St. Tikhon’s University Review. Theology. Philosophy*. 2009;1(25):25–43. (In Russ.)
8. Shalyapin, S. O. Christianization of the non-indigenous peoples of the Arkhangelsk North between the XVI and the early XX centuries: political and legal aspect of the problem. *Vestnik of Pomor University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2003:200–215. (In Russ.)

Received: 8 September 2025; accepted: 27 October 2025

ДЕНИС ОЛЕГОВИЧ АЛЕШИН

ведущий археограф Отдела рукописей
Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0009-0005-2725-6182; denis.aleshin.2016@inbox.ru

АРХИВ И. И. ШУВАЛОВА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВОХРАНИЛИЩ

А н н о т а ц и я . Статья представляет собой первый опыт изучения архива Ивана Ивановича Шувалова, выдающегося государственного деятеля и мецената. Основная цель работы – реконструкция состава личного архива, основанная на обширных библиографических данных, архивных изысканиях, а также изучении социальных связей камергера и их влияния на структуру его документального собрания. В центре исследования – проблема недостаточного внимания к происхождению и истории бытования обширного архивного наследия государственного деятеля. Проанализированы более 300 документов, связанных с именем И. И. Шувалова, а также более 30 их ранних публикаций. В результате исследования удалось не только восстановить историю «рассеивания» архива камергера, но и проанализировать его содержание, что открывает новые возможности для дальнейших исследований личности И. И. Шувалова, его вклада в отечественные культуру и политику.

Ключевые слова: XVIII век, И. И. Шувалов, Екатерина II, М. В. Ломоносов, личный архив, реконструкция архива

Для цитирования: Алешин Д. О. Архив И. И. Шувалова: опыт реконструкции по материалам отечественных и зарубежных архивохранилищ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1249

ВВЕДЕНИЕ

На фоне нараставшего в XIX веке общего внимания к истории, в периодических изданиях оказались крайне востребованы документы выдающихся деятелей прошлого, в том числе Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797). Интерес к бумагам И. И. Шувалова обусловлен его многогранной деятельностью, посвященной, с одной стороны, государственному управлению в последние годы царствования императрицы Елизаветы Петровны [3: 426], [6], с другой – масштабным процессам в отечественной культуре, связанным с учреждением Московского университета и Академии художеств, покровительством выдающимся деятелям науки и искусства, развитием русско-европейских культурных связей [4].

Начиная с 1820-х годов и до настоящего времени исследователями было обнаружено и опубликовано порядка 300 документов, ранее принадлежавших И. И. Шувалову. Однако вне зависимости от времени и уровня публикаций, можно сказать, что для всех них свойственно внимание к фактическим сведениям, а не самим письмам и бумагам. Лишь в некоторых, немно-

численных работах рассматривались вопросы происхождения документов или взаимоотношений вельможи с современниками, отразившихся в виде писем [1], [2], [5: 91, 188], [7], [8].

Настоящая статья представляет собой результат первого опыта библиографического и архивно-эвристического исследования с целью реконструкции предположительного состава личного архива И. И. Шувалова и истории его бытования.

Первоначальное представление о структуре архива И. И. Шувалова, как состоящего в первую очередь из писем от многочисленных корреспондентов, было получено из воспоминаний Ильи Федоровича Тимковского, подробно описавшего несколько дней своего пребывания в доме камергера в 1797 году¹. После смерти И. И. Шувалова все имущество, вероятно, вместе с собранием бумаг, было унаследовано его сестрой – Прасковьей Ивановной Голицыной, а затем разделено между ее детьми – Федором и Варварой.

В рамках исследования была сформулирована гипотеза, согласно которой большая часть архива И. И. Шувалова отошла к его племян-

нику – Федору Николаевичу Голицыну, с коим вельможа был крайне близок². Это предположение основывалось на включении им нескольких писем императора Павла I к И. И. Шувалову в его биографический труд о дяде³. После смерти Федора Николаевича архив перешел к его сыну, Александру Федоровичу Голицыну, а от него уже к его наследникам: дочери Александре Александровне и ее мужу Иллариону Николаевичу Толстому. Данный путь документов Шувалова был установлен в первую очередь благодаря комментариям Петра Ивановича Бартенева и Якова Карловича Грота к их изданиям ряда материалов из этого собрания. Автор более ранней публикации, Я. К. Грот, ссылаясь на А. Ф. Голицына как владельца переданных ему для просмотра документов государственного деятеля⁴. В свою очередь П. И. Бартенев в примечаниях к своим⁵ и совместным с Я. К. Гротом⁶ публикациям указывал хранителем собрания уже И. Н. Толстого.

На время, когда бумагами владели А. Ф. Голицын и И. Н. Толстой – 1860–1900-е годы, пришлось основная масса публикаций документов из архива И. И. Шувалова. Было предположено, что все представленные на страницах «Русского архива»⁷, «Сборника императорской Академии наук»⁸ и «Сборника Императорского Русского исторического общества»⁹ бумаги камергера и письма к нему хранились у потомков Ф. Н. Голицына. Эта гипотеза подтвердилась при сравнении обозначенных публикаций с материалами, хранящимися в настоящее время в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук¹⁰, – двумя сборниками писем к И. И. Шувалову и папкой с его собственными черновыми документами.

Первый переплет¹¹ включает в себя адресованные вельможе послания от П. А. Румянцева, П. С. Салтыкова, В. В. Фермора и С. Ф. Апраксина, объединенные общей темой – событиями Семилетней войны. Письма представляют собой облеченные в эпистолярную форму отчеты о состоянии армии, сношениях с союзными войсками, военных действиях и т. д.

Второй переплет¹² содержит письма дипломатов М. И. Воронцова, М. П. Бестужева-Рюмина и И. Г. Чернышева, генерал-поручика З. Г. Чернышева, литераторов М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, агента вельможи в Женеве Б. М. Салтыкова. Все они состояли в дружественных отношениях с И. И. Шуваловым и входили в его ближайшее окружение в разные периоды жизни.

Вероятно, ранее частью этого сборника являлись и опубликованные П. И. Бартеневым в «Русском архиве» письма к камергеру от императрицы Екатерины II¹³. Тем не менее в данном случае исследователь не дал указаний на источник обретения материалов для издания. В настоящее время обозначенные послания¹⁴ хранятся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН¹⁵.

Отдельную единицу хранения составляет папка¹⁶, содержащая черновые письма самого И. И. Шувалова к Екатерине II, Вольтеру и Г. Г. Орлову, а также проекты по введению «фундаментальных и неперменных законов» в Российской империи, внешней политике времен Семилетней войны, обустройству Академии художеств [5: 251, 272, 325, 329].

Принимая во внимание примечания П. И. Бартенева и Я. К. Грота к их изданиям, совпадение текстов и состава архивных документов с публикациями 1860–1900-х годов и тот факт, что в состав собрания Академии наук фрагмент архива И. И. Шувалова поступил вместе с документами Ф. Н. Голицына, находящимися в обозначенном втором томе, можно сделать промежуточный вывод, что значительная часть бумаг камергера действительно была унаследована племянником и его потомками, а затем была ими утрачена.

Как уже было указано ранее, впервые данные материалы были обозначены Я. К. Гротом в комментарии к своей публикации 1862 года как «три тетради писем от разных лиц как к И. И. Шувалову, так и к племяннику его князю Федору Николаевичу Голицыну»¹⁷, полученные исследователем на время от А. Ф. Голицына. В заглавии издания материалов первого из обозначенных томов из собрания СПбФ АРАН в «Сборнике Императорского Русского исторического общества» присутствует указание, что данные тексты сообщены И. Н. Толстым¹⁸. Таким образом, можно утверждать, что до 1872 года документы точно хранились в семье Голицыных – Толстых¹⁹. Далее в неустановленное время и при невыясненных обстоятельствах все три «тетради» и, вероятно, выделенные из них письма Екатерины II перешли к великому князю Николаю Михайловичу. Он в свою очередь в 1917 году принес их в дар Библиотеке Академии наук²⁰. В 1931 году оба тома и папка были переданы в СПбФ АРАН, а письма Екатерины II – в СПб ИИ РАН, где хранятся до настоящего времени.

К началу XX века, вероятно, лишь небольшая часть документов Шувалова оставалась во владении наследников по линии Ф. Н. Голицына. Речь идет о письмах племянника к дяде за 1780–1797 годы, посвященных как его личной жизни, так и работе на посту куратора Московского университета²¹. Основываясь на Книгах поступлений Отдела рукописей ИРБ/ГРБ²², можно уточнить, что данные послания вместе с другими документами рода Голицыных в 1919 году были переданы в библиотеку правнучкой Ф. Н. Голицына – Н. И. Толстой, в замужестве Танеевой²³.

Отдельную задачу составляет реконструкция истории бытования посланий М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову как части архива последнего. Всего известны тексты 32 писем ученого к своему другу и покровителю.

В рамках подготовленного Академией наук «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова 1784 года были впервые опубликованы 15 из обозначенных посланий²⁴. Работа над изданием осуществлялась при жизни И. И. Шувалова, на основании чего закономерно предположить, что тексты писем были предоставлены академиком самим камергером. Однако, как показало изучение дальнейших изданий материалов переписки ученого и мецената, никто из последующих исследователей не имел дело с оригиналами конкретно этих 15 писем, лишь воспроизводя или цитируя тексты, представленные в указанной публикации. Таким образом, вероятнее всего, для издания были переданы не просто тексты писем, а оригинальные документы, которые по неизвестной причине не вернулись к их владельцу – И. И. Шувалову, и вплоть до настоящего времени их местонахождение остается неизвестным.

Оставшиеся 17 посланий можно разделить на две группы. К первой относятся семь писем ученого, содержащиеся в одном из уже упоминаемых конвюлютов посланий к И. И. Шувалову из собрания СПбФ АРАН. Пройдя весь вышеописанный путь от наследников до государственного хранения, письма оказались в Академии наук, где и содержатся по сей день в качестве отдельной единицы хранения²⁵.

Ко второй группе относятся остальные десять посланий, которые, вероятно, еще в первой половине XIX века вошли в частные собрания автографов. Одно из этих писем было обнаружено Афанасием Федоровичем Бычковым в коллекции графа Петра Корниловича Сухтелена²⁶, ставшей в 1837 году частью собрания Отдела рукописей Императорской публичной библиотеки²⁷.

Оставшиеся девять посланий постепенно вводились в научный оборот на протяжении 1820–1870-х годов благодаря публикациям уже упоминаемого П. И. Бартенева²⁸, а также Михаила Петровича Погодина²⁹, Николая Алексеевича Полевого³⁰ и Павла Александровича Муханова³¹. Последний, судя по всему, к началу 1860-х годов собрал все эти циркулирующие по частным собраниям письма в своей коллекции автографов М. В. Ломоносова, известной теперь как «Мухановский сборник». Исключение составляет опубликованное Н. А. Полевым письмо, нынешнее местонахождение которого остается неизвестным.

В 1871 году коллекция была передана П. А. Мухановым Академии наук, после чего та стала частью собрания СПбФ АРАН, где и хранится по сей день³². Помимо восьми писем, в состав «Мухановского сборника» вошло еще и множество рукописных документов за авторством М. В. Ломоносова. Это черновики его научных и литературных работ, проектов преобразования Академии наук и др. На большинстве из них присутствуют правки и комментарии, выполненные рукой И. И. Шувалова, исходя из чего можно предположить, что данные документы также входили в состав архива вельможи.

На основании изложенной выше концепции об истории бытования сохранившихся до наших дней писем ученого к И. И. Шувалову можно предположить, что вошедшие в состав «Мухановского сборника» документы и указанное утраченное письмо, опубликованное Н. А. Полевым, ранее являлись частью одного из томов, принадлежавших наследникам по ветви Голицыных – Толстым. В пользу этой версии говорит то, что конвюлют, в котором до выделения сотрудниками СПбФ АРАН в отдельную единицу хранения содержались письма М. В. Ломоносова, имеет значительное число утрат листов, которыми вполне могли быть оказавшиеся в руках коллекционеров и исследователей ломоносовские материалы³³. Однако, по какой причине именно эти документы остались в семье, а остальные были переданы, с уверенностью говорить нельзя.

Еще одним фрагментом архива И. И. Шувалова, связанного с именем М. В. Ломоносова и, очевидно, хранившегося у семьи Голицыных – Толстых, является записная книжка камергера³⁴ из собрания Российского государственного архива литературы и искусства³⁵. На первой ее странице содержится рукописный фрагмент трагедии «Тамира и Селим» с объясняющей систему стихосложения схемой, выполненный М. В. Ломоносовым. Далее идут стихотворные опыты самого

И. И. Шувалова и его племянника Ф. Н. Голицына. Однако из-за отсутствия сведений о происхождении в фондах РГАЛИ данного документа невозможно установить, в какой момент он был из состава собрания наследников.

К племяннице И. И. Шувалова, Варваре Николаевне Голицыной, в замужестве Головиной, отошла семейная переписка мецената: письма самой племянницы к дяде³⁶, письма ее матери, П. И. Голицыной, к брату³⁷, а также послания И. И. Шувалова к сестре³⁸. После опалы при дворе императора Александра I В. Н. Головина уехала в Париж. Она увезла и унаследованные бумаги И. И. Шувалова, которые после смерти владелицы перешли к ее дочери – Прасковье Николаевне Головиной, в замужестве графине Фредро. Данный путь документов был установлен на основе комментариев П. И. Бартенева³⁹ и М. П. Погодина⁴⁰, согласно которым по заказу последнего журналист Федор Беляев сделал в Париже несколько копий с упомянутых писем И. И. Шувалова к сестре с разрешения их владелицы – П. Н. Фредро, после чего частично опубликовал их⁴¹. Исходя из этого можно предположить, что и письма к И. И. Шувалову от сестры и племянницы также хранились у наследников по линии последней.

В 1877 году семейная переписка И. И. Шувалова и Голицыных – Головиных была приобретена Императорской публичной библиотекой. Вероятно, данные письма были проданы наследниками П. Н. Фредро после ее смерти перекупщикам автографов. Это предположение основывается на карандашных пометах на письмах, характерных для букинистических или антикварных магазинов XIX века. И уже из коммерческого владения послания были выкуплены Императорской публичной библиотекой.

Помимо внутрисемейной переписки к наследникам по линии В. Н. Головиной перешли и некоторые другие послания от разных лиц к государственному деятелю. В примечании к своей публикации Я. К. Грот указал⁴², что представленные в 1845 году на страницах «Москвитянина»⁴³ послания от Р. И. Воронцова, А. К. Скавронской, И.-Г. Лестока, Н. В. Репнина, И. Г. Чернышева и великого князя Павла Петровича также происходят из архива П. Н. Фредро.

Судьба большинства из обозначенных писем остается невыясненной. Исключение составляют указанные послания от Р. И. Воронцова⁴⁴ и А. К. Скавронской⁴⁵, посвященные внутренней политике Российской империи, обсуждению расстановки сил при дворе накануне кончины импе-

ратрицы Елизаветы Петровны и придворной жизни после отъезда И. И. Шувалова за границу в 1763 году. В настоящий момент они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации⁴⁶, куда в 1920 году в составе собрания документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца поступила коллекция автографов князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, частью которой они и являлись. Однако уточнить, когда именно и от кого – самой П. Н. Фредро или ее наследников – князь получил эти письма, пока что не представляется возможным. Можно лишь предположить, что собрание посланий к И. И. Шувалову, принадлежащее потомкам по линии Голицыных – Головиных, не ограничивалось исключительно теми, что были опубликованы в «Москвитянине»⁴⁷. В уже упомянутой коллекции князя А. Б. Лобанова-Ростовского в ГАРФ также хранятся неопубликованные письма к вельможе от И. И. Воронцова⁴⁸, вероятно, имеющие то же происхождение в фонде, что и обозначенные ранее послания от Р. И. Воронцова и А. К. Скавронской.

Дискуссионным является вопрос, кто из наследников И. И. Шувалова получил письма к нему от многочисленных именитых иностранных корреспондентов. По большей части, зарубежные эпистолярные связи И. И. Шувалова известны исследователям по сборнику копий с писем к нему от его иностранных корреспондентов⁴⁹. Альбом, содержащий дубликаты 96 посланий, был создан секретарем мецената – Маратрэ де Кюсси – и преподнесен им своему благодетелю в 1781 году, о чем свидетельствует дарственная надпись составителя.

Авторов писем, содержащихся в сборнике, теоретически можно разделить на три группы. К первой относятся крупнейшие деятели Просвещения – Вольтер, Ж. Л. Д'Аламбер, К. А. Гельвеций, О. Вальполь, Ж.-Л. Бюффон, Ш.-Ж.-Ф. Эно и др. Вторая группа содержит письма представителей европейского высшего света, с которыми И. И. Шувалов познакомился во время своих странствий по Европе в 1763–1777 годах и продолжил общение после возвращения в Россию. К третьей группе относятся менее известные лица, биографических сведений о которых обнаружить не удалось. Спектр представленных в альбоме тем посланий невероятно широк: от благодарностей за присланные книги до обсуждения политической ситуации во Франции накануне революции.

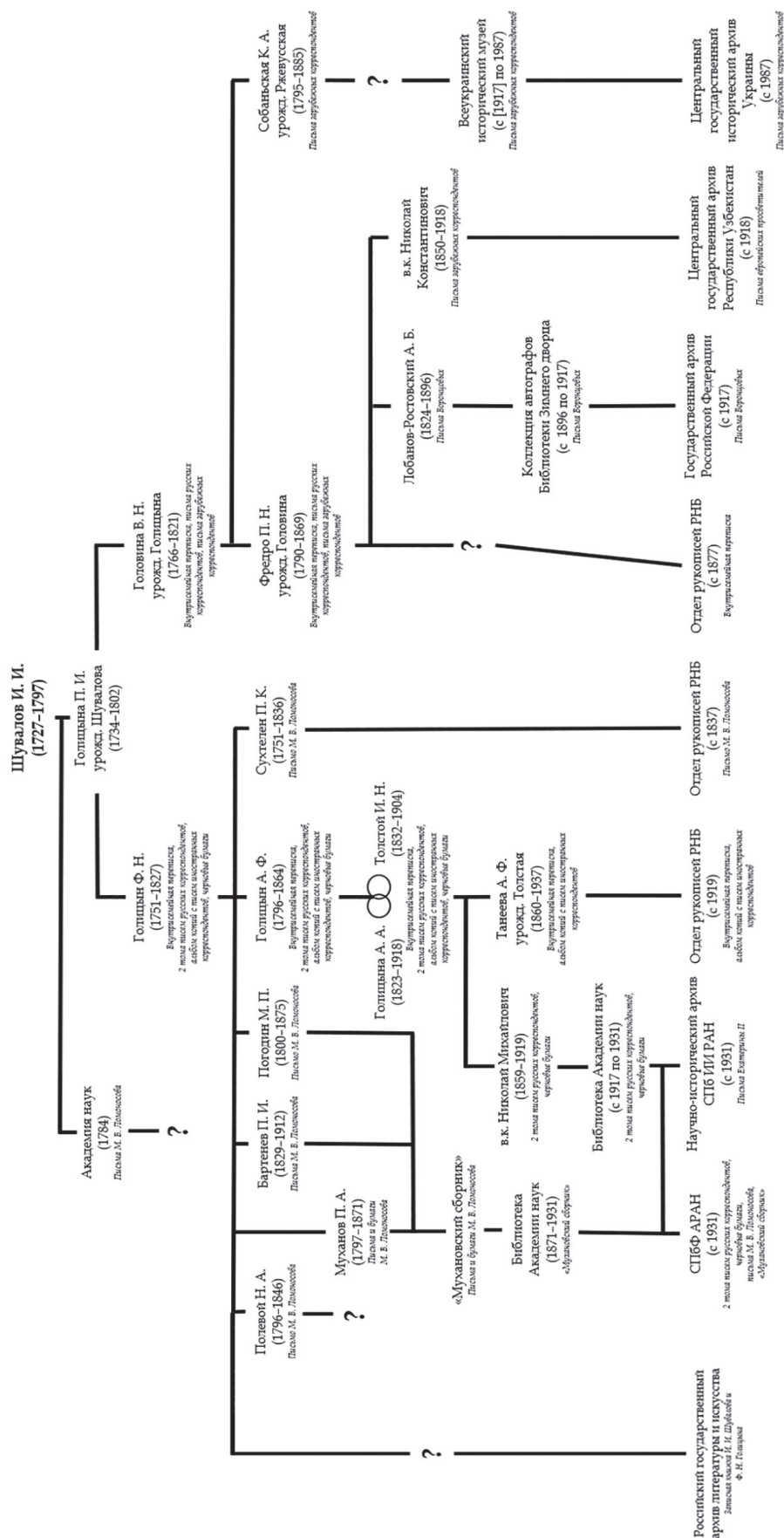

Схема «распределения» архива И. И. Шувалова от единого собрания до нынешних мест хранения

The scheme of “dispersal” of Ivan Shuvalov’s archive from a single collection to current storage locations

По мнению Николая Владимировича Голицына, потомками В. Н. Головиной были унаследованы и этот сборник, и оригиналы писем, копии с которых в нем представлены [1: 262]. Данное предположение исследователь обосновал тем, что в обнаруженной им неизданной рукописной биографии камергера⁵⁰, созданной, вероятно, по заказу П. Н. Фредро и также происходящей из коллекции князя А. Б. Лобанова-Ростовского, приводятся тексты посланий от иностранных корреспондентов как вошедших в альбом де Кюсси, так и не представленных в нем [1: 262]. Однако, ориентируясь на Книги поступлений Отдела рукописей ИРБ/ГРБ⁵¹, в которых указано время приобретения сборника как 1919 год, можно предположить, что он хранился у другой ветви наследников и был передан ими. А именно уже упоминаемой Т. И. Танеевой, которая в том же году передала библиотеке свою часть семейного архива. На это же указывает и соседство номеров поступлений переданных ей материалов рода Голицыных и альбома⁵². В таком случае можно предположить, что наследникам И. И. Шувалова по линии В. Н. Головиной перешли именно оригинальные послания от иностранных корреспондентов. Тем не менее, вероятно, семья Голицыных – Головиных очень быстро утратила эти драгоценные документы. Местонахождение большей их части в настоящее время неизвестно. Лишь некоторые письма удалось обнаружить в частных коллекциях, перешедших на государственное хранение. Ряд писем иностранных корреспондентов И. И. Шувалова был обнаружен Н. В. Голицыным в собрании автографов Каролины Адамовны Ржевусской, в замужестве Собаньской, хранившемся на тот момент во Всеукраинском музее в Киеве [1: 263], а в настоящее время в фонде рода Ржевусских в Центральном государственном историческом архиве Украины⁵³. Еще несколько посланий были найдены в коллекции автографов великого князя Николая Константиновича, перешедшей после революции 1917 года на хранение в Национальный архив Республики Узбекистан⁵⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, из представленного обзора можно сделать ряд выводов.

Во-первых, реконструированная история бытования документов И. И. Шувалова (см. рисунок) позволила составить картину первоначального состава архива камергера, включающего уже известные документы, а также выявленные, еще не введенные в научный оборот материалы.

Во-вторых, прослеженный путь архива отражает сложную социальную природу личного архивного наследия в контексте восприятия истории в XIX веке. С течением времени документы становились все более ценными и востребованными для исследователей и коллекционеров с точки зрения их исторической значимости, что неизбежно приводило к еще большему «раздроблению» и так разделенного между наследниками собрания.

В-третьих, среди закономерностей распределения архивного наследия И. И. Шувалова между наследниками можно выделить: ввиду более близких отношений большая часть документов отошла к Ф. Н. Голицыну, в том числе и немногочисленные черновые документы, касающиеся реформирования сфер образования и государственного управления; наследникам по обеим линиям отошли собственные документы, относящиеся к дяде, в первую очередь их письма к нему. В остальном состав фрагментов архива, разделенного по линиям наследования, мало чем отличается друг от друга.

В-четвертых, установленные на основе реконструкции архива социальные связи И. И. Шувалова, предполагающие как дружеские, так и деловые взаимоотношения с корреспондентами, демонстрируют его глубокую укорененность в самые разные сферы жизни государства: придворная, внутренняя, внешняя политика, военное дело, наука, искусство и культура. Обозначенные документы представляют собой ценные свидетельства и могут служить основой для дальнейших исследований в области изучения культурной и политической истории XVIII века и вклада в них И. И. Шувалова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Максимович М. А. Записки Ильи Федоровича Тимковского. Мое определение в службу. Сказание в трех частях // Русский архив. 1874. Вып. 6. Стлб. 1456.

² Бартенев П. И. Биография И. И. Шувалова. М.: Русская беседа, 1857. С. 61.

³ Голицын Ф. Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. Март. Кн. 2. Отд. 4. С. 97.

⁴ Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: материалы для истории русского образования // Записки императорской Академии наук: Журнал. 1862. Т. 1. Кн. 1. Приложение. С. 1.

- ⁵ Бартенев П. И. Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. Стлб. 65.
- ⁶ Бартенев П. И., Грот Я. К. Граф З. Г. Чернышев в его письмах к И. И. Шувалову // Русский архив. 1907. Кн. 1. № 2. С. 161.
- ⁷ Бартенев П. И. Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. Стлб. 65–96; Он же. Письма Михаила Петровича Бестужева-Рюмина к Ивану Ивановичу Шувалову (1745–1759) // Русский архив. 1863. Вып. 10–11. Стлб. 776–784; Он же. Письма императрицы Екатерины II к И. И. Шувалову // Русский архив. 1867. № 1. Стлб. 98–99; Он же. Письмо князя Н. В. Репнина к обер-камергеру И. И. Шувалову // Русский архив. 1876. Вып. 4. С. 416–417; Бартенев П. И., Грот Я. К. Граф З. Г. Чернышев в его письмах к И. И. Шувалову // Русский архив. 1907. Кн. 1. № 2. С. 161–190; Они же. Еще письма графа З. Г. Чернышева к И. И. Шувалову. Во время Семилетней войны // Русский архив. 1907. Кн. 2. № 6. С. 278–280; Они же. Письма гр. М. Л. Воронцова к И. И. Шувалову // Русский архив. 1864. Вып. 3. Стлб. 266–292; Они же. Письма гр. М. Л. Воронцова к И. И. Шувалову // Русский архив. 1864. Вып. 4. Стлб. 345–395.
- ⁸ Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: материалы для истории русского образования // Записки императорской Академии наук: Журнал. 1862. Т. 1. Кн. 1. Приложение. С. 1–52.
- ⁹ Из бумаг Ивана Ивановича Шувалова // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Печатня В. Головина, 1872. Т. 9. С. 445–521.
- ¹⁰ Далее – СПбФ АРАН.
- ¹¹ СПбФ АРАН. Ф. Р-П. Рукописи трудов и отдельные документы, поступившие из рукописного отделения Библиотеки Академии наук в 1931 г., преимущественно на русском языке (далее – Рукописи из Библиотеки Академии наук). Оп. 1. Ед. хр. 225. Письма П. А. Румянцева, П. С. Салтыкова, В. В. Фермора и С. С. Апраксина к И. И. Шувалову. 97 л.
- ¹² СПбФ АРАН. Ф. Р-П. Рукописи из Библиотеки Академии наук. Оп. 1. Ед. хр. 226. Письма А. П. Бестужева-Рюмина, А. Б. Бутурлина, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. И. Воронцова, И. Г. Чернышева и др. 292 л.
- ¹³ Бартенев П. И. Письма императрицы Екатерины II к И. И. Шувалову // Русский архив. 1867. № 1. Стлб. 98–99.
- ¹⁴ Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 226. Библиотека Академии наук. Оп. 1. Д. 420. Рескрипты императрицы Екатерины II И. И. Шувалову. 8 л.
- ¹⁵ Далее – СПб ИИ РАН.
- ¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. Р-П. Рукописи из Библиотеки Академии наук. Оп. 1. Ед. хр. 227. Черновики писем И. И. Шувалова к Екатерине II, Вольтеру и другие черновые документы. 31 л.
- ¹⁷ Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: материалы для истории русского образования // Записки императорской Академии наук: Журнал. 1862. Т. 1. Кн. 1. Приложение. С. 1.
- ¹⁸ Из бумаг Ивана Ивановича Шувалова // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Печатня В. Головина, 1872. Т. 9. С. 445.
- ¹⁹ Последняя публикация с упоминанием И. Н. Толстого как владельца документов датирована 1907 годом, однако в том же комментарии указано, что документы издавались по спискам Я. К. Грота 1862 года. См.: Бартенев П. И., Грот Я. К. Граф З. Г. Чернышев в его письмах к И. И. Шувалову // Русский архив. 1907. Кн. 1. № 2. С. 161.
- ²⁰ Известия Академии Наук. VI серия. 1917. № 11. С. 754.
- ²¹ ОР РНБ. Ф. 204. Голицын А. Ф. Ед. хр. 20. Голицын Ф. Н. Письма (36) Ивану Ивановичу Шувалову. 61 л.
- ²² До 1917 года – Императорская Публичная библиотека, после – Государственная Публичная библиотека, с 1992 года – Российская национальная библиотека. Далее – РНБ.
- ²³ Книги поступлений Отдела рукописей ИРБ/ГПБ за 1887–1932 гг. 1919 г.
- ²⁴ Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова: с приобщением жизни сочинителя и с приложением многих его нигде еще не напечатанных творений. Часть первая. СПб.: Изданием Императорской Академии наук, 1794. 345 с.
- ²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 20. Ломоносов М. В. Оп. 3. Автографы. Ед. хр. 56. Письма М. В. Ломоносова И. И. Шувалову. 9 л.
- ²⁶ Бычков А. Ф. Собственноручное письмо Ломоносова к И. И. Шувалову // Записки императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 10. Кн. 2. С. 186–187.
- ²⁷ ОР РНБ. Ф. 993. Сухтелен П. К. Оп. XI/2. Карт. 73. Ед. хр. 1284. 2 л.
- ²⁸ Бартенев П. И. Письма Ломоносова к И. И. Шувалову, читанные в Обществе любителей российской словесности, 4-го марта 1859 г. // Воронежская беседа на 1861 г. СПб., 1861. С. 229–235.
- ²⁹ Погодин М. П. Урания: карманная книжка на 1826 г. для любителей и любителей русской словесности / Изданная М. Погодиным. М.: В типографии С. Селивановского, 1826. С. 54–58.
- ³⁰ Письмо Ломоносова // Московский телеграф. 1828. Ч. 22. Август. № 15. С. 397–400.
- ³¹ Письмо Ломоносова к И. И. Шувалову // Московский телеграф. 1825. Т. 1. Ч. 4. С. 76–79; Письмо М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову, март 3, 1760 г. // Зритель общественной жизни, литературы и спорта. 1862. № 28. С. 19–20.
- ³² СПбФ АРАН. Ф. 20. Ломоносов М. В. Оп. 3. Автографы. Ед. хр. 55. Мухановский сборник. 43 л.
- ³³ В ед. хр. 226 – 10–33 и 258–360.

- ³⁴ РГАЛИ. Ф. 1625. Ломоносов М. В. Оп. 2. Ед. хр. 4. М. В. Ломоносов. Строки из трагедии «Тамара и Селим» со схемой метрического деления. В записной книжке И. И. Шувалова. 106 л.
- ³⁵ Далее – РГАЛИ.
- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 875. Шувалов И. И. Ед. хр. 8. Головина В. Н. Письма (8) к Ивану Ивановичу Шувалову. 18 л.
- ³⁷ ОР РНБ. Ф. 875. Шувалов И. И. Ед. хр. 7. Голицына П. И. Письма (41) к брату Ивану Ивановичу Шувалову. 69 л.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф. 875. Шувалов И. И. Ед. хр. 4. Шувалов И. И. Письма (43) сестре Прасковье Ивановне Голицыной (урожд. Шуваловой). 66 л.; Там же. Ед. хр. 5. Шувалов И. И. Письма (39) сестре Прасковье Ивановне Голицыной (урожд. Шуваловой). 63 л.
- ³⁹ Бартенев П. И. Биография И. И. Шувалова. М.: Русская беседа, 1857. С. 53.
- ⁴⁰ Голицын Ф. Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. Март. Кн. 2. Отд. 4. С. 87.
- ⁴¹ Беляев Ф. Н. Письма Ивана Ивановича Шувалова к сестре его родной, княгине Прасковье Ивановне Голицыной, урожденной Шуваловой // Москвитянин. 1845. Ч. 5. № 10. Октябрь. Отд. 1. С. 131–155.
- ⁴² Грот Я. К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И. И. Шувалову: материалы для истории русского образования // Записки императорской Академии наук: Журнал. 1862. Т. 1. Кн. 1. Приложение. С. 2.
- ⁴³ Письма к Ивану Ивановичу Шувалову // Москвитянин. 1845. Ч. VI. № 11. С. 25–36.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Санкт-Петербург (далее – Коллекция библиотеки Зимнего дворца). Оп. 1. Д. 151. Письма графа Р. И. Воронцова к И. И. Шувалову и с обращением Николай Петрович. 4 л.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 728. Коллекция библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Д. 193. Письма графини Анны Карловны Воронцовой (урожд. Скавронской) к И. И. Шувалову. 10 л.
- ⁴⁶ Далее – ГАРФ.
- ⁴⁷ Письма к Ивану Ивановичу Шувалову // Москвитянин. 1845. Ч. VI. № 11. С. 25–36.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 728. Коллекция библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Д. 166. Письма графа И. И. Воронцова к И. И. Шувалову. 5 л.
- ⁴⁹ ОР РНБ. Французские рукописи. Q. IV. 207. «Les consolations de l'absence» (Копии писем к И. И. Шувалову). 100 л.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 728. Коллекция библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Д. 121. Иван Шувалов. «Общественная и частная жизнь в царствование Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II». 152 л.
- ⁵¹ Книги поступлений Отдела рукописей ИРБ/ГПБ за 1887–1932 гг. 1919 г.
- ⁵² Материалы рода Голицыных – № 371–372, альбом де Кюсси – № 373.
- ⁵³ Центральный Государственный исторический архив Украины. Ф. 259. Ржевусские. Оп. 1. Д. 137. Собрание автографов исторических деятелей. 288 л.
- ⁵⁴ Центральный Государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-606. Коллекция автографов и документов, собранных великим князем Николом Константиновичем Романовым. 340 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голицын Н. В. И. И. Шувалов и его иностранные корреспонденты // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 259–342.
2. Костина Т. В. К истории создания Московского университета и Академии художеств. Счетная книга И. И. Шувалова 1755–1761 гг. // Исторический архив. 2022. № 3. С. 150–189.
3. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 757 с.
4. Польской С. В. Проекты И. И. Шувалова и борьба придворных группировок в России в конце 1750 – начале 1760-х гг. // Платоновские чтения: Материалы Всерос. конф. молодых историков. Вып. III. Самара: Самарский университет, 1999. С. 113–122.
5. Философский век: Альманах. СПб., 1998. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727–1797): просвещенная личность в российской истории / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. 351 с.
6. Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды / Сост., автор коммент. С. В. Андриянен; Авт. вступ. ст. С. В. Андриянен, А. Б. Каменский. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 344 с.
7. Alexander J. T. Ivan Shuvalov and Russian court politics, 1749–63 // Literature, lives and legality in Catherine's Russia. Nottingham: Astra Press, 1994. P. 1–14.
8. Rosset F., Triaire D. Six lettres de madame Necker à Ivan Ivanovitch Chouvalov // Dix-huitième Siècle. 1997. № 29. P. 287–302.

Review article

Denis O. Aleshin, Leading Archaeographer, Manuscript Department of the National library of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0009-0005-2725-6182; denis.aleshin.2016@inbox.ru

ARCHIVE OF IVAN SHUVALOV: EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION BASED ON MATERIALS FROM RUSSIAN AND FOREIGN ARCHIVES

Abstract. The article presents the first experience of a multifaceted study of the archive of Ivan Ivanovich Shuvalov, an outstanding statesman and philanthropist. The primary aim is to reconstruct the composition of the personal archive based on extensive bibliographic data, archival research, and the study of the social connections of the chamberlain and their influence on the structure of his documentary collection. The study focuses on the problem of insufficient attention to the origins and history of the extensive archival heritage of the statesman. Within the framework of the research, more than 300 documents related to Ivan Shuvalov's name were analyzed, as well as over 30 of their early publications. The study findings enabled not only to restore the history of the "dispersal" of the chamberlain's archive but also to analyze its content, which opens up new opportunities for further research into the personality of Ivan Shuvalov, as well as into his contributions to Russian culture and politics.

Keywords: eighteenth century, Ivan Shuvalov, Catherine II, Mikhail Lomonosov, personal archive, archive reconstruction

For citation: Aleshin, D. O. Archive of Ivan Shuvalov: experience of reconstruction based on materials from Russian and foreign archives. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1249

REFERENCES

1. Golitsyn, N. V. I. I. Shuvalov and his foreign correspondents. *Literary heritage*. Moscow, 1937. Vol. 29–30. P. 259–342. (In Russ.)
2. Kostina, T. V. On the history of the establishment of Moscow University and the Academy of Arts. I. I. Shuvalov's account book for 1755–1761. *Historical Archives*. 2022;3:150–189. (In Russ.)
3. Kurukin, I. V. The era of the "court storms". Essays on the political history of post-Petrine Russia (1725–1762). St. Petersburg, 2019. 757 p. (In Russ.)
4. Polskoy, S. V. Ivan Shuvalov's projects and the struggle of court alliances in Russia during the late 1750s and early 1760s. *The Platonov Readings. Materials of the All-Russian Conference of Young Historians*. Vol. III. Samara, 1999. P. 113–122. (In Russ.)
5. The philosophical century: Almanac. Vol. 8. Ivan Ivanovich Shuvalov (1727–1797): an enlightened figure of Russian history. (T. V. Artemyeva, Ed.). St. Petersburg, 1998. 351 p. (In Russ.)
6. Shuvalov, P. I., Shuvalov, I. I. Selected works. (S. V. Andriainen, Ed.). Moscow, 2010. 344 p. (In Russ.)
7. Alexander, J. T. Ivan Shuvalov and Russian court politics, 1749–63. *Literature, lives and legality in Catherine's Russia*. Nottingham, 1994. P. 1–14.
8. Rosset, F., Triaire, D. Six lettres de madame Necker à Ivan Ivanovitch Chouvalov. *Dix-Huitième Siècle*. 1997;29:287–302.

Received: 2 April 2025; accepted: 30 September 2025

ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ ГАЗИЗОВ

аспирант, ассистент кафедры истории
Мурманский арктический университет
(Мурманск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0003-1654-4926; slava99.q@mail.ru

КОРПУС СТРЕЛЕЦКИХ ГОЛОВ КОЛЬСКОГО ОСТРОГА В XVII ВЕКЕ

А н н о т а ц и я . В современной историографии большой интерес вызывает проблема организации вооруженных сил Русского государства в допетровский период. Исследователи рассматривают целый комплекс проблем, не только связанных с вопросами исключительно военной истории (численность, вооружение, участие в крупных кампаниях и локальных конфликтах XVII века), но и относящихся к социальной проблематике (порядок комплектования, взаимоотношения военнослужащих с военной и гражданской администрацией, участие в социальных волнениях, ремесленные, торговые и промысловые занятия стрельцов и др.). Последняя группа вопросов находится на стыке таких направлений научного знания, как социальная история и историческая антропология. Актуальность данного исследования обусловлена как отсутствием специальных работ по истории стрелецкого гарнизона Кольского острога, так и той значительной ролью, которую стрелецкие головы играли в управлении гарнизоном, взаимодействии с воеводской администрацией, местным русским и саамским населением уезда. Целью является раскрытие социального и служебного положения стрелецких голов Кольского острога, являвшихся руководителями местного гарнизона. Для осуществления этой цели планируется решение следующих задач: 1) выявление должностных обязанностей голов; 2) раскрытие порядка назначения на должность; 3) установление положения голов в структуре служилого сословия России и их материальное обеспечение; 4) участие голов в управлении гарнизоном, взаимодействие с воеводой Кольского уезда. В результате изучения проблемы удалось установить биографические данные 25 стрелецких голов острога, проследить их военную и административную карьеру, раскрыть материальное положение и размер жалованья, выявить типичные обязанности голов на протяжении XVII века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : стрелецкий голова, стрелецкий гарнизон, Кольский острог, служилые люди, воевода

Д л я ц и т и р о в а н и я : Газизов В. В. Корпус стрелецких голов Кольского острога в XVII веке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 59–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1250

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XVII века в приграничных городах Московского царства наблюдается тенденция увеличения численности военных гарнизонов. В связи с регулярными войнами и набегами крымских татар укрепление границ стало важной задачей для правительства. Эта тенденция не обошла стороной и гарнизон Кольского острога. Так, с конца XVI до первой четверти XVII века он увеличился с 30 до 500 человек в связи с угрозой экспансии Датско-Норвежского и Шведского королевств. В результате численного роста гарнизона в Кольском остроге сформировался полноценный стрелецкий приказ, с конца XVII века – стрелецкий полк. Руководителем этого приказа был стрелецкий голова.

Стрелецкие головы Кольского острога играли важную роль в жизни гарнизона и уезда на про-

тяжении XVII века. В их обязанности входило обеспечение полной численности стрелецкого приказа, режима перемещения в стрелецкой слободе как военнослужащих, так и гражданских, организация поиска беглых стрельцов, руководство стрельцами в военное время, осуществление суда над стрельцами и ответственность за их поступки, защита от притеснений со стороны воеводской власти¹. Кроме того, стрелецкие головы могли исполнять обязанности воевод на период их отсутствия².

В советской историографии вопрос о стрелецких головах раскрыт не полностью. Исследователи рассматривали командный состав и функции голов в военное время [12: 83–93], установили их поименный состав с конца XVII до начала XVIII века [17: 275–276]. Уделялось внимание и смежным вопросам: составу и ста-

тусу, жалованью и обязанностям служилых людей «по отечеству» [23: 76–83]. В современной историографии новым направлением стала просопография командного состава русской армии. В целом ряде работ представлены «коллективные» биографии стрелецких голов XVI–XVII веков [9], [11], [14], [18], [20], [24].

Общая характеристика обязанностей, жалования, социального положения московских стрелецких голов содержится в работах М. Ю. Романова [19: 124–138], [21: 91–102], А. В. Писарева [15]. Однако социальное положение московских стрелецких голов детально не исследовалось, так как авторы акцентировали внимание на их участии в военных кампаниях и социальных потрясениях [2], [3], [15], [19].

На сегодняшний день актуальным направлением исследования стало изучение командного состава городских стрельцов. Социальное положение, роль и деятельность стрелецких голов в жизни локальных обществ раскрыты на примере гарнизонов Центра и Юга России, а также Левобережной Украины³ [1: 372–381], [7], [8], [13], [23]. Стрелецкие гарнизоны городов Русского Севера до сих пор остаются малоизученными. Так, исследователи рассматривали положение стрелецких голов в Вологде [16]. Об отдельных персоналиях находим упоминания в одной из работ по истории Архангельска [10].

Актуальность проблемы исследования определяется, во-первых, отсутствием специальных работ по истории гарнизона Кольского острога, во-вторых, заметной ролью стрелецких голов в управлении не только вверенным стрелецким приказом, но и регионом в целом. Так, во время отсутствия воеводы его должностные обязанности передавались стрелецкому голове. Оба должностных лица совмещали военные и гражданские полномочия. Таким образом, изучение корпуса стрелецких голов является необходимым условием для раскрытия системы управления регионом. В историографии есть только упоминания некоторых стрелецких голов [6: 349], [22: 58].

Источниковой базой исследования являются челобитные стрелецких голов в Новгородский приказ, царские грамоты из Новгородского приказа стрелецким головам, наказы стрелецким головам, которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов в фондах 141 (Приказные дела старых лет) и 159 (Приказные дела новой разборки).

КОРПУС СТРЕЛЕЦКИХ ГОЛОВ

Первый стрелецкий голова появился в Кольском остроге в 1618/19 году в связи с увеличе-

нием стрелецкого гарнизона до 500 человек. До 1618/19 года гарнизон составлял 200 человек. Согласно свидетельству земского старосты Антипа Иевлева: «В прошлом, государь, со 127-го году по твоему государеву... указу прислан в Колской острог голова стрелецкой да три сотника, а с ними ярославских и новоприборных стрельцов триста человек»⁴. Удалось установить, что первым стрелецким головой в Кольском остроге был Иван Ушаков, командующий приказом ярославских стрельцов⁵.

Всего с 1618/19 по 1700 год удалось выявить 25 стрелецких голов. Этот список не является исчерпывающим и содержит лакуны. Фрагментарно сохранились сведения о стрелецких головах для 1620–1660-х годов. Документы, датированные последней третью XVII века, сохранились намного лучше, что позволяет восстановить состав корпуса стрелецких голов. Из выявленного числа только для 13 человек удалось установить факты биографии и материальное положение. К исследованию также были привлечены челобитные претендентов, не получивших назначение на должность головы в остроге. Далее рассмотрим порядок назначения, службу и социальное положение голов Кольского острога.

Во многих городах Центра и Юга России стрелецкие головы подчинялись Разрядному и Стрелецкому приказам, назначавшим на эту должность⁶ [1: 372], [2: 7–10], [8: 62–63]. Для стрелецких голов Кольского острога вышестоящей инстанцией являлся Новгородский приказ, который через кольских воевод ставил военные задачи⁷. В случае необходимости головы подавали челобитные именно в этот приказ. Так, в частности, поступил стрелецкий голова Иван Наполской, просивший повысить ему жалованье⁸.

Если претендент на должность стрелецкого головы был иностранцем или офицером из полка нового строя, Новгородский приказ должен был решать вопрос о его назначении с Иноземским и Рейтарским приказами⁹. Всеми городскими стрелецкими гарнизонами, а именно устройством, снабжением и внутренней жизнью, ведал Стрелецкий приказ, поэтому стрелецкие головы также находились в подчинении этого ведомства¹⁰.

Претенденты на должность стрелецкого головы Кольского острога служили в дворянском ополчении и были людьми пришлыми. Это связано с тем, что в Кольском уезде не было служилых людей «по отечеству», в отличие от других районов страны, где существовала возможность назначения местных дворян на службу. До последней трети XVII века стрелецкие головы на-

значались из числа дворян и детей боярских. В последней трети XVII века это были жильцы (3 из 13 стрелецких голов и 1 претендент, не назначенный на должность)¹¹, а также низшие офицерские чины в полках нового строя (1 «порутчик пехотного салдацкого строя», 1 адъютант рейтарского строя, 1 «прапорщик новгородец копейного строя» и 1 прапорщик рейтарского строя)¹². Часть стрелецких голов начинали свою служебную карьеру с самых низших чинов.

Осип Деревецкой служил рейтаром в Новгородском полку Бежецкой пятины, в 1672/73 году стал копейщиком «с разбору боярина князя Ивана Андреевича Хованского»¹³, а к моменту назначения на должность стрелецкого головы в 1697 году уже был прапорщиком копейного строя¹⁴. Федор Суровцев указан как «жилец, в офицерах, в гусарах, в копейщиках, в рейтарах с 7191 (1682/83) года»¹⁵. Савелий Трескин с 1688/89 года был в рейтарах¹⁶, а к 1700 году уже служил прапорщиком рейтарского строя¹⁷.

На рубеже 1670–1680-х годов, кроме дворян из полков нового строя, стрелецкими головами стали назначаться иноземцы. Это было характерно и для остальных регионов Московского царства. По мнению В. Н. Глазьева, правительство пыталось с помощью иноземцев и офицеров полков нового строя повысить боеспособность городских стрельцов, обучив их солдатскому порядку [8: 65]. Также это связано с тем, что в 1680 году была проведена военно-окружная реформа, заключавшаяся в переводе стрельцов в солдаты, что должно было унифицировать вооруженные силы государства [23: 189]. В связи с этим везде стрелецкие головы переименовывались в модернизированные звания полковников, подполковников и майоров. Хотя эта реформа и затронула Кольский острог, должность стрелецкого головы не была переименована. Однако в челобитной местных жителей стрелецкий голова Осип Деревецкой называется полковым капитаном¹⁸.

В 1683 году стрелецким головой стал иноземец – подполковник Ирик Григорьевич Фанверден¹⁹. Он единственный из известных нам голов носил такой высокий офицерский чин. В 1700 году на должность стрелецкого головы подал челобитную новокрещеный иноземец Иван Дмитриевич Чюмай²⁰.

Сама должность головы в Кольском остроге не считалась престижной, в связи с чем на нее претендовали представители низшего дворянства. Назначение на должность стрелецкого головы рассматривалось как награда за службу:

оно позволяло улучшить материальное положение и сделать военную карьеру. Так, Леонтий Азарьев занимал должность стрелецкого головы в 1646/47 году²¹, а после завершения службы в Кольском остроге в 1650-х годах командовал московским стрелецким приказом, участвовавшим в составе полка боярина и воеводы князя А. Н. Трубецкого в Русско-польской войне [4: 48]. Следующим этапом его карьеры стало пожалование чина московского дворянина [5: 282]. Стрелецкий голова Федор Сверчков, занимавший пост в 1695–1697 годах, в начале XVIII века уже имел чин стряпчего в начальных людях²². Алексей Самарин, голова в Кольском остроге в 1627–1629 годах, в 1631 году служил стрелецким головой в Архангельске²³.

Однако статус стрелецких голов Кольского острога был ниже по сравнению с Югом России или Москвой. Известно, что в Нежине и ряде других городов стрелецкие головы были полковниками, полуполковниками, подполковниками и майорами [1: 372], [8: 65]. Первый стрелецкий голова белгородского приказа К. А. Иевлев был в чине стряпчего [2: 10]. Некоторые стрелецкие головы московских приказов имели чин стольника [21: 98].

Назначение стрелецких голов, как и воевод, происходило либо по инициативе государства, либо по просьбе претендента, подававшего челобитную с указанием своих заслуг. Вторая форма назначения стрелецких голов в Кольский острог была доминирующей.

Как и в случае с воеводством, кандидат на должность стрелецкого головы перечислял в челобитной заслуги не только свои, но и близких родственников: срок службы, пребывание в плену, гибель и ранения, участие в военных кампаниях, материальное положение [8: 63]. Служба в Кольском остроге носила преимущественно мирный характер, поскольку после окончания Смуты здесь не происходило военных конфликтов.

Стрелецких голов, как и воевод, назначали на должность на два года. Со второй половины 1680-х годов сложилась практика назначения стрелецких голов на должность с 1 июня²⁴. Если стрелецкий голова не притеснял стрельцов и должным образом исполнял свои обязанности, местное население могло попросить власти продлить его службу еще на год. Таким примером была служба головы М. Ощерина, занимавшего должность три года (1671/72–1674 годы)²⁵. В 1696 году посадские люди Кольского острога подали челобитную с просьбой оставить стрелецкого голову

Ф. Сверчкова в должности еще на год²⁶. Ф. Суровцев занимал пост стрелецкого головы дважды, в 1674–1676²⁷ и 1685–1687 годах²⁸.

Нередким явлением была практика подачи челобитной на должность стрелецкого головы, а также стрелецкого сотника родственником действующего руководителя гарнизона Кольского острога. Так, известно, что головами и сотниками были братья Ощерины, Чернцовы и Сверчковы. Причем Тимофей и Федор Сверчковы несли службу друг за другом: Тимофей в 1693–1695 годах²⁹, а Федор в 1695–1697 годах³⁰. Это порождало злоупотребления, поскольку один родственник покрывал другого. Результатом этого была, в частности, неполная передача имущества и документации.

Стрелецкие головы могли находиться в должности меньше установленного срока. Это было связано с раскрытием злоупотреблений головы и его последующей отставкой или плохим состоянием здоровья. По неизвестной причине в 1683 году раньше срока вышел в отставку голова Л. Чернцов³¹. Об отставке в челобитной просил И. Фанверден в 1684 году, а Ф. Суровцев оставил должность в 1676 году из-за вызова в Москву для судебного разбирательства³². По причине болезни покинул должность Савелий Трешкин, сообщавший в челобитной, что «ныне лежить болен, и за болезнью стрелцами управлять не может»³³. По указу Новгородского приказа его заменил родной брат Дементий³⁴.

По сведениям челобитных и разборных книг можно установить, через сколько лет службы претенденты становились стрелецкими головами. Так, Д. Ощерин, согласно данным разборной книги пошехонских служилых людей, поступил на службу в 1675/76 году в возрасте 14 лет³⁵. Таким образом, стрелецким головой Колы он стал в 26–27 лет, прослужив к этому времени около 11–12 лет³⁶. От 15 до 20 лет, прежде чем занять должность головы, находились на службе Л. Потресов³⁷ и И. Скорбеев³⁸. О. Деревецкий до 1672/73 года служил рейтаром³⁹, а спустя 25 лет, в 1697 году, оказался на службе в Кольском остроге⁴⁰. Никто из кольских стрелецких голов не занимал эту должность ранее в каких-либо других городах.

Сохранились также сведения о претендентах, которых не выбрали на должность стрелецкого головы. Так, Т. Косоговской прослужил более 10 лет перед тем, как подать челобитную⁴¹, Д. Есипов – 27–28 лет⁴², М. Дедев – 30 лет⁴³. М. Шорыгин ранее занимал должность воеводы в Чернойрской крепости, с которой был по какой-то причине досрочно уволен⁴⁴. Это единственный известный

претендент на должность стрелецкого головы Кольского острога, занимавший столь высокий пост.

Таким образом, претендовавшие на должность стрелецкого головы имели выслугу 10–30 лет. Заметна тенденция назначения на должность за активное участие в военных кампаниях. Так, Д. Ощерин в 1676/77–1678 годах служил под Чигирином, в 1678/79 году – под Киевом, в 1679/80 году – в Путивле, в 1681/82 году – в Казани и бился «с турскими и крымскими людьми, не щадя головы своея»⁴⁵.

Стрелецкий голова Иван Скорбеев в 1689 году во время Крымского похода участвовал в сражении под Перекопом, а также в битве под Чигирином, где получил серьезные увечья: «на боях ранен левая нога, наскрость из лука пострелена, и от той же тяжелой раны у той же ноги у всех палцов по суставу прочь отволилась, да правая нога выше колена копьем пробита»⁴⁶.

Те претенденты, кто не мог похвастаться значительными боевыми заслугами, надеялись на получение должности по выслуге лет. Так, Л. И. Потресов нес службу в течение 20 лет: «был в Курске, и в Карпове [в] сторожевье». О его участии в военных кампаниях ничего не известно⁴⁷. Никаких личных заслуг не называл в челобитной и М. Дедев, ссылаясь только на тридцатилетнюю службу⁴⁸.

Таким образом, стрелецкие головы и претенденты 1670–1690-х годов были участниками Русско-польской войны, а также военных действий на территории Юга Московского царства (Русско-турецкой войны 1672–1681 годов, Крымских походов, Азовских походов).

Кроме личных, при назначении на должность стрелецкого головы учитывались заслуги, пленение или гибель родственников претендента. У стрелецкого головы Л. Потресова отец служил Василию Шуйскому, трижды участвовал в обороне Москвы, а также в разгроме движения Ивана Болотникова под Калугой и Тулой⁴⁹. Богатым был послужной список родственников Федора Суровцева: его отец погиб в ходе Русско-польской войны при осаде крепости Дубровны в 1654 году, брат участвовал в битве под Чудновым в 1660 году, после чего оказался в крымском плену на 20 лет⁵⁰.

Родственники большинства стрелецких голов Колы 1670–1690-х годов были участниками Русско-польской войны 1654–1667 годов, многие из них получили тяжелые ранения или погибли. Так, стрелецкий голова Д. Ощерин указывал, что его отец 13 лет находился в польском плену,

а также участвовал в боевых действиях против сил Степана Разина, где получил ранение⁵¹. Родной дядя Ощерина был убит и «изсечен в мелкие части» в битве у села Губари в 1660 году⁵². Отец стрелецкого головы Ивана Скорбеева получил серьезное ранение в правую руку под Конотопом в 1659 году, после чего скончался. Брат Ивана в этой же битве попал в плен⁵³. И если заслуги одних родственников возвеличивались, то о службе других в челобитных умалчивалось. У того же Ощерина брат Богдан нес службу в Кольском остроге стрелецким сотником⁵⁴, однако об этом он в своей челобитной даже не упомянул.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРЕЛЕЦКИХ ГОЛОВ

Обратимся к вопросу материального положения стрелецких голов. По данным А. В. Чернова, стрелецкие головы Московского царства имели поместный оклад в среднем 300–500 четвертей [23: 83]. Эта оценка справедлива и для стрелецких голов Кольского острога. Так, стрелецкий голова И. Наполской имел поместный оклад в 400 четвертей, в реальности владея помещьем в 120 четвертей, на котором стояли два крестьянских и два бобыльских двора⁵⁵. Материальное положение стрелецкого головы Осипа Деревецкого было следующим. Он был верстан на службу в 1672/73 году с поместным окладом в 350 четвертей, в дополнение к которому имел крестьянский двор в Рязанском уезде, доставшийся ему от отца⁵⁶. Кроме того, он получал жалованье за службу копейщиком в размере 6 руб.⁵⁷ Отцовское поместье было получено стрелецким головой Д. Ощериным, записанным на службу в 1677 году: оно было разбросано в разных местах Белосельского стана Пошехонского уезда⁵⁸.

Более высоким был поместный оклад стрелецких голов Москвы и Юга России. Так, стрелецкий голова Ельца Ф. И. Тюнин владел помещьем в 620 четвертей, на котором стояло 25 крестьянских и восемь бобыльских дворов [8: 63]. Московский стрелецкий голова Ф. П. Нарышкин поступил на службу в чине жильца с поместным окладом в 820 четвертей [21: 96]. Ни один из кольских стрелецких голов не мог похвастаться таким поместным обеспечением.

Нередко стрелецкие головы жаловались на упадок собственного хозяйства, вызванный продолжительным отсутствием дома и участием в военных походах. Так, Ф. Суровцев, дважды занимавший должность головы, жаловался в 1685 году: «Я, холоп ваш, ныне волею Божию разорился, погорел без остатку, не осталось

ни кола, скитаюсь меж двор, помираю голодною смертью»⁵⁹. В бедственном положении оказался и И. Скорбеев, сообщавший в 1691 году в челобитной: «Я, холоп ваш, будучи на ваших, великих государей, службах, людишками обмер, и лошадка опал, и великими долгами одолжал»⁶⁰.

Незавидное материальное положение было и у претендентов на должность стрелецкого головы, чья просьба не была удовлетворена. Так, Мокей Дедев имел небольшое поместье в Новгородском уезде, с которого ему было «питатца» нечем, потому что «от тех твоих, великого государя, служеб одолжал великим долгом и оскудал болшею скудостью»⁶¹. Служба рассматривалась как компенсация материального неблагополучия, понесенного в результате многолетней службы и участия в военных походах.

Поместный оклад стрелецких голов был далеко не единственным источником их доходов. За службу они получали от государства денежное жалованье. В отличие от рядовых стрельцов, они не могли рассчитывать на хлебное жалованье. В первой половине XVII века стрелецкие головы Кольского острога получали годовое денежное жалованье 25 руб.⁶² Его размер был ниже, чем у стрелецких голов других городов. Так, стрелецкие головы Вологды, Архангельска и Холмогор получали 30 руб. в год⁶³, а также 30 четей ржи и 30 четей овса⁶⁴. К сожалению, информации о выплате денежного и хлебного жалованья стрелецким головам Кольского острога во второй половине XVII века у нас нет.

Низкий размер жалованья стрелецких голов Кольского острога мог быть обусловлен отсутствием регулярных военных конфликтов на Севере. Напротив, в стрелецких гарнизонах Юга страны (в частности, в Нежине), где существовала постоянная военная опасность, размер жалованья был достаточно высок, колеблясь от 30 до 180 руб. в год [1: 378–380]. Головы столичного гарнизона получали до 200 руб. годового жалованья [21: 95].

ВЫВОДЫ

Подведем итоги нашего исследования. В Кольском остроге стрелецкие головы занимали высокое положение, являясь по важности вторыми людьми после воеводы. Это было обусловлено отсутствием в регионе служилых людей «по отечеству», способных составить им конкуренцию.

Перед занятием должности будущие головы уже имели за плечами немалый стаж военной и административной службы, насчитывавший от 10 до 30 лет. Нередко они являлись участника-

ми крупных военных кампаний второй половины XVII века: войн Русско-польской 1654–1667 годов и Русско-турецкой 1672–1681 годов, Крымских походов 1687–1689 годов. Это касалось не только самих голов, но и их ближайших родственников (отцов, братьев), некоторые из них в этих войнах получали тяжелые ранения и гибли. Именно военные заслуги открывали служилым людям перспективы получить должность стрелецкого головы в Коле.

Стрелецкие головы были небогаты. Неудивительно, что назначение на должность воспринималось ими не только как заслуженная награда, но и возможность поправить свое положение. Эта служба могла оказаться ступенью в последующей военной и административной карьере, что сулило увеличение жалованья и поместного оклада.

Как правило, срок службы для голов составлял два года. Случаи его продления были нечастыми. Причиной преждевременной отставки головы могли стать его злоупотребления и состояние здоровья.

По царскому указу 1700 года «в Колском остроге у стрелцов головам быть не велено»⁶⁵. Гарнизон переходил в ведение воевод, а последний стрелецкий голова Дементий Трескин был отослан из Колы в Москву. Одной из причин упразднения должности стало сокращение стрелецкого гарнизона с 500 до 300 человек⁶⁶. Однако от резкого сокращения численности гарнизона отказались ввиду начавшейся Северной войны и вызванной ею опасности нападения неприятеля на Русский Север⁶⁷. Несмотря на это, должность стрелецкого головы восстановлена не была.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 999. Л. 6–33.
- ² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Кольский острог. Д. 1. Л. 1 об.
- ³ Горбачев В. И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30–40-х гг. XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2012. С. 57–69.
- ⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. Д. 63. Л. 91.
- ⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 91–92.
- ⁶ Горбачев В. И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов... С. 67–68.
- ⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 236.
- ⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 31. Л. 267.
- ⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700 г. Д. 118. Л. 1.
- ¹⁰ Горбачев В. И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов... С. 67–68.
- ¹¹ Жилец – служилый чин в Московском царстве в XVII веке, в который входили лучшие дворяне и дети боярские, поочередно присылавшиеся из всех городов на три года в Москву для охраны особы государя и несения некоторых придворных служб. РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 102, 105; Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=13313 (дата обращения 09.08.2025).
- ¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 104; Ф. 141. Оп. 7. 1691 г. Д. 3. Л. 1; Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 37. Л. 109.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
- ¹⁵ Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система...
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 876. Л. 125.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 1909. Л. 2.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700 г. Д. 118. Л. 3.
- ²¹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 15056. Л. 9 об.
- ²² Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система...
- ²³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. Д. 5. Л. 1–4.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 437.
- ²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 69–70.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1696. Д. 688.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 289. Л. 69; Д. 573. Л. 111.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1102. Л. 105–107.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 7. 1695 г. Д. 48. Л. 1–2.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4626. Л. 1.
- ³¹ Там же. Д. 1909. Л. 2.
- ³² Там же. Д. 573. Л. 111–112.
- ³³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700 г. Д. 118. Л. 2.
- ³⁴ Там же.

- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 29. Л. 172.
³⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 104.
³⁷ Там же. Д. 999. Л. 5.
³⁸ Там же. Д. 1102. Л. 600.
³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 37. Л. 109.
⁴⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
⁴¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 289. Л. 67.
⁴² Там же. Оп. 1. Д. 1102. Л. 231.
⁴³ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 68.
⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1102. Л. 435.
⁴⁵ Там же. Л. 104.
⁴⁶ Там же. Л. 600.
⁴⁷ Там же. Д. 999. Л. 5.
⁴⁸ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 68.
⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 999. Л. 5.
⁵⁰ Там же. Д. 1102. Л. 228.
⁵¹ Там же. Л. 104.
⁵² Там же.
⁵³ Там же. Л. 600.
⁵⁴ Стрелецким сотником Богдан Ощерин служил в 1670-х годах. В 1684 году он был утвержден на должность стрелецкого головы, однако по пути в Кольский острог скончался. РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 473. Л. 105.
⁵⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 31. Л. 267.
⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Д. 37. Л. 109.
⁵⁷ Там же.
⁵⁸ Там же. Л. 171 об.
⁵⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1102. Л. 228.
⁶⁰ Там же. Л. 600.
⁶¹ Там же. Оп. 3. Д. 289. Л. 68.
⁶² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Новгород. Д. 16. Л. 692; Ф. 137. Оп. 1м. Новгород. Д. 18. Л. 1352; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. С. 131.
⁶³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1м. Архангельск. Д. 3. Л. 136–136 об.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1701 г. Д. 37. Л. 2.
⁶⁶ Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 35.
⁶⁷ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазов А. С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мещанами и духовенством в 1659–1708 гг. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 552 с.
2. Ахметов Р. Б., Бабулин И. Б. Белгородский приказ московских стрельцов в 1658–1680 гг. Очерк полковой истории // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VII. С. 1–59 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babylin (дата обращения 28.07.2025).
3. Бабулин И. Б. Московские стрельцы: боевой путь приказа Василия Пушечникова // Армии и битвы. 2005. № 4. С. 10–18.
4. Бабулин И. Б. Смоленский поход и битва при Шепелевичих 1654 года. М.: Русские витязи, 2018. 227 с.
5. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 463 с.
6. Волков В. В. Войны и войска Московского государства. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. 571 с.
7. Глазьев В. Н. Военная повседневность Южного российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20, вып. 10. С. 71–78.
8. Глазьев В. Н. «Стрелецкие головы» в городах южного приграничья в XVII в. // История: факты и символы. 2020. № 1 (22). С. 61–68.
9. Глазьев В. В. Стрельцы и их начальники в XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I: Статьи. Вып. II. С. 188–202 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2013/03/28/glaziev> (дата обращения 26.07.2025).

10. Гостев И. В. Стрелецкие знамена в фондах Архангельского краеведческого музея // Краеведческий музей в XXI веке. Традиции и новации: Сб. докл. науч.-практ. конф. 22–23 ноября 2017 г. Архангельск: Лит.-изд. центр «Лоция», 2018. С. 69–88.
11. Малов А. В. Головы и сотники московских стрельцов при отражении вторжения войск королевича Владислава в 1617–1618 гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятое чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к междунар. науч. конф., Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 615–623.
12. Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII в. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 27, вып. 2: Труды кафедры истории СССР. М., 1953. С. 63–95.
13. Молочников А. М. Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. 3. С. 321–369 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov> (дата обращения 26.07.2025).
14. Пенской В. В. «Центурионы» Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М.: Центрполиграф, 2021. 320 с.
15. Писарев А. В. Московские стрельцы второй половины XVII – начала XVIII века. «Из самопалов стрелять ловки». М.: Эксмо, 2021. 240 с.
16. Пугач И. В. Вологодский гарнизон в XVII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков: Сб. ст. в честь Елены Николаевны Швейковской. М.: Новый хронограф, 2021. С. 249–268.
17. Рабинович М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1956. № 58. С. 273–305.
18. Романов М. Ю. Командный состав стрелецкого гарнизона Москвы в период возрождения страны после Смуты (1613–1628) // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. 9. С. 123–168.
19. Романов М. Ю. Москва стрелецкая. М.: НО «ИЦ «Московведение», 2012. 280 с.
20. Романов М. Ю. «Список стрелецких голов и сотников» как источник по истории Смуты в России начала XVII века // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. 7. С. 265–290.
21. Романов М. Ю. Стрельцы московские. М., 2004. 350 с.
22. Ушаков И. Ф. Избранные произведения. Т. 3: Кольская старина. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1998. 486 с.
23. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
24. Шокарев С. Ю. Стрелецкие головы в социально-политической борьбе конца XVI – начала XVII века // Смутное время: итоги и уроки: Сб. материалов второй Всерос. науч. конф. Иваново – Кохма – Шуя, 20–22 апреля 2012 г. Иваново, 2012. С. 402–413.
25. Davies B. L. State power and community in early modern Russia: the case of Kozlov, 1635–1649. Basingstoke, Hants; New York, Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

Поступила в редакцию 13.10.2025; принята к публикации 03.11.2025

Original article

Vyacheslav V. Gazizov, Postgraduate Student, Teaching Assistant, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0003-1654-4926; slava99.q@mail.ru

CORPS OF THE STRELTSY HEADS AT THE KOLA FORTRESS IN THE XVII CENTURY

Abstract. In contemporary historiography, the organization of the Russian state's armed forces during the pre-Petrine period remains a subject of significant interest. Researchers examine a broad range of issues that extend beyond military history (such as personnel numbers, armaments, and participation in major campaigns and local conflicts of the XVII century), while also addressing social aspects (including recruitment procedures, relations between military personnel and civil and military administrations, involvement in social unrest, and the craft, trade, and fishing activities of the *streltsy*). The latter group of topics intersects with fields like social history and cultural anthropology. This research is particularly relevant due to the scarcity of dedicated studies on the history of the *streltsy* garrison at the Kola Fortress (*Kola Ostrog*), as well as the crucial role played by the *streltsy* heads in managing the garrison and engaging with the administration of the *voevoda* (warlord), as well as with the local Russian and Sami populations of the *uyezd*. The aim of this study is to explore the social and official status of the *streltsy* heads at the Kola Fortress, who served as the commanders of the local garrison. To achieve this, the research addresses the following objectives: 1) to identify the responsibilities and duties of the *streltsy* heads; 2) to examine the appointment process; 3) to determine their position within the Russian service class hierarchy and assess their financial support; and 4) to analyze their role in garrison management and interactions with the *voevoda* of the Kola *Uyezd*. As a result of this investigation, biographical data on 25 *streltsy* heads were collected, their military and administrative careers traced, and their financial situations and salaries analyzed. Additionally, the study highlighted the typical duties of the *streltsy* heads throughout the XVII century.

Key words: streltsy head, streltsy garrison, Kola Fortress, service men, voevoda, warlord

For citation: Gazizov, V. V. Corps of the streltsy heads at the Kola Fortress in the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):59–67. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1250

REFERENCES

1. Almazov, A. S. The Nezhyn garrison of “military men” and its relations with the Ukrainian Cossacks, bourgeois, and clergy in 1659–1708. Moscow; St. Petersburg, 2021. 552 p. (In Russ.)
2. Akhmetov, R. B., Babulin, I. B. Belgorod Department (prikaz) of the streltsy of Moscow 1658–1680, the history of the regiment. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2015;VII:1–59. Available at: http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babulin (accessed 28.07.2025). (In Russ.)
3. Babulin, I. B. The Moscow streltsy: military career of the regiment commanded by Vasilii Pushechnikov. *Armii i bitvy*. 2005;4:10–18. (In Russ.)
4. Babulin, I. B. The Smolensk Campaign and the Battle of Shepeleviche in 1654. Moscow, 2018. 227 p. (In Russ.)
5. Belousov, M. R. The Boyar lists of 1645–1667 as historical sources. Vol. 2. Kazan, 2009. 463 p. (In Russ.)
6. Volkov, V. V. Wars and armies of the Muscovite Tsardom. Moscow, 2004. 571 p. (In Russ.)
7. Glazyevev, V. N. Military daily routine of south Russian frontier XVII century. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015;20(10):71–78. (In Russ.)
8. Glazyevev, V. N. The “streltsy heads” in the cities of the southern borderlands in the XVII century. *History: Facts and Symbols*. 2020;1(22):61–68. (In Russ.)
9. Glazyevev, V. V. The streltsy and their commanders in the XVI century. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2013. Special issue. I. Russian army in the era of Tsar Ivan IV the Terrible: Materials of the scholarly discussion commemorating the 455th anniversary of the beginning of the Livonian War. Part I: Articles. Issue II. P. 188–202. Available at: <http://www.milhist.info/2013/03/28/glaziev> (accessed 26.07.2025). (In Russ.)
10. Gostev, I. V. The streltsy banners in the collections of the Arkhangelsk Local History Museum. *Local history museums in the XXI century. Traditions and innovations: Proceedings of the scientific and practical conference (22–23 November 2017)*. Arkhangelsk, 2018. P. 69–88. (In Russ.)
11. Malov, A. V. Warlords and hundreders of the Moscow streltsy in repelling the invasion of the Polish Crown Prince Ladislaus in 1617–1618. *Rus, Russia: The Middle Ages and the modern period*. Issue 5: The Fifth Readings Commemorating the RAS Academician L. V. Milov: Proceedings of the international research conference (Moscow, 9–10 November 2017). Moscow, 2017. P. 615–623. (In Russ.)
12. Margolin, S. L. On the organization and social composition of the streltsy army in the XVII century. *Scientific notes of Moscow Region Pedagogical Institute*. Vol. 27, Issue 2: Proceedings of the Department of the USSR History. Moscow, 1953. P. 63–95. (In Russ.)
13. Molochnikov, A. M. The Smolensk streltsy regiments and their commanders during the Time of Troubles. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2012;3:321–369. Available at: <http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov> (accessed 26.07.2025). (In Russ.)
14. Penskoj, V. V. The “centurions” of Ivan the Terrible. Warlords and heads of the Moscow army during the second half of the XVI century. Moscow, 2021. 320 p. (In Russ.)
15. Pisarev, A. V. The Moscow streltsy during the second half of the XVII century and the early XVIII century. “They shoot their firearms masterfully”. Moscow, 2021. 240 p. (In Russ.)
16. Pugach, I. V. The Vologda garrison in the XVII century. *Traditional and innovative approaches to studying Russian social history of the XII–XX centuries: Collection of articles commemorating Elena Nikolaevna Shveykovskaya*. Moscow, 2021. P. 249–268. (In Russ.)
17. Rabinovich, M. D. The streltsy in the first quarter of the XVIII century. *Istoricheskie zapiski*. 1956;58:273–305. (In Russ.)
18. Romanov, M. Yu. The streltsy commanding cadres of the Moscow garrison in the aftermath of the “Time of Troubles” (1613–1628). *History of Military Art: Researches and Sources*. 2017;9:123–168. (In Russ.)
19. Romanov, M. Yu. Moscow of the streltsy. Moscow, 2012. 280 p. (In Russ.)
20. Romanov, M. Yu. “The List of the Streltsy Heads and Hundreders” as a source for studying the history of the Time of Troubles in Russia. *History of Military Art: Researches and Sources*. 2015;7:265–290. (In Russ.)
21. Romanov, M. Yu. The Moscow streltsy. Moscow, 2004. 350 p. (In Russ.)
22. Ushakov, I. F. Selected works. Vol. 3: Kola antiquity. Murmansk, 1998. 486 p. (In Russ.)
23. Chernov, A. V. The armed forces of the Russian state between the XV and XVII centuries. Moscow, 1954. 224 p. (In Russ.)
24. Shokarev, S. Yu. The streltsy heads in the socio-political struggle of the late XVI and early XVII centuries. *The Time of Troubles: results and lessons: Proceedings of the second all-Russian conference (Ivanovo – Kokhma – Shuya, 20–22 April 2012)*. Ivanovo, 2012. P. 402–413. (In Russ.)
25. Davies, B. L. State power and community in early modern Russia: the case of Kozlov, 1635–1649. Basingstoke; New York, 2004. 308 p.

Received: 13 October 2025; accepted: 3 November 2025

ЕКАТЕРИНА САФАЕВНА КАДЕРОВА

преподаватель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0006-5408-9495; kaderoва.katerina@yandex.ru

ОЛОНЕЦКАЯ ВЕТВЬ ГОРНЫХ ОФИЦЕРОВ ЧЕБАЕВСКИХ

А н н о т а ц и я . Исследуется история олонецкой ветви династии Чебаевских – выдающихся представителей горнозаводского дела России XIX века. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к процессам становления и развития промышленности Российской империи. Методологическая новизна исследования заключается в применении биографического метода к изучению сословной группы российских горных офицеров через историю одной семьи. Материалом для статьи послужили формулярные списки из фонда Олонцкого горного правления, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия, а также дела фонда Горного института императрицы Екатерины II из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Их изучение позволило проанализировать служебную деятельность и вклад членов семьи в развитие горной промышленности. Особое внимание уделено Прокопию Гавриловичу Чебаевскому: его педагогической работе в Горном кадетском корпусе, управленческой деятельности на Олонцких заводах, а также его сыновьям, продолжившим семейную традицию службы в горном ведомстве. Исследование демонстрирует, как государственная политика Российской империи в сфере горного дела способствовала формированию профессиональных династий, предоставляя им льготы, доступ к образованию и возможности карьерного роста. Статья вносит вклад в изучение региональной истории, социальных процессов и профессиональных сообществ дореволюционной России.

Ключевые слова: Чебаевские, горные офицеры, Олонцкие заводы, горнозаводская промышленность, династии, Нерчинские заводы, Прокопий Чебаевский

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена на основе исследования, проведенного в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством Республики Карелия (соглашение № КГРК-24/11-24).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кадрова Е. С. Олонцкая ветвь горных офицеров Чебаевских // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 68–73. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1251

ВВЕДЕНИЕ

Просопографические исследования, сопряженные с анализом коллективных биографий горных офицеров российских заводов в разные исторические периоды, являются одной из перспективных тем изучения становления и развития промышленности Российской империи. В поле зрения исследователей находятся численность горных офицеров, их образование, карьерный путь, социальное происхождение, этноконфессиональный состав служащих и другие аспекты жизни этой сословной группы, отраженные в послужных (формулярных) списках. Изучение данной проблематики относительно горных офицеров Олонцких заводов, занимавших особую роль не только в российской металлургической отрасли, но и в социуме, позволяет лучше

понять жизненный мир и мотивацию горнозаводской профессиональной общности (корпорации).

Цель данного исследования – изучение биографии олонецкой ветви династии горнозаводских чиновников Чебаевских, чьи судьбы являются уникальным материалом для анализа общих тенденций, характеризующих группу российских горных офицеров XIX века.

Методологическая новизна исследования обусловлена применением биографического метода к изучению сословия горных офицеров Российской империи. Конкретизация исторического материала через историю одной семьи позволяет исследовать внутреннюю структуру и динамику данного сословия, обогащая традиционные исторические нарративы новыми фактическими данными.

Исследование подготовлено на основании формулярных списков служащих Олонецкого горного правления, находящихся на хранении в Национальном архиве Республики Карелия¹ [2]. Теоретической основой исследования стали труды по истории горнозаводской деятельности в Олонецком крае [3], [4], а также статьи и сборники документов о горных офицерах Российской империи [1], [7], [9], [12], [13].

* * *

Основоположник олонечкой династии Чебаевских Прокопий родился в 1777 году и был старшим сыном в семье Гаврила Алексеевича Чебаевского (1743–1820). Отец Прокопия служил на Нерчинских заводах, а мать, Прасковья Егоровна, была дочерью местного лекаря Егора Павловича Томилова (1712–1780)². Глава семейства начинал горную службу учеником плавильного цеха, затем работал в лаборатории³. Благодаря трудолюбию и упорству он поднялся по служебной лестнице, сделал неплохую карьеру из мастерового до гиттенфервалтера⁴. В семье Гаврила было четыре сына, доживших до зрелого возраста: Прокопий (1777–1840), Иван (1785–?), Евгений (1790–1874) и Семен (1793–?). Все они по настоянию отца выбрали горнозаводскую службу, но только двое стали членами правления горных округов, в том числе Прокопий.

В возрасте 12 лет Прокопий Гаврилович поступил на Нерчинские заводы маркшейдерским учеником и был направлен для обучения в Санкт-Петербургское горное училище (реорганизовано в Горный кадетский корпус в 1804 году), откуда в 1796 году выпущен шихтмейстером 13-го класса⁵. В 1797–1808 годах он служил на разных должностях в Алтайском горном округе. Продолжительное время Чебаевский был смотрителем ведомственных рудников, управляющим главной лабораторией свинцово-серебряного Кутомарского завода, а также «занимался закупкой лошадей в Братской степи»⁶. Прожив в Нерчинском заводе около четырех лет, в 1813 году Прокопий Гаврилович был отправлен в г. Санкт-Петербург сопровождающим каравана серебра. По распоряжению министра финансов Д. А. Гурьева (1758–1825) за успешное исполнение возложенной ответственности по доставлению ценного груза был определен в Горный кадетский корпус учителем металлургического дела и пробирского мастерства, а через год произведен в обергиттенфервалтеры 8-го класса⁷ [6]. Период его преподавательской деятельности пришелся на годы перемен в учебной жизни кадетов под руководством А. Ф. Дерябина (1770–1820), позднее

подхваченных директором Е. И. Мечниковым (1770–1836).

Проблемы с несовершенством рабочих инструментов в XIX веке способствовали тому, что в 1818 году П. Г. Чебаевский обратился с рационализаторским предложением по производству карандашей, использовавшихся студентами по классу черчения и рисования⁸. Прокопий Гаврилович занимал должность преподавателя около десяти лет, в течение которых под его руководством образование получали потомки олонечких горных офицеров Иван и Федор Фелькнеры, Николай и Константин Бутеневы, Гавриил Дейхман, Федор Солодовников, Андрей Шушерин. Впоследствии они станут выдающимися деятелями горного дела и руководителями крупных промышленных предприятий Российской империи [6], [7], [12].

Знания и умения П. Г. Чебаевского были успешно применены в медальерном искусстве, в 1817 году Департаментом горных и соляных дел он получил денежное вознаграждение 1500 рублей «за существенный вклад в сбережение средств при бронзировке крестов, положенных для Департамента духовенства в память о 1812 годе»⁹.

В годы педагогической деятельности Прокопий Гаврилович был направлен обследовать территории Центральной России на наличие ценных горных пород. Так, в сентябре 1820 года он проводил ревизию новых рудников в Осташковском уезде Тверской губернии¹⁰.

Широкий кругозор и безупречная репутация позволили П. Г. Чебаевскому в 1821 году в возрасте 44 лет занять должность второго члена правления Олонецких заводов¹¹ при начальнике производств Александре Андреевиче Фуллоне (1764–1844). Спустя 10 лет службы на Олонецких заводах он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за 35 лет «беспорочной службы», а также получил бронзовую медаль в память об Отечественной войне 1812 года¹². Кроме исполнения обязанностей в правлении, он занимался разрешением судебных споров [5: 39, 43], а также способствовал сбору средств на возведение Александро-Невского собора в Петрозаводске¹³.

В 1833 году Прокопий Гаврилович был произведен в берг-гауптманы 6-го класса¹⁴ и назначен старшим членом правления Олонецких заводов. В это же время его брат Евгений становится начальником Екатеринбургских горных заводов, почетным смотрителем Екатеринбургского горного училища. Более подробно с биографией Е. Г. Чебаевского можно ознакомиться в статье его потомков А. В. и Г. В. Мясниковых [10].

Семья Прокопия Гавриловича состояла из жены Натальи Ивановны, сыновей Ивана (1810–1865) и Федора (1822–?), а также четырех дочерей. В формулярном списке Чебаевского за 1837 год указано, что старший сын несет службу на Олонецких заводах, сведения о втором сыне отсутствуют. С середины 1830-х годов информация о Федоре в метрических книгах, исповедных росписях церквей Петрозаводска, а также в адрес-календарях и памятных книжках Олонецкой губернии в изучаемый период не обнаружена. По всей видимости, он покинул Петрозаводск и устраивал свою жизнь за пределами губернии. За 1846 год встретилась запись о некоем Федоре Чебаевском (без указания отчества), студенте юридического факультета по камеральным наукам Санкт-Петербургского университета¹⁵.

До кончины Прокопия Гавриловича в 1840 году совместная служба отца и старшего сына продолжалась на Олонецких заводах. В 1826 году Иван в возрасте 17 лет поступил на службу в чине маркшейдера 2-й категории (чин IX класса) в чертежное отделение к составлению планов¹⁶. В графе «образование» в формулярном списке Ивана Прокопьевича за 1836–1837 год указано, что «ни в каких казенных заведениях не воспитывался, российской грамоте читать и писать умеет, имеет сведения в геометрии, механике, архитектуре и горнозаводском деле»¹⁷.

Иван Прокопьевич находился на домашнем обучении под присмотром отца, обладавшего обширными знаниями в педагогике и металлургическом деле, служившего в единственном специализированном горном учебном заведении Российской империи. В воспоминаниях современников и в работах исследователей присутствует мнение о том, что, хоть в Петрозаводске и существовала губернская гимназия, качество образования в ней оставляло желать лучшего¹⁸. Суровый северный край, скромное финансирование и непонятные перспективы в развитии губернии заставляли сомневаться в целесообразности содержания гимназии, что сказывалось на учебном процессе.

Компетентность в горнозаводском деле Иван Прокопьевич продемонстрировал начальству, занимая в 1836–1843 годах сверх основной вакансии должность контролера железных руд для Александровского завода¹⁹. Профессиональные приемщики обладали глубокими знаниями о свойствах различных типов руд и умели распознавать малейшие отклонения от нормы, их деятельность включала проверку содержания феррума, примесей и других характеристик, влияющих на процесс плавки [12: 135–136].

После ухода Романа Адамовича Армстронга (1790–1865) с поста руководителя Олонецких горных заводов в 1843 году, следующим начальником, Николаем Федоровичем Бутеневым (1803–1871), была проведена ревизия казны. Оказалось, что за годы правления предшественника была накоплена приличная сумма, которую члены правления решили направить для сбережения в банк. Так, в июле 1844 года Ивану Прокопьевичу было доверено сопровождать из казны Олонецкого горного завода в Коммерческий банк, находившийся в г. Санкт-Петербурге, сто тысяч рублей серебром «для приращения процентов»²⁰.

В течение первых десяти лет своей службы Иван Прокопьевич занимался мелкими починками и перестройками на подведомственных заводах [8: 142–143]. В 1836 году молодому Чебаевскому доверили разработать план и руководить постройкой здания горнозаводского училища Александровского завода, которое было успешно открыто спустя два года [8: 358]. Умение качественно и в сжатые сроки выполнить работу способствовало тому, что с 1840 года Иван Прокопьевич исполнял должность архитектора Олонецких заводов. В 1845–1850 годах по его проекту был построен госпиталь для мастеровых и служащих в Петрозаводске, отвечавший всем достижениям благоустройства [8: 217]. В середине XIX века в г. Петрозаводске остро встал жилищный вопрос, который должен был разрешить архитектор Чебаевский, его задействовали в восстановлении приобретенных заводом домов разорившихся горожан, строительстве казарм и жилищ для мастеровых и служащих [8: 209–236]. Помимо устройства гражданской инфраструктуры для Александровского завода Иван Прокопьевич успевал исполнять частные заказы на строительство для петрозаводских купцов и чиновников. Сложно назвать работы автора шедеврами зодчества, однако примером мастерства Чебаевского можно рассматривать беседку-колодец в мавританском стиле в Марциальных водах, возведенную к приезду императора Александра II в 1858 году.

В 1854 году Олонецкая духовная консистория поручила Чебаевскому, обладающему успешным опытом осуществления проектов гражданского строительства, проведение ремонтных работ Александро-Невского собора²¹, а в 1860 году по наказу горного начальника Николая Александровича Фелькнера (1817–1878) [11: 297] им разрабатывался проект храма в Кончезерском приходе [8: 229]. Заслуги И. П. Чебаевского перед Олонецким горным правлением были отмечены знаком отличия за 35 лет беспорочной службы, орденами

Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 4-й степени, а также памятной медалью светлой бронзы на Владимирской ленте «В память войны 1853–1856 годов».

Тяжелые условия труда на открытом воздухе, большое количество заказов и служба без отдыха повлияли на здоровье Ивана Прокопьевича, с 1841 года он начинает ежегодно брать летние отпуска для улучшения здоровья. В мае 1863 года Иван Прокопьевич воспользовался правом на шестимесячный отпуск, однако впоследствии не возобновлял свою служебную деятельность. Все его заказы перешли на исполнение к помощникам: архитектору А. И. Шевякову и механику М. И. Маркову²². Спустя три года Чебаевский скончался в возрасте 54 лет в чине подполковника со званием механика и архитектора Олонецких заводов. За тридцать лет брака с Анной Илларьевой, дочерью обер-бергмейстера 7-го класса Иллария Петровича Судьбина, детей завести им не удалось. Так, на Иване Прокопьевиче завершилась династия олонецких горных инженеров Чебаевских.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семья Чебаевских служит наглядным свидетельством социальной мобильности в Российской империи XIX века. Всего за одно поколение выходец из мастеровых мог добиться значительных успехов, став потомственным дворянином и получив соответствующие привилегии. Этот процесс наглядно демонстрирует возможности вертикальной мобильности, существовавшие в российском обществе XIX века, которые позволяли талантливым и трудолюбивым людям подняться по социальной лестнице и обрести высокий общественный статус.

Заключение браков представителями горных офицеров преимущественно с дочерьми сослуживцев, в том числе членами рода Чебаевских, объясняется двумя основными факторами: ограниченностью круга общения внутри сословной группы и незначительным числом потенциальных невест в небольших заводских поселениях. Изучение социально-правового положения женщин из семей горных офицеров представляет значительную сложность ввиду недостатка документальных материалов.

Получение обер-офицерского чина горным служащим наделяло семью рядом существенных преимуществ, одним из которых было право на бесплатное обучение детей, финансируемое горным ведомством, этой привилегией воспользовался Гаврил Алексеевич Чебаевский. Подобные государственные инициативы

способствовали формированию профессиональных династий в рамках горного ведомства, поскольку получение специализированного образования позволяло потомкам продолжить карьеру родителей, что к середине XIX века в итоге привело к формированию закрытой горнозаводской корпорации.

Продвижение по карьерной лестнице служащих горных заводов основывалось главным образом на продолжительности службы, а не на особых заслугах и успехах в профессиональной деятельности. Регулярное прохождение установленных сроков выслуги являлось необходимым условием для повышения в должности. Вместе с тем отдельные выдающиеся достижения служащих поощрялись посредством денежных вознаграждений, которые признавались дополнительной мерой стимулирования работников, проявивших инициативу и профессионализм в выполнении своих обязанностей.

Отдельным способом выражения признательности за вклад в развитие промышленности Российской империи являлись специальные знаки отличия, вручавшиеся по достижении определенного срока службы. Эти награды, предоставляемые по выслуге лет, не только отмечали верность долгу и долголетнюю приверженность своему делу, но и обеспечивали гарантии пенсионного содержания после выхода в отставку, тем самым подчеркивая важность многолетнего труда для развития отечественной горной индустрии. Хотя горные офицеры не принимали участия в военных кампаниях, их профессиональная деятельность и поддержка бесперебойной работы заводов отмечались особыми государственными наградами, подчеркивая значимость вклада горного офицера в экономику и оборону страны.

Анализ истории семьи Чебаевских позволяет выявить характерные черты формирования и эволюции сословия горных офицеров в Российской империи. Через судьбу отдельных представителей этого рода раскрываются ключевые особенности профессионального сообщества: наследование профессий, тесные внутрисемейные и корпоративные связи, практика заключения брачных союзов внутри сословия, а также роль государственных институтов в обеспечении социальных гарантий и продвижения по службе. Исследование семейной хроники Чебаевских становится важным источником сведений о специфике образа жизни, профессиональном пути и социокультурных аспектах существования горного офицерства в имперской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 37. Оп. 1. Д. 53/551 (1836–1837 гг.). Л. 57 об.–58., 115 об.–116; Д. 65/675 (1846–1847 гг.). Л. 61 об.–62; Д. 76/1022 (1853–1854 гг.). Л. 31 об.–35.
- ² Семейное древо Томиловых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://familio.org/persons/0f3751b9-bc8c-43ff-a755-a381f35bb1af> (дата обращения 11.03.2025).
- ³ Семейное древо Чебаевских. Гаврила Алексеевич Чебаевский (1744–1820) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://familio.org/persons/0f3751b9-bc8c-43ff-a755-a381f35bb1af> (дата обращения 11.03.2025).
- ⁴ Гиттенфервалтер – чин XII класса по «Табели о рангах», равный поручику.
- ⁵ Шихтмейстер 13 класса – чин по «Табели о рангах», равный подпоручику.
- ⁶ НА РК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 53/551 (1836–1837 гг.). Л. 57 об.–58.
- ⁷ Обер-гиттенфервалтер 8-го класса – чин по «Табели о рангах», равный майору.
- ⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 963. Оп. 1. Д. 3240. Л. 1.
- ⁹ НА РК. Ф. 37. Оп. 5. Д. 249/2544. Л. 24 об.–26.
- ¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 3637 (1821 г.). Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 2–4.
- ¹² НА РК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 53/551 (1836–1837 гг.). Л. 57 об.–58.
- ¹³ Там же. Оп. 8. Д. 84/ 815 а. Л. 15–15 об.
- ¹⁴ Берг-гауптман 60-го класса – чин по «Табели о рангах», равный полковнику.
- ¹⁵ Воронов А. С. Историческо-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. СПб., 1854. С. 518; Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка. СПб., 1870. С. 617. В именном указателе к описи фонда Петроградской губернской ученой архивной комиссии (1912–1918), находящегося на хранении в ЦГИА СПб, имеются краткие сведения о Федоре Прокофьевиче (указано так, как в описи) Чебаевском – студенте юридического факультета Санкт-Петербургского университета.
- ¹⁶ НА РК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 53/551 (1836–1837 гг.). Л. 115 об.–116.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Калинина Е. А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX века. М., 2017. С. 200–201.
- ¹⁹ НА РК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 65/675 (1846–1847 гг.). Л. 61 об.–62.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ НА РК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 76/1017 (1853–1854 гг.). Л. 4, 5.
- ²² Там же. Д. 81/1192 (1847–1848 гг.). Л. 139 об.–141, 141 об.–143.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтайские горные офицеры XVIII–XIX вв.: Сб. документов / Управление архивного дела Алтайского края; Сост.: Л. И. Ермакова (отв. сост.) и др.; Ред. коллегия: А. В. Контев (науч. ред.) и др. Барнаул: Азбука, 2006. 496 с.
2. Аршакин М. А. Формулярные списки служащих и рабочих Алтайского (горного) округа XIX – начала XX в.: источники и методы изучения // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4 (64). С. 11–14.
3. Балагуров Я. А. Олонекские горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. 210 с.
4. Балагуров Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии (1861–1917). Петрозаводск, 1968. 215 с.
5. Васина Т. А. «Весьма многие из мастеровых предаются безмерному пьянству...» Военное судопроизводство на уральских оборонных заводах в дореформенный период XIX столетия // Военно-исторический журнал. 2018. № 8. С. 39–43.
6. Горное образование: Горный Кадетский корпус – Горный институт // История горного дела: персональный сайт А. Грибанова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mininghist.ru/ucheba.htm> (дата обращения 11.03.2025).
7. Заблочкий Е. М. Горное профессиональное сообщество дореволюционной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rusmin.narod.ru/D23.html> (дата обращения 15.03.2025).
8. Ициксон Е. Е. История архитектуры Петрозаводска: 1903–1917. Петрозаводск: Версо, 2024. 364 с.
9. Кадрова Е. С. Обучение горных офицеров Олонекских заводов в первой половине XIX в. // StudArctic forum. 2024. Т. 9, № 4. С. 33–41.
10. Мясников А. В., Мясникова Г. В. Евгений Чебаевский – исследователь Сибирских недр // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. 2023. № 2 (5). С. 15–21.
11. Новиков И. А. Горнозаводская династия Фелькнер в XVIII – начале XX вв. // Восьмые Татищевские чтения: Материалы региональной науч. конф. (Екатеринбург, 27–28 мая 2010 года). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2010. С. 293–298.
12. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск, 2007. 306 с.
13. Сергиевский И. А. Зарождение отечественного института военной приемки на горных заводах России в начале XIX века // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 3. С. 128–138. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.12

Поступила в редакцию 14.04.2025; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Ekaterina S. Kaderova, Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0006-5408-9495; kaderova.katerina@yandex.ru

THE OLONETS BRANCH OF THE CHEBAEVSKY DYNASTY OF MINING OFFICERS

Abstract. This article examines the history of the Olonets branch of the Chebaevsky dynasty, who were prominent figures in the Russian mining industry during the XIX century. The topic is relevant due to the growing interest in the formation and development of industry in the Russian Empire. The study's methodological novelty lies in employing the biographical method to analyze the social group of Russian mining officers by examining the history of one family. The article is based on personnel records from the Olonets Mining Administration archive kept at the National Archives of the Republic of Karelia and files from the Empress Catherine II Mining Institute archive kept at the Central State Historical Archives of St. Petersburg. Analyzing these documents has enabled us to examine the professional activities and contributions of the family members to the development of mining industry. Particular attention is paid to Prokopy Chebaevsky, focusing on his work as a pedagogue at the Mining Cadet Corps, his managerial activities at the Olonets plants, and the role of his sons who continued the family tradition of serving in the mining department. The study demonstrates how state policy in the Russian Empire's mining sector contributed to the formation of professional dynasties by providing them with privileges, access to education, and career opportunities. This article makes a valuable contribution to the study of regional history, social processes, and professional communities in pre-revolutionary Russia.

Key words: Chebaevsky dynasty, mining officers, Olonets plants, mining industry, dynasties, Nerchinsk plants, Prokopy Chebaevsky

Acknowledgements. The article draws upon the research conducted as part of the Research and Development Support Program for Students and Postgraduates of Petrozavodsk State University funded by the government of the Republic of Karelia (Agreement No KGRC-24/11-24).

For citation: Kaderova, E. S. The Olonets branch of the Chebaevsky dynasty of mining officers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):68–73. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1251

REFERENCES

1. Altai mountain officers of the XVIII–XIX centuries: Collection of documents. (A. V. Kontev, Ed.). Barnaul, 2006. 496 p. (In Russ.)
2. Arshakyan, M. A. Records of office and industrial workers of Altai mining district in the XIXth the beginning of the XXth centuries: sources and methods of studying. *Izvestiya Altai State University*. 2009;4(64):11–14. (In Russ.)
3. Balagurov, Ya. A. Olonets mining plants during the pre-reform period. Petrozavodsk, 1958. 210 p. (In Russ.)
4. Balagurov, Ya. A. Factory workers in pre-revolutionary Karelia (1861–1917). Petrozavodsk, 1968. 215 p. (In Russ.)
5. Vasin, T. A. “Very many craftsmen are giving themselves up to immense drunkenness...” Military legal proceedings at Ural defence factories in pre-reform period of XIX century. *Military Historical Journal*. 2018;8(700):39–43. (In Russ.)
6. Mining education: Mining Cadet Corps – Mining Institute. The History of Mining Industry: personal website of Alexander Griбанov. Available at: <https://mininghist.ru/ucheba.htm> (accessed 05.03.2025). (In Russ.)
7. Zablotsky, E. M. Professional mining community of pre-revolutionary Russia. Available at: <https://russmin.narod.ru/D23.html> (accessed 15.03.2025). (In Russ.)
8. Itzikson, E. E. The history of Petrozavodsk architecture: 1903–1917. Petrozavodsk, 2024. 364 p. (In Russ.)
9. Kaderova, E. S. Education of mining officers of Olonets factories in the first half of the 19th century. *StudArctic Forum*. 2024;4(36):33–41. (In Russ.)
10. Myasnikov, A. V., Myasnikova, G. V. Evgeny Chebaevsky – researcher of the Siberian subsoil. *Notes of the Transbaikalian Branch of the Russian Historical Society*. 2023;2(5):15–21. (In Russ.)
11. Novikov, I. A. The Felkner mining dynasty from the XVIII to the early XX centuries. *The VIII Tatishchev Readings: Proceedings of the regional research conference (Yekaterinburg, 27–28 May 2010)*. Yekaterinburg, 2010. P. 293–298. (In Russ.)
12. Pashkov, A. M. Local history of mining factories in Karelia from the late XVIII to the early XX century. Petrozavodsk, 2007. 306 p. (In Russ.)
13. Sergievsky, I. A. The origin of the national institute of military acceptance at the Russian mines in the early XIX century. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*. 2018;3:128–138. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.12 (In Russ.)

Received: 14 April 2025; accepted: 30 September 2025

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАЛЮЧЕНКО

аспирант Института истории

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3863-0895; dimetv1997@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ СССР В НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ (на примере Балтийского флота)

А н н о т а ц и я . В основе определения функций любого органа власти лежит корпус нормативно-правовых актов как общегосударственного значения, так и локального уровня. Историографическая ситуация такова, что в поле зрения исследователей крайне редко попадала военная юстиция вообще и ее функционирование в начале 1930-х годов в частности. Научной проблемой является вопрос влияния внутриведомственной нормативной базы на практическую деятельность советской военной прокуратуры. Посредством анализа комплекса циркулярных документов, сформированного к началу 1930-х годов и определявшего характер оперативной работы следователей военной прокуратуры, на примере Морских сил Балтийского моря изучены этапы формирования особой системы учета дел об аварийности на флоте как признака их политической важности. Правоприменительный аспект рассмотрен на данных из двух архивных уголовных дел об авариях в бригаде подводного плавания Балтфлота. По результатам исследования делается вывод о роли и месте органов военной юстиции в жизни армии и флота Советского государства, их неспособности вмешиваться в действия военного командования на уровне округа, а также настраиваемом характере практической деятельности военной прокуратуры.

Ключевые слова: военная прокуратура, следственная практика, подводный флот, аварийность РККА, Балтийский флот

Для цитирования: Малюченко Д. А. Особенности следственной работы военной прокуратуры СССР в начале 1930-х годов (на примере Балтийского флота) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1252

ВВЕДЕНИЕ

К началу 1930-х годов в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и Рабоче-крестьянском Красном флоте (РККФ) была создана система следственных органов, в юрисдикции которых находилась борьба с правонарушениями, совершенными военными служащими. Система включала в себя два независимых друг от друга звена. Первым из них являлись военные прокуратуры на уровне военных округов и морей (флотов), а также прокуратуры нижестоящих войсковых подразделений. Вторым звеном были армейские чекистские органы – особые отделы ОГПУ – при тех же военных формированиях. Наличие двух ведомств, в составе которых находились следователи, было обусловлено во многом схожими задачами их функционирования, правда, при наличии зачастую весьма условного разграничения: на военные прокуратуры, среди прочего, возлагалось расследование преимущественно общеуголовных и воинских преступлений, на особые отделы – государственных преступле-

ний, в том числе контрреволюционного, антисоветского и антиправительственного характера.

Целью настоящего исследования является выявление отличительных особенностей следственной работы военной прокуратуры Морских сил Балтийского моря (МСБМ), в основу которого положен анализ двух расследований, находившихся в разработке военных юристов флота в 1931 году. Источниковая база представлена главным образом материалами, хранящимися в Российском государственном архиве военно-морского флота (РГАВМФ). Документальную основу исследования составили материалы следственных дел, а также переписка военной прокуратуры МСБМ с военным командованием флота и вышестоящими органами, отложившиеся в фонде Р-1570 «Военная прокуратура Краснознаменного Балтийского флота (1922–1941 гг.)». Более подробно выяснить обстоятельства происшествий, приведших к началу следствия военных юристов, позволили данные из донесений политического управления флота в адрес

командования МСБМ из фонда Р-92 «Штаб Краснознаменного Балтийского флота г. Кронштадт (1917–1935 гг.)» и Р-307 «Командование Краснознаменным Балтийским флотом (1918–1935 гг.)». Служебные характеристики фигурантов изучаемых следственных дел и факт наступления в их отношении конкретных правовых последствий были установлены на основании материалов фондов Р-107 «Подводные силы Краснознаменного Балтийского флота» и Р-174 «Военный трибунал Краснознаменного Балтийского флота (1919–1940 гг.)». Описать положение военной прокуратуры в системе органов, имевших следственные функции, позволило обращение к соответствующей аналитической справке прокуратуры Верховного суда (ВС) СССР, хранящейся в фонде 9 «Политическое управление РККА» Российского государственного военного архива (РГВА).

Изучение роли и места органов военной юстиции нашло отражение в сравнительно немалом количестве трудов отечественной историографии, однако качественный состав вышедшей литературы имеет определенные особенности. Во-первых, в настоящее время подобные исследования сконцентрированы на характерных чертах следственной работы военной прокуратуры в период массовых операций НКВД, то есть Большого террора 1937–1938 годов [2], [5], [10]. В таком случае предшествующие ему годы часто обозначаются как время, когда «контрреволюционных преступлений <...> совершалось не так и много» [5: 177]. Во-вторых, наблюдается главенство историко-правовых подходов к изучению системы военной юстиции, то есть с точки зрения развития советского законодательства в сталинский период, а не правоприменительной практики. Наиболее ценными в данном отношении являются исследования, нацеленные на выявление и анализ корпуса нормативно-правовых актов, формирующих репрессивный механизм [3], [6], [7], [8]. Наличие исследований по этим двум аспектам способно лишь в некоторой степени удовлетворить целям понимания места органов военной юстиции в 1930-е годы и всей полноты картины явно не отражают.

ОСНОВНЫЕ И ОСОБЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ В СССР

Содержание деятельности органов военной юстиции в рассматриваемый период было определено Положением о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 года, согласно которому военные прокуроры находились в непосредственном подчинении старшего помощника прокурора Верховного суда СССР по Военной коллегии и военной прокуратуре. Документом определя-

лось, что на военную прокуратуру среди прочего возлагалось: осуществление общего надзора за законностью действий всех должностных лиц и учреждений РККА; осуществление всех функций прокурорского надзора по делам, подсудным военным трибуналам; надзор за всеми органами следствия и дознания, действующими в Красной армии, в том числе за особыми отделами ОГПУ¹.

Говоря подробнее о функции прокурорского надзора, важно отметить, что по Положению 1926 года военным трибуналам были подсудны не только дела о совершении воинских, но и государственных преступлений, если таковые были совершены военными служащими и угрожали крепости Красной армии и флота, состоянию дисциплины личного состава. В действительности уже к началу 1930-х годов четко оформилась тенденция постепенной передачи политически мотивированных следственных дел для последующего рассмотрения во внесудебном порядке специально созданными для этого структурами органов госбезопасности. По оценке самой Центральной военной прокуратуры они составляли около 2/3 от общего числа дел по преступлениям контрреволюционной направленности².

В рамках определенных законом полномочий в судебной сфере военная прокуратура имела право требовать от трибуналов в порядке судебного надзора предоставления материалов рассматриваемого дела, а также запрашивать необходимые сведения от всех учреждений и должностных лиц, приводящих в исполнение приговоры военных судов³. Главной задачей военной юстиции, таким образом, было обеспечение принципа законности в РККА, включая соблюдение прав военнослужащих в их отношениях с органами власти, военным командованием и в ситуации, когда красноармеец находился под следствием. Правда, в рассматриваемый период смысл правового термина «законность» носил четко выраженный «революционный» характер, иначе говоря, отражал классовый подход в защите государственного строя, а не личности [6: 98]. Фактически это означало, что результаты любого следствия формировались не только на основании соответствия нормам уголовного законодательства, но и с учетом реализовавшейся государственной политики и характерной для начала 1930-х годов «революционной» целесообразности.

Примечательно, что в армии и на флоте активной деятельности военной юстиции придавалось и другое значение, весьма утилитарного свойства – повышение дисциплины военнослужащих. В руководящих материалах военной прокуратуры МСБМ подчеркивалось:

«В основу работы должно быть положено поддержание авторитета командира части, общая совместная с командованием, политорганами и парторганизациями борьба за дисциплину в части»⁴.

В качестве реализации данного положения военная прокуратура в начале 1931 года начала практиковать составление дважды в месяц информационных сводок и обзоров преступности и антиморальных проявлений личного состава МСБМ⁵. Согласно спискам отправок, копии обзоров направлялись в Реввоенсовет флота, политотделы частей и Особый отдел ОГПУ МСБМ, что формировало довольно масштабный механизм широкого информирования всех командно-административных и следственных структур военного флота.

Важно подчеркнуть, что приоритеты в текущей деятельности военной прокуратуры определялись соответствующими директивами и циркулярами Центральной военной прокуратуры РККА и Военной коллегии Верховного суда СССР. Одним из показателей повышенного внимания к отдельным видам преступлений можно считать введение особого порядка их учета и информирования о них вышестоящих органов. В условиях существования тоталитарного политического режима в центре внимания находились дела о контрреволюционных преступлениях. Согласно руководящим документам военной прокуратуры, в Наркомат юстиции должны были направляться приговоры по политическим делам и обвинительные заключения прокуроров по ним, а в случае, если мера наказания была определена как смертная казнь, высылке подлежало все следственное дело⁶. Наряду с этим можно выделить некоторые другие виды преступлений, вызывавших повышенное внимание и рассматривавшихся как содержащие политическую составляющую. Для начала 1930-х годов одним из таковых является аварийность в Военно-воздушных силах (ВВС). Установлено, что в 1930 году был издан ряд директивных указаний относительно сбора и передачи сведений об авариях в ВВС. Так, в связи с ростом числа катастроф в ВВС РККА органам военной юстиции надлежало усилить меры социальной защиты по делам об авариях военных самолетов, разбирать такие дела в самые короткие сроки и по возможности включать в состав суда временных членов из летного состава⁷. В августе 1930 года Верховный суд СССР затребовал у военных трибуналов на местах копии всех приговоров по преступлениям в ВВС, которые проходили через военные суды с 1 октября 1929 года, устанавливалась обязательная отправка приговоров по таким делам в Военную коллегия Верховного

суда⁸. Позднее распоряжения были дополнены, вводился порядок подачи в сжатом виде данных по всем судебным разбирательствам, связанным с ВВС РККА. Такую информацию надлежало отражать в присылаемых в Военную коллегия ежемесячных ведомостях по рассмотренным органами военной юстиции делам. Военные трибуналы должны были отправлять также краткие данные о преступлениях, связанных с порчей технических средств («небрежное хранение, порча, хищение и о преступлениях с жертвами, явившихся следствием небрежного обращения с оружием, нераспорядительности при учении и т. п.») по всем обслуживаемым частям⁹.

Сведений, показывающих формирование аналогичного механизма учета и рассмотрения следственных дел в отношении всех аварий техники в армии и на флоте вообще, в настоящее время не обнаружено. Однако косвенным доказательством существования особого внимания и к иным проявлениям аварийности являются как минимум два заметных следствия о причинах происшествий с подводными лодками (п/л) МСБМ. Во многом этому способствовала сложившаяся ситуация: в бригаде подводного плавания Балтфлота в период с 1931 по 1934 год произошло семь крупных аварий [4: 46–64], причем три из них – в 1931 году. На данный момент установлено, что наиболее активные действия военной прокуратуры флота вызвали две из них, по совпадению случившиеся с одним и тем же кораблем.

«КРАСНОАРМЕЕЦ» И «РАБОЧИЙ»

В ночь с 21 на 22 мая 1931 года, в 3 часа 23 минуты, во время учений в акватории Финского залива прошло столкновение п/л № 4 «Красноармеец» и п/л № 9 «Рабочий». Авария привела к тяжелым последствиям: лодка № 9 затонула, погибло 45 человек экипажа¹⁰. Следствие установило, что авария произошла из-за нарушения элементарных правил судовождения. По плану учений подразумевалось, что лодки должны были следовать друг за другом на дистанции не менее 2 кабельтовых, однако на протяжении всего учебного похода она не соблюдалась¹¹. В решающий момент вахтенный начальник, штурман п/л № 4 Иван Валентинович Тимонов заметил опасное сближение двух военных кораблей и попытался предпринять действия по изменению курса своего судна. Однако на руле п/л № 4 оказался краснофлотец Валентин Васильевич Ершов, обладавший малым опытом реального судовождения и по незнанию реальной обстановки слишком медленно исполнявший команды¹². Во время ночной вахты командир лодки Анато-

лий Дмитриевич Атавин и комиссар Василий Никанорович Толкачев спали¹³. После случившегося столкновения командой гибнущей п/л № 9 был подан семафорный сигнал бедствия, однако сигнальщик п/л № 4 не смог его сразу правильно принять. Только спустя 12 минут после столкновения на «Красноармейце» распознали сигнал SOS п/л № 9¹⁴. Спустя всего 32 минуты после столкновения, в 3 часа 55 минут, гибнущая лодка окончательно затонула.

Командиром погибшей п/л «Рабочий» был Николай Александрович Царевский, незадолго до указанных событий проходивший аттестацию. Наряду с массой положительных характеристик как знающего специалиста и талантливого моряка, у Царевского были отмечены два главных недостатка: во-первых, слабое здоровье и подверженность заболеваниям среднего уха, в период обострения которых происходит снижение восприимчивости слуха, во-вторых, выявленная во время предыдущих учений особенность судовой посадки, когда командир лодки допускал слишком поздний поворот на боевой курс и проводил атаки по мишени с близкого расстояния¹⁵. Несмотря на выявленную склонность к риску, за месяц с лишним до аварии, 16 апреля 1931 года, комиссия решила оставить Царевского на занимаемой должности¹⁶. Безусловно, рискованность в действиях командира «Рабочего» сыграла роль в усугублении аварии на лодке: как позднее установило следствие, он сознательно допустил погружение протараненной лодки на подводный грунт, рассчитывая на дне справиться с пробойной собственными силами [9: 9].

Причин возникновения аварийной ситуации и ее трагического разрешения несколько. В числе таковых – общая ситуация с ходом исполнения плана боевой подготовки в учебную кампанию 1931 года. Проводимые учебные плавания подводных лодок в Финском заливе стали первыми крупными тренировочными походами за весьма продолжительное время [9: 3]. В свою очередь, вынужденная высокая скорость комплектования команд кораблей в бригаде подплава неизменно приводила к тому, что на ответственных постах находились военнотружущие без достаточного практического опыта. Например, штурман протаранившей соседний корабль п/л № 4 Тимонов 22 мая находился на корабле только третий день, поскольку ранее проходил подготовку в штурманских классах как офицер надводного корабля [9: 6].

Еще одним фактором катастрофы в Финском заливе стали действия командования «Красноармейца» в аварийной ситуации. Только в 4 часа 25 минут, спустя час после аварии и полчаса после затопления «Рабочего», Атавин отправляет

в штаб бригады подводного плавания МСБМ первую телеграмму с просьбой о помощи аварийной п/л № 9, сообщив при этом неверные координаты места происшествия. Более того, командование корабля не предприняло никаких действий по оперативному выходу на связь с п/л № 3 и № 8, находившимися в том же районе по плану учений. Спустя некоторое время п/л № 4 была вынуждена покинуть район бедствия в связи с начавшимся штормом. В 17 часов 21 минуту 22 мая от нее поступила шифровка, что лодка возвращается в район аварии и просит выслать на подмогу эсминцев. Свою лепту в слишком позднюю реакцию ближайших к месту аварии кораблей внесли и недостатки в организации службы на других кораблях. Известно, что на вспомогательном судне «Смольный», где находился штаб учений, ночную телеграмму об аварии смогли получить только в 10 часов 5 минут из-за проблем с радиосвязью¹⁷. Однако следователи военной прокуратуры сосредоточились на злом умысле командования п/л № 4: по их версии, действия были продиктованы сознательным скрыванием от вышестоящего командования истинных причин случившегося, и решение об этом было принято на коротком совещании Атавина и Толкачева, случившемся вскоре после столкновения¹⁸.

По следственному делу проходило пять человек с «Красноармейца»: командир лодки А. Д. Атавин, военком В. Н. Толкачев, штурман И. В. Тимонов, рулевой В. В. Ершов и сигнальщик П. В. Сазонов. Вменяемый состав преступления каждого из подсудимых и степень вины были различными. Согласно обвинительному заключению военной прокуратуры МСБМ, командир Атавин не признал вины в сокрытии причин аварии, однако согласился с обвинением в плохой организации службы вахтенной команды п/л № 4¹⁹. Военком Толкачев и штурман Тимонов свою вину в нераспорядительности по оказанию помощи терпящей бедствие п/л № 9 и сокрытии обстоятельств произошедшего полностью признали²⁰. Также согласился с выдвинутыми обвинениями (медленное и нечеткое исполнение приказаний штурмана) рулевой Ершов²¹. Последний обвиняемый, сигнальщик Сазонов, был единственным, кто отрицал свою ответственность в случившемся: с его слов, опасное сближение лодок заметил штурман и начал отрабатывать необходимые действия, а после столкновения проблема с принятием семафора с гибнущей лодки была связана с «дальним расстоянием, темнотой и большой волной»²². Всем инкриминировалось совершение преступления, предусмотренного пунктом «б» ст. 193-17

УК РСФСР (злоупотребление властью или халатное отношение к службе лиц начальствующего состава Красной армии при наличии отягчающих обстоятельств) с максимальной санкцией – высшая мера наказания²³. В данном случае вызывает интерес и то обстоятельство, что норма уголовного права, предусматривавшая наступление ответственности для начсостава, была применена к рулевому и сигнальщику: вероятно, ввиду тяжести наступивших последствий правонарушения.

Дело было передано Военной коллегии Верховного суда СССР, выездная сессия которого состоялась 15 июня 1931 года. Сторону обвинения представлял помощник прокурора ВС СССР в Военной коллегии и военной прокуратуре Л. М. Суббоцкий. Суд приговорил Атавина, Толкачева и Тимонова к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах, а Ершова и Сазонова – к 2 годам лишения свободы без поражения в правах²⁴. При этом трое из фигурантов дела, получивших более тяжелое наказание, имели признаки политической неблагонадежности. Привлеченный к судебной ответственности штурман Тимонов начал службу еще на царском флоте, правда, в статусе матроса²⁵. Военком лодки Толкачев – унтер-офицер бывшего флота²⁶. А вот командир п/л «Красноармеец», согласно материалам следствия, с февраля 1918 по ноябрь 1919 года служил в белой армии Колчака, причем в последний период службы занимал должность писаря при карательном отряде²⁷. С одной стороны, служебное положение перечисленных лиц действительно подразумевало наличие ответственности в принятии решений по управлению подводной лодкой. Однако факт того, что именно эти трое подсудимых получили наибольшие сроки лишения свободы, имея в прошлом связи либо с царским флотом, либо с Белым движением, не выглядит случайным, а является убедительной демонстрацией классового подхода в практикуемой «законности». Тем не менее все обвиняемые получили только сроки лишения свободы, что не являлось редкостью в ходе судебных процессов по делу об авариях в изучаемый период [1: 207–210]. Иными словами, наряду с показательной жесткостью по делам об аварийности имел место и четкий прагматический подход к кадрам по наиболее ценным специальностям.

«КРАСНОАРМЕЕЦ» И «ГРАЦИЯ»

Практика следственной работы сотрудников военной прокуратуры на местах порой вызывала неоднозначные оценки в вышестоящих органах. Применительно к изучаемой теме известен

как минимум один пример опротестовывания следственных действий военной прокуратуры МСБМ. Обстоятельства данного случая связаны с мероприятиями военных следователей при выяснении причин столкновения подводной лодки с немецким пароходом «Грация». Удивительным образом история вновь оказалась связана с п/л № 4, которая за один год второй раз попала в аварию. Столкновение произошло 24 октября 1931 года в ходе выполнения учебных торпедных стрельб. По плану учений лодка проводила стрельбы два раза. В первый раз, в 12 часов дня, они прошли удачно, однако экипаж корабля не смог обеспечить устойчивое положение судна: лодка то скрывалась под водой, то всплывала²⁸. Во время вторых стрельб ситуация повторилась, но на этот раз при очередном всплытии п/л произошло столкновение с немецким пароходом «Грация». Лодка не получила пробоин, а среди экипажа, по утверждению капитана, не было паники, поскольку она пребывала в надводном положении. Правда, допрошенный в связи с аварией капитан немецкой «Грации» утверждал, что паника, по всей видимости, все же произошла: члены экипажа выскакивали на мостик и бегали по палубе, а также выполняли действия, схожие с мерами по спасению лодки, в частности спускали на воду спасательные шлюпки²⁹. Осмотр показал, что подводная лодка понесла ущерб в виде повреждений внешних узлов управления и вмятин корпуса. Пароход «Грация» получил пробоину, в результате чего оказался полностью промочен груз – 1600 тонн овса³⁰. В заграничной прессе со ссылкой на источники в Финляндии сообщалось даже о гибели в результате аварии 50 моряков подводной лодки³¹, возможность гибели краснофлотцев допускают и отечественные исследователи [4: 53]. Однако обращение к архивным документам показывает, что лодка хоть и получила повреждения, но осталась на плаву и под конвоем э/м «Энгельс» отправилась в Кронштадт³².

Основная вина за случившееся была возложена на командира лодки Валерия Карповича Володзько. Это был моряк с большим опытом, начавший службу еще на царском флоте. До 1917 года он окончил два курса Петроградского Технологического института и Отдельные классы гардемарин³³. Меньше чем за год до событий осени 1931 года командование бригады подводного плавания Балтийского флота проводило аттестацию личного состава, по итогам которой тогда еще помощник командира п/л № 5 Володзько, как знающий и любящий подводное дело, был выдвинут на должность командира

лодки³⁴. По мнению военной прокуратуры, именно опытный подводник

«1) пренебрег приказами командования об отказе от атаки в случае невозможности гарантии расхождения судов; 2) не дал прямых указаний вахтенному начальнику следить за расстоянием до “Грации”; 3) поставил на рули малоопытного боцмана; 4) увлекся атакой и не следил за местоположением транспорта»³⁵.

Володзько на допросе, проведенном военным следователем прокуратуры МСБМ, полностью признал свою вину, однако его показания открывали не только обстоятельства произошедшей аварии, но и неприглядную картину организации внутренней службы на флоте. По данным, сообщенным Володзько, командир лодки был обязан отказаться от выполнения приказа о производстве учебной атаки в случае, если присутствует опасность кораблю или помехи его маневрированию. Норма выглядела логичной, поскольку район учений не подходил для такой активности ввиду оживленного хождения судов. Следователь решил дополнительно уточнить установку командования, допускавшую отказ от выполнения приказа:

«Касательно отказа от атак, являются ли существующие в бригаде [подводного плавания] и высказанные вами правила уставными или же это местная установка? Чья – командования Бригады или же РВС МСБМ? Не мешает ли она выработке волевого, боевого командира и не имеет ли место (в связи с этой установкой) такое положение, что командир, при его желании, всегда сможет отказаться от атак, следуя установке формально?»³⁶

На этот вопрос подследственный Володзько ответил, что названное им руководство неуставное, исходило как от РВС флота, так и от командования бригады и, по его мнению, связано с недавней гибелью п/л № 9. Влияние указанной установки на «волевого командира» он оценил как негативное, поскольку формальное следование ей, по сути, делает невозможным проведение любых учений³⁷.

Вскрытым неуставным отношениям на флоте прокуратура придала большое значение и известила об этом и Реввоенсовет СССР, и Центральную военную прокуратуру. Однако высшее ведомство военной юстиции отреагировало на присланный материал критикой действий военных следователей Балтики. В январе 1932 года военному прокурору МСБМ поступили «разъяснения» по поводу допроса Володзько. Постановка в более чем наводящей форме вопросов, направленных на обсуждение командиром установок командования Балфлота, Центральная военная прокуратура назвала неправильной тактикой: командиры должны воспитываться в духе точного исполнения руководящих установок командова-

ния Морских сил, а военная прокуратура обязана такому воспитанию способствовать. Замечание прозвучало и относительно формы оповещения: по мнению ЦВП, было бы вполне достаточно довести в вышестоящие органы только факт выявленных неуставных отношений, без прикрепления выписки из протокола допроса обвиняемого. Судя по всему, вскрывшаяся на допросе практика наличия негласных установок произвела заметное впечатление на адресатов: лично Прокурор РККА С. Н. Орловский довел до сведения командования МСБМ установленные факты «ненормальностей в настроениях и действиях начсостава в бригаде подводного плавания»³⁸.

Что же касается главного обвиняемого по делу о столкновении п/л № 4 с немецким пароходом Володзько, то сведений о его сроке лишения свободы пока не найдено. Но как минимум одно обстоятельство необходимо учитывать при определении степени его вины: все командование лодки было переведено на нее незадолго до аварии, поскольку предыдущий состав командных и начальствующих лиц был отдан под суд по делу о майской аварии 1931 года. Обновленная команда по-прежнему страдала малоопытностью. Оказалось, что в текущей кампании новый личный состав плавал в подводном положении суммарно не более 10 часов³⁹. Отметим также, что, несмотря на предание Володзько суду, он дослужился до звания капитана 1-го ранга, а в годы Великой Отечественной войны работал в Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ функционирования военной прокуратуры МСБМ, а также результаты изучения аналогичных процессов во флотской авиации [1: 207–210] дают возможность выделить ряд особенностей ее деятельности. Можно констатировать, что система функционирования военной юстиции являлась в значительной степени настраиваемым механизмом, направления работы которого порой не очерчивались союзным и республиканским законодательством. Помимо основополагающих нормативно-правовых актов, фиксировавших области работы военных юристов, более важными с точки зрения влияния на работу оказывались директивы и циркуляры вышестоящих ведомств.

Основные усилия военных следователей и прокуроров на местах выходили за рамки простого сохранения законности, классовой по своему характеру, а занимаемое ими положение в военной иерархии было не самым высоким. Более того, прокуратура фактически не могла вмешиваться в действия местного военного ко-

мандования, даже если они нарушали положения воинских уставов, а вопрос приоритетности расследования различных видов преступлений был прерогативой вышестоящих надзорно-контрольных ведомств. В сложившейся к началу

1930-х годов системе власти и государственного управления военной юстиции отводилась охранительная, исполнительная и пассивная по отношению к большинству акторов военной сферы роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 26.08.1926 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3001.htm (дата обращения 20.03.2022).
- ² РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 58. Л. 42.
- ³ Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 26.08.1926 г....
- ⁴ РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 1. Д. 201. Л. 14.
- ⁵ РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3490. Л. 1.
- ⁶ РГВМФ. Ф. Р-174. Оп. 2. Д. 125. Л. 7.
- ⁷ Там же. Л. 25.
- ⁸ Там же. Л. 26.
- ⁹ Там же. Л. 29.
- ¹⁰ РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 1. Д. 203. Л. 43.
- ¹¹ Там же. Л. 40.
- ¹² Там же. Л. 49.
- ¹³ Там же. Л. 42.
- ¹⁴ Там же. Л. 43.
- ¹⁵ РГВМФ. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 31. Л. 201.
- ¹⁶ Там же. Л. 201 об.
- ¹⁷ РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 1. Д. 203. Л. 45.
- ¹⁸ Там же. Л. 44.
- ¹⁹ Там же. Л. 49.
- ²⁰ Там же. Л. 50.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 50–53.
- ²⁴ Там же. Л. 59.
- ²⁵ Там же. Л. 52.
- ²⁶ Там же. Л. 51.
- ²⁷ Там же. Л. 50.
- ²⁸ РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3490. Л. 166.
- ²⁹ Там же. Л. 166 об.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ 50 on Soviet Submarine Perish As It Sinks After a Collision // New York Times. 1931. 25 October. P. 3.
- ³² РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3490. Л. 166 об.
- ³³ РГВМФ. Ф. Р-92. Оп. 21. Д. 262. Л. 1.
- ³⁴ РГВМФ. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 31. Л. 6.
- ³⁵ РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3490. Л. 166 об.
- ³⁶ Там же. Л. 183.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ РГВМФ. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 90. Л. 9.
- ³⁹ РГВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3490. Л. 167.
- ⁴⁰ Информационная система «Память народа» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=465da7a76e71dd4c72b7580eb56c11e3v1 (дата обращения 20.03.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова А. В., Емцов Г. Н., Комолова Э. В., Корнеева Д. А., Малюченко Д. А. [и др.]. Актуальные проблемы истории государства и права: обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции «III Гореликовские чтения: современные проблемы юридической науки, образования и практики» // Сибирский антропологический журнал. 2023. Т. 7, № 3. С. 189–220.
2. Кодинцев А. Я., Шкаревский Д. Н., Яноши В. В. Органы специальной юстиции СССР в 1930–1950-е годы. Сургут: Изд. центр СурГУ, 2016. 254 с.
3. Кропачев С. А. Формирование тоталитарного права в ходе массовых политических репрессий 1930-х годов в СССР // Государство и право. 2016. № 11. С. 86–92.
4. Мужеников В. Б. Аварии и катастрофы (случаи гибели) подводных лодок 1901–2001 гг. Ч. 2. СПб.: Галлея Принт, 2005. 100 с.
5. Сапожников А. Г. Роль органов военной юстиции в процессе политических репрессий 1937–1938 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2 (39). С. 177–179.

6. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. 2-е изд. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 464 с.
7. Сырых В. М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М.: Юрлитинформ, 2020. 504 с.
8. Трофимцева С. Ю., Озерной Д. Д. Роль А. Я. Вышинского в формировании общеуголовной и политической советской юстиции в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 143–148.
9. Шигин В. В. Отсеки в огне. М.: Вече, 2016. 352 с.
10. Шкаревский Д. Н. К вопросу о создании военного права в СССР (1930-е – начало 1950-х гг.) // Военно-юридический журнал. 2017. № 3. С. 28–32.

Поступила в редакцию 15.04.2025; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Dmitrii A. Maliuchenko, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3863-0895; dimetv1997@mail.ru

SPECIFIC INVESTIGATIVE PRACTICES OF THE USSR MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE IN THE EARLY 1930s (a case study of the Baltic Fleet)

Abstract. The functions of any government agency are determined by a body of national and local normative legal acts. The historiographical situation is such that researchers rarely pay attention to military justice in general and its functioning in the early 1930s in particular. The research problem addressed in the article is the influence of the intradepartmental regulatory framework on the practical activities of the Soviet Military Prosecutor's Office. The article analyzes a set of circular documents established by the early 1930s and determining the nature of the operational work of investigators at the Military Prosecutor's Office to examine the stages of the development of a special system for recording fleet accident cases as a sign of their political importance, using the example of the Baltic Sea Naval Forces. The study of the law enforcement aspect draws upon two archival criminal cases on accidents in the Baltic Fleet submarine brigade. The findings lead to conclusions about the role and place of military justice authorities in the life of the army and navy of the Soviet state, their inability to interfere in the actions of the military command at the district level, as well as about the customizable nature of the practical activities of the Military Prosecutor's Office.

Key words: Military Prosecutor's Office, investigative practices, submarine fleet, Red Army's accident rate, Baltic Fleet

For citation: Maliuchenko, D. A. Specific investigative practices of the USSR Military Prosecutor's Office in the early 1930s (a case study of the Baltic Fleet). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):74–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1252

REFERENCES

1. Gavrilova, A. V., Emtsov, G. N., Komolova, E. V., Korneeva, D. D., Maliuchenko, D. A., et al. Contemporary issues of the history of state and law: review of the all-Russian scientific and practical conference "The III Gorelikov Readings: Contemporary Issues of Legal Science, Education, and Practice". *Siberian Journal of Anthropology*. 2023;7(3):189–220. (In Russ.)
2. Kodintsev, A. Ya., Shkarevsky, D. N., Yanoshi, V. V. Special justice bodies of the USSR in the 1930–1950s. Surgut, 2016. 254 p. (In Russ.)
3. Kropachev, S. A. Formation of totalitarian law during mass political repressions of the 1930s in the Soviet Union. *State and Law*. 2016;11:86–92. (In Russ.)
4. Muzhenikov, V. B. Accidents and catastrophes (death cases) with submarines in 1901–2001. Part 2. St. Petersburg, 2005. 100 p. (In Russ.)
5. Sapozhnikov, A. G. Military justice bodies role in political repressions process of 1937–1938. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014; 1-2(39):177–179. (In Russ.)
6. Solomon, P. Soviet justice under Stalin. Moscow, 2008. 464 p. (In Russ.)
7. Syrykh, V. M. The legal nature of Stalin's terror: in accordance with the party directives, but contrary to law. Moscow, 2020. 504 p. (In Russ.)
8. Trofimtseva, S. Yu., Ozerney, D. D. Role A. Ya. Vyshinskiy in forming general and political Soviet justice at the end of 1920 – the beginning of the 1930's. *Bulletin of Samara Law Institute*. 2018;5(31):143–148. (In Russ.)
9. Shigin, V. V. Compartments on fire. Moscow, 2016. 352 p. (In Russ.)
10. Shkarevsky, D. N. On the creation of military law in the USSR (1930s – early 1950s). *Military Juridical Journal*. 2017;3:28–32. (In Russ.)

Received: 15 April 2025; accepted: 30 September 2025

ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

учитель истории и обществознания

Школа № 887

(Москва, Российская Федерация)

kgrk21.18@yandex.ru

«САЛЬНЫЙ БУНТ» 1922 ГОДА НА СЕВЕРЕ ФИНЛЯНДИИ: ПРИЧИНЫ, ЦЕЛИ, ХОД И ИТОГИ

А н н о т а ц и я . На основе финской историографии и публицистики, а также отечественных архивных источников анализируются события восстания финских лесорубов зимой 1922 года, которые получили название «Сальный бунт». Цель исследования – выяснить характер этого бунта и его реальных организаторов, а также рассмотреть ход его подготовки, хронологию событий и итоги. Также необходимо проанализировать биографии основных участников бунта как со стороны сторонников Советской России, так и со стороны их противников. Делается вывод о том, что на организацию «Сального бунта» повлияли события в Восточной Карелии, именуемые «Карельской авантюрой» или «Карельским восстанием»: ускоренная подготовка и начало бунта были вызваны необходимостью дестабилизации ситуации в глубоком тылу противника Красной армии; является доказанным длительная подготовка Коммунистической партии Финляндии к организации восстания в Лапландии. Однако в итоге «Сальный бунт» не выполнил своих основных задач, приведя лишь к уходу незначительной части финских лесорубов на территорию Советской Карелии, после чего они влились в ряды Красной армии и стали представителями финского национального меньшинства в среде комсостава.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Сальный бунт», «Карельская авантюра», «Карельское восстание», финская интервенция, Коммунистическая партия Финляндии, Яхве Мойланен

Д л я ц и т и р о в а н и я : Попов Д. А. «Сальный бунт» 1922 года на севере Финляндии: причины, цели, ход и итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 82–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1253

ВВЕДЕНИЕ

Во время Гражданской войны в Карелии важную роль играл финский фактор. Он проявлялся в попытках Финляндии присоединить ее дипломатическим путем, привлекая к этому Лигу Наций [3: 101], поддержке карельского сепаратизма и военных действиях. В отечественной историографии эти события именуются «белофинской интервенцией в Карелии», в финской – «племенными войнами», после распада СССР появился ошибочный термин «Первая советско-финская война» [5]. Финский историк Юсси Ниинистё включал в состав «племенных войн» следующие события:

1. Эстонская война за независимость 1918 года, в которой на стороне белой Эстонии воевали финские войска;

2. Бои с русскими красногвардейцами и английскими интервентами в 1918 году в северной Карелии (район Кеми и Ухты);

3. «Олонецкий поход» 1919 года;

4. Походы в Петсамо (Печенгу) в 1918 и 1920 годах;

5. «Карельская авантюра» 1921–1922 годов;

6. Попытки построения республики «Северная Ингрия» на Карельском перешейке в 1918–1920 годах¹.

Самыми крупными вторжениями на территорию Восточной Карелии стал «Олонецкий поход» 1919 года [4] и «Карельская авантюра» или, как ее еще называют, «Карельское восстание», 1921–1922 годов. Во время последней развернулись тяжелые бои в северной Карелии, а для разгрома карельских сепаратистов и финнов был выделен значительный воинский контингент. В отечественной историографии данной проблеме были посвящены работы К. И. Соколова-Страхова², сделавшего особый упор на анализе боевых действий для успешного ведения боев в этой местности в будущем; С. Хесина, который большее внимание уделял боевым действиям, основываясь на широком корпусе источников Петроградского военного округа [6]; Е. С. Гардина, предприняв-

шего попытку комплексного, но сжатого анализа, подготовившего скорее научно-популярный очерк об этих событиях [2]; Ю. М. Килина, где особый упор сделан на документы карельских чекистов с попыткой выяснить реальные причины восстания и иностранный фактор в них [3: 55–73]; а также А. Осипова и М. Витухновской-Кауппала, которые также практически не рассматривали военный аспект этих событий, а пытались выяснить причины начала восстания среди карельского населения в контексте «стратегий выживания карельского крестьянства», проанализировать роль и важность иностранного, финского, фактора [1: 223–274].

Однако совершенно забытой и практически не изучавшейся страницей в отечественной литературе «Карельской авантюры / Карельского восстания» стал так называемый «Сальный бунт» или «Сальный мятеж», произошедший в конце января – начале февраля 1922 года на территории Финляндии. Это была подготовленная Коммунистической партией Финляндии (КПФ), находившейся с 1918 года на территории Советской России, при явной поддержке командования Красной армии акция, имевшая целью ударить в тыл отрядам, которые захватили северную Карелию, а также проводившаяся в рамках концепции «мировой революции» и «революционизирования Финляндии». Новизна работы заключается в том, что впервые комплексно рассматривается «Сальный бунт», анализируются позиции финских историков в отношении него, финские публикации в периодике 1930-х годов, которые ценны приводившимися в них воспоминаниями участников событий, а также во введении в научный оборот довольно скудного, но любопытного материала, хранящегося в фонде Карельской историко-партийной комиссии в Национальном архиве Республики Карелия. Изучение данной темы важно в контексте рассмотрения попыток руководства Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) дестабилизировать обстановку в тылу противника для победы над ним в Карелии, что практически не исследовалось, в отличие от истории отряда лыжников Петроградской интернациональной школы (отряд Тойво Антикайнена), которые также действовали в тылу восставших, но на территории Советской Карелии, а не на территории непосредственно Финляндии. Также актуальным остается вопрос о характере этого бунта: была ли это «революция, организованная КПФ» или же военная операция Красной армии с целью дестабилизации тыла? Отдельной проблемой является выяснение причин того, по-

чему восставшие не встретили практически никакого сопротивления на своем пути.

* * *

Ю. Ниинистё в работе 2005 года писал:

«Основанная в Москве осенью 1918 года Коммунистическая партия Финляндии решила разжечь беспорядки в Северной Финляндии в качестве пропагандистского ответа на “Карельскую авантюру”» [8: 232]³.

По его мнению, «Сальный бунт» был поддержан высшим руководством Советской России. Несомненно, роль КПФ и советского руководства в этих событиях была значительной. Однако поддержали финских коммунистов рабочие северной Финляндии вовсе не по указке большевистского руководства. Ю. Аатсинки, анализируя различные трактовки «Сального бунта», отмечала, что его рассматривали и как начало новой революции, и как провокацию против Финляндии, поддержанную Советской Россией, и как следствие внутренних противоречий в КПФ, и как побочный сюжет, связанный с событиями «Карельской авантюры» [7: 253]. Она утверждает, что «Сальный бунт» был организован ЦК КПФ, поддержан Коминтерном, но не советским правительством. В начале декабря 1921 года, в самый разгар боевых действий «Карельской авантюры», финские коммунисты предложили руководителю Карельской трудовой коммуны Э. Гюллингу создать из их состава лыжные отряды для разгрома противника. Так был сформирован отряд Т. Антикайнена, который выполнил свою задачу [2: 28–35]. 18 января 1922 года ЦК КПФ на пленуме решает «организовать интернациональную акцию в Северной Финляндии в качестве ответной меры на события в Восточной Карелии» [8: 254]. Яхветти Мойланен⁴, один из главных организаторов мятежа, позже отмечал, что если

«удастся поднять более широкое восстание в Северной Финляндии, то борьба будет продолжена на территории Финляндии, но если не удастся, то перейдем в Советскую Карелию...» [8: 255].

Идея о восстании в этом регионе высказывалась давно. Еще осенью 1919 года Мойланеном был создан коммунистический Центральный совет Куолаярви, а один из финских коммунистов в марте 1921 года выполнял по заданию КПФ некую миссию в северной Финляндии, которая, вероятно, была связана с организацией восстания [8: 254]. Но именно старт боевых действий «Карельской авантюры» сыграл решающую роль

в его начале и определил его основные военно-оперативные задачи.

Мойланен вместе со своими соратниками Каарло Карху (Аксель Хелмман), Хейкки Репо и другими 29 января 1922 года пересек границу в Алакуртти и двинулся к лесопилке. Непосредственно бунт начался 2 февраля 1922 года в Савукоски на лесопилке Кеті Оу в долине реки Вярриё, когда прибывший из-за границы финский коммунист Яхветти Мойланен взобрался на пустой ящик из-под сала и провозгласил начало «революции». Именно поэтому бунт был назван «Сальным».

Партизанский отряд, созданный в тот же день, был вооружен винтовками, привезенными Мойланеном из северной Карелии, и насчитывал триста человек. О нюансах доставки этого оружия изложено в журнале «Сторож Севера» за 1930 год. Оружие доставлялось санным путем через деревню Куртти, рядом с которой была зимняя дорога на российской территории. Оружие отправляли коммунисты из северной Карелии, а получали его коммунисты из района Куолярви уже на финской стороне. В получении оружия главную роль играли Юрье Турунен (житель Куртти), а также Микко Пиккувирта, заведующий филиалом кооперативного магазина (он был бывшим финским красногвардейцем и заключенным лагерей, созданных белыми финнами для красных после победы в Гражданской войне). В получении оружия им помогали Юрё Суутаринен, Ауне Алакуртти, Матти Куусинен и Эрки Пеуна, а также нанятый Туруненом осенью приехавший из России работник по имени Калле, чья фамилия неизвестна. В Куртти в повозки грузили муку, табак и другие товары, ехали на российскую территорию, а ночью в этих же повозках привозили оружие, которое прятали на острове недалеко от усадьбы Вахтола (также в Куртти). После получения необходимого количества оружия его перевозили в Салла и прятали в избушке лесника, находившейся в 6 км от ближайшего населенного пункта⁵.

30 января коммунисты, участвовавшие в доставке оружия, двинулись в сторону Савукоски, к ним присоединились жители Салла Куусинен и Пеуна. Вскоре они прибыли на лесозаготовительную площадку Вяррио. В этом районе было большое количество лесозаготовительных площадок: у реки Вярриёйоки – «Иттершёрвс-Мунксунд», на реке Лийесйоки – «Курт & Ко», на реке Нарускайоки – у Управления государственных лесов (Metsähallitus) в Куроселкя. На этих площад-

ках работало около 800–900 лесорубов, которых коммунисты планировали поднять на восстание. Накануне на площадках уже появлялись неизвестные лица, которые, вероятно, разведывали ситуацию⁶. Как было указано выше, Мойланен перешел границу 29 января, 30 января он и еще 12 его соратников пришли в Салла, а 1 февраля они прибыли в Вяррио.

Мойланен конфисковал кассу лесопилки в Вяррио, собрал лесорубов и основал Северный Красный партизанский отряд, а затем отправился поднимать на восстание работников соседних лесопилок. О поддержке восставших Ниинистё писал: «Желающих было достаточно, так как условия на лесозаготовительных площадках были ужасными, а работа тяжелой» [8: 232]. Именно поэтому роль КПФ и Советской России не была решающей в поддержке восставших. Руководство лесопилки в Вяррио было арестовано и заключено под стражу, а, по данным финских шюцкоровцев⁷, в ходе ограбления восставшие забрали с лесопилки 600 000 марок наличными и различного снаряжения еще на 400 000 марок⁸.

Пехотинцы отряда получали 150 марок, а всадники – 350 марок⁹. После захвата Вяррио Мойланен отправил 11 человек на государственную лесопилку на реке Сиурнойоки, так как там жил государственный лесничий с помощниками и он мог помешать восставшим. Около 7 часов утра 2 февраля государственная лесопилка была окружена и захвачена. Один из ее служащих позже вспоминал:

«Мы утром 2 февраля выполняли свои профессиональные обязанности, когда побывавший снаружи кассир Аарне Маннер вошел внутрь и сказал, что на участке много запоздавших рабочих, так как доносятся звуки со стороны конторы Рууку. Звуки уже стали слышны и внутри, тогда я бросился к окну и дыханием быстро растопил ледяной узор на стекле. К своему ужасу, я заметил вооруженный отряд из 12 человек, стоящий недалеко от главной конторы на дороге, ведущей к конторе Рууку. Послышалось какое-то неразборчивое окрикивание, а затем они стали целиться в наш дом. В ужасе я тогда крикнул своим товарищам: “На землю!”. Едва мы успели прижаться к полу, как раздался первый залп. <...> Вряд ли многие из нас остались бы в живых даже после этого первого залпа, если бы попытка внезапного нападения повстанцев была бы полностью успешной. <...> стрелки начали кричать, чтобы мы вышли. Некоторые подумывали ответить огнем из своих пистолетов, но что могли сделать в такой ситуации маленькие карманные револьверы против превосходящего противника, вооруженного винтовками. Нашим укрытием были только нары, и нельзя было даже поднять голову, если не хотелось быть застреленным. Когда стрельба прекратилась, мы вышли в нижнем белье, и нас объявили арестованными от имени революционного

комитета. Нам пришлось простоять почти 15 минут на улице при сильном морозе в -40° , затем нас пустили внутрь. Также восставшие успели присвоить наше имущество, вплоть до верхней одежды. <...> Примерно через час группа ушла, оставив трех стрелков с винтовками в качестве охраны. Нельзя было сдвинуться с места, иначе – пуля. Таким образом, нам пришлось оставаться до следующего утра, когда караульные ушли, ничего не сказав»¹⁰.

На главную контору лесопилок в Савукоски утром 2 февраля прибыло несколько сотен восставших, которые разожгли костры, чтобы согреться. Руководители восстания, в том числе и Мойланен, заявили, что во всей Финляндии началась революция, а 1 февраля Россия объявила войну Финляндии, поэтому всем предлагалось перейти на сторону красных, а в случае неудачи, как сказал Мойланен, «Россия предоставит войска для нашей защиты»¹¹. А. Аатсинки отмечает, что в своем выступлении Мойланен обвинил Финляндию в подготовке войны против Советской России, а сам батальон формировался с целью «обеспечить безопасность Советской Карелии и защитить интересы рабочих» [7: 254].

В ночь со 2 на 3 февраля (по другим данным, рано утром 4 февраля) батальон отправился обратно на восток. На этом этапе награбленное имущество лесопилок и скарб восставших везли около 300 лошадей. Впереди шла хорошо вооруженная рота из двух отделений, за ней обоз, затем невооруженные люди с семьями, а за ними – вооруженная рота прикрытия. Отдельно шла группа примерно из 30 красноармейцев, прибывших из Советской России, она прошла по рабочим площадкам компаний Raahe, Ytterstfors-Munksund и And. Kurth & Co. Вблизи Куреозля часть отряда разгромила государственную продовольственную базу, взяв продовольствие и кассу. Кассы и склады рабочих лагерей также были разграблены, и к батальону присоединилось еще больше людей, так что количество участников выросло до 400–500 человек.

Во время обратного пути отряд захватил четырех застигнутых врасплох финских пограничников. Двух захватили в Ноусуу и Сайе, забрав их с собой в Салла. Одного из них, Кемппи, избили, но Мойланен строго запретил его расстреливать. 5 февраля отряд прибыл в Салла, где были произведены единичные выстрелы за все время восстания. Младший сержант пограничной охраны Лемпинен пошел на лыжах изучать причину прерывания связи с Салла и обнаружил, что кабель перепилен, а у усадьбы Кантола он наткнулся на трех человек из батальона восставших, открыл

по ним огонь и ушел к усадьбе Сяркеля, чтобы попытаться связаться с пограничным постом, но телефон уже не работал. На дороге в Кемиярви Лемпинена взяли в плен. В ходе перестрелки один из солдат отряда восставших был ранен в шею и оставлен в больнице в Салла. Финский пограничный отряд целиком был взят в плен. Лемпинен отрапортовал своему командиру – лейтенанту Иду о своих действиях до пленения. Во время захвата пограничного отряда один из жителей деревни Унно Термаянен сумел сбежать, доехать до Сальмиярви и позвонить по телефону до шюцкора Кемиярви, который сразу поднял тревогу¹².

К моменту прибытия в Салла многие из набранных Мойланеном людей сбежали из отряда, вероятно, боясь репрессий и не желая уходить в Советскую Россию. В Салла численность батальона составила 340 человек и 70 лошадей. Ночью отряд двинулся к границе, причем, по мнению члена шюцкора В. Иконена, которое он высказал в 1930 году, отряд восставших знал о том, что шюцкор в Кемиярви был поднят по тревоге¹³. Батальон пересек границу 7 февраля. За границей его ждал отряд РККА численностью в несколько сотен человек. После пересечения границы численность отряда Мойланена составляла 234 человека, в том числе 15 женщин и девять детей. Из мужчин были вооружены 180 человек. Одной из самых странных черт восстания было то, что Мойланен вернул финским компаниям конфискованных лошадей и лично поблагодарил за «заем»¹⁴.

Позже перехода границы отряд Мойланена оказался в Княжей Губе, расположенной вдоль Мурманской железной дороги, где 15 февраля началось обучение мужчин, пригодных к несению военной службы. Участник Гражданской войны в Кандалакшском районе Соколов вспоминал, что на заводе в Варде восстало около 300–350 человек, около 250 человек с оружием перешли границу в районе Килгесярви (вероятно, Кильписярви), были встречены в Конец-Ковдозере советскими пограничниками, «обезоружены и интернированы»¹⁵. Это несколько расходится с данными финских историков о том, что отряд был встречен в Княжей Губе.

Цель размещения отряда в Княжей Губе состояла в том, чтобы сформировать из него подразделение Красной армии, которое могло бы участвовать в разгроме финнов и сепаратистов. В марте 1922 года в Княжью Губу прибыл Эйно Рахья, который сообщил, что Красная армия больше не нуждается в людях, собранных Мойланеном.

Причиной стало то, что отряд Тойво Антикайнена уже разгромил противника. Однако 215 человек из пришедших с Мойланеном были отобраны Рахья и отправлены в Петроградскую интернациональную школу на обучение.

По мнению Ниинистё, финские власти просто «не успели должным образом отреагировать на действия отряда» [8: 232]: воинские части шюцкора были подняты по тревоге тогда, когда отряд уже двигался к границе, чтобы отступить. Шюцкор прибыл в Куртти через два часа после того, как батальон Мойланена ушел за границу. Отсутствие сопротивления можно объяснить крайне малочисленной и слабой пограничной стражей в этом районе и тем, что вблизи границы отделений шюцкора не было, ближайшее находилось в Кемиярви, в 100 км от места начала восстания.

В восстании лесорубов был и оперативный интерес для командования РККА. Лесорубы в теории представляли угрозу для тылов финнов и сепаратистов, которые в тот период действовали в Карелии. Они могли дестабилизировать ситуацию и прервать снабжение частей, находившихся в зоне боевых действий в северокарельских волостях. Хотя бунт, несмотря на надежды КПФ, не перерос в настоящую революцию, действия отряда Мойланена вызвали страх в приграничных районах и привлекли большое внимание в других областях Финляндии. Отметим, что лейтенант пограничной стражи в Куолаярви Ялмари Паякка (один из егерей, которые в годы Первой мировой войны воевали на стороне Германии) сдался без боя, получив неверную информацию о том, что вся Лапландия занята восставшими. За это ему дали 42 дня тюремного заключения, но он продолжил службу в пограничной страже, а в 1939 году был обвинен в шпионаже в пользу СССР и застрелен во время допроса. Также из пограничников присягу нарушил унтер-офицер Ниеминен, который закрывал глаза (по мнению финских шюцкоровцев, он «продал душу врагу») на переброску оружия из России в Куртти в декабре 1921 – январе 1922 года¹⁶.

Финский историк М. Лаккман считал, что «Сальный бунт» связан с

«событиями в Восточной Карелии и по характеру он оборонительный, поддерживающий боевые действия Красной армии в Восточной Карелии. Его целью было вызвать замешательство в Финляндии, а также напомнить о революционном потенциале страны» [8: 255].

Как мы отмечали выше, КПФ готовила восстание в северной Финляндии давно, но именно

«Карельская авантюра» изменила характер этих действий, направив их на поддержку Красной армии. В советской литературе эти события называли «восстанием лесных рабочих северной Финляндии», увязывая с «забастовкой сплавщиков и лесорубов» в районе Вярриоля в северной Финляндии, которая «переросла в вооруженное восстание, в котором участвовало около 500 человек» [2: 39]. Е. С. Гардин отмечал, что восставшие перешли границу 7 февраля, часть из них записалась в РККА, часть поселилась в Ухте. С. С. Хесин, либо желая придать событиям больший накал борьбы, либо опираясь на недостоверные источники, отмечал, что

«финская буржуазия не на шутку перепугалась. Перед нею снова встал грозный призрак революции. Против восставших были брошены крупные силы регулярных войск и шюцкора, которым удалось подавить восстание» [6: 86–87].

Любопытной является публикация Урхо Кексонена в одной из финских газет в 1922 году, написанная по горячим следам бунта. В ней катастрофическое положение лесорубов, которое и побудило их поддержать восстание, было сведено на нет и даже не упоминалось:

«...в последние годы коммунистическая агитация прочно укоренилась на местных лесозаготовительных предприятиях. Почва для этого была весьма благоприятной среди диких парней. Мужчины, которые всю свою жизнь прожили вдали от организованного общества, лишённые всякой культуры и человеческих манер, легко поддаются яркой и грубой агитации, особенно когда она направлена против ненавистных им “боссов” и “буржуа”. В последние годы среди них был один человек, который вызывал особое восхищение, поскольку он мог бросить самые жестокие угрозы начальникам, либо прямо в лицо, либо, что было чаще, за их спинами. Если на основании вышесказанного посмотреть на недавнее начало восстания лесорубов в Куолаярви, то можно хорошо понять, на какой почве оно выросло. Кроме того, зная личность и характер их “вождя”, легко понять, что парни с удовольствием следовали за таким человеком. Инициатором грабежа был бывший инспектор кооперативных магазинов из Каяни Ян Мюрюляйнен, который теперь здесь, на севере, выступал под псевдонимом Яхветти Мойланен, что всегда придает даже самым незначительным людям ореол героизма. <...> Работая ранее в Кайнуу в качестве начальника лесозаготовителей, он хорошо узнал условия жизни парней, их характер и образ мышления, и благодаря этому глубокому знанию у него были все возможности для того, чтобы “поднять” парней. Кроме того, он был неплохим оратором и любил использовать в своих речах театральные жесты и мимику, которые, естественно, действуют на простых людей как магия. <...> К ораторскому таланту Мойланена следует также отнести тот факт, что “Северный красный партизанский отряд”, под таким названием действовала банда разбойников, по оконча-

нии своих приключений в Финляндии сумел, несмотря на разношерстный состав, остаться в своем первоначальном составе. И под руководством Мойланена она теперь перебралась в Петербург, где в “международной военной школе” большевиков ее обучают быть преданными врагами своей родины, которую она предала. Но вернется ли Мойланен сюда, чтобы завести новую банду...»¹⁷.

Несмотря на явно пропагандистский характер этой публикации, она интересна тем фактом, что Мойланен ранее работал на лесопилках в данном районе, знал положение лесорубов, играл в Рабочем театре, то есть владел навыками ораторского искусства. Поэтому становятся ясны причины его успеха на посту руководителя восставших.

В российских архивах практически нет документов об этих событиях. Лишь в Национальном архиве Республики Карелия в фонде Историко-партийной комиссии были обнаружены воспоминания О. Д. Иоки, начинающиеся с описания событий осени 1921 года. К сожалению, найти информацию об авторе пока не удалось, но считаем целесообразным привести объемную цитату из его воспоминаний:

«Лесорубы всей верхней Финляндии, как обычно, собирались в лесных хижинах на местах, где капиталисты открывали лесоразработки. <...> Недовольство среди рабочих поднималось до крайности. К этому прибывали вести о наступлении белофиннов, и о зверствах, которые они учиняли в деревнях Советской Карелии. Желание помочь братьям – рабочим и крестьянам Сов. Карелии стало всеобщим среди рабочих, требовалась только организующая рука партии. <...> Началось все на лесоразработках акционерного общества “Кеми”, т. н. “Вярриэ”. Рабочие получили оружие, приготовленное для этого, и организованными отрядами двинулись в центр данного уезда, Куолярви, где была расквартирована рота северного финского погранбатальона. Наступление на деревню совершили ночью, и застали пограничников врасплох, они почти без сопротивления сдались восставшим, и были разоружены. Здесь мы получили много вооружений, между прочим, пулеметы, которых до этого было мало. Настроение восставших было приподнятое, чувствовали себя освобожденными и горели желанием драться до конца за освобождение Советской Карелии от белофиннов, и многие мечтали, что настало время отдать должное белым за те тяжелые поражения, которые понес рабочий класс Финляндии в классовой войне 1918 года. Но нет, время для этой расплаты еще не настало, мы должны были ограничиться изгнанием белофиннов из Советской Карелии. Для этого наш отряд, организованный уже по-военному, двинулся через границу на территорию Советской Карелии, за отрядом двинулись длинной цепью подводы, нагруженные продуктами, ибо мы захватили продовольственные склады лесопунктов и также пограничников. Отсюда смешное название этого восстания – “шпиковое” (вероятнее всего, имеется в виду “сальное”. – Д. П.). По прибытии в северную

Карелию мы расположились в Княжей Губе и занялись очищением северной Карелии от белофинских отрядов и их агентов среди кулачества. Наши действия, совместно с действиями других частей Красной Армии, заставили белофиннов отступать. Они бежали, опустошая деревни Советской Карелии, гнали скот и массу другого имущества, а также большое количество крестьян в Финляндию.

Это восстание северных лесорубов играло не маленькую роль в деле ликвидации последнего нашествия белофиннов. Это восстание вывело многих лесорубов северной Финляндии на активную классовую борьбу. Многие лесорубы, в том числе и я, поступили в военную школу для получения тех знаний, которые так необходимы рабочему классу для своего освобождения. <...> Восстание лесорубов северной Финляндии сохранилось в памяти как одно из самых ярчайших проявлений классовой солидарности рабочих разных национальностей, оно отрезвило горячие головы финских шовинистов, которые мечтали об эксплуатации лесных богатств Карелии и о создании Великой Финляндии от Северного до Белого моря и Урала. Это восстание показало, что, как только капиталисты начинают осуществлять свои мечты, рабочие должны дать им достойный отпор. Эти лесорубы Финляндии показали, что они будут братья за оружие, когда это требуется для завоеваний Великой Октябрьской революции, воплощением которой является Советская Карелия»¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исходя из проведенного анализа историографического и архивного материала, можно сделать вывод, что «Сальный бунт» был организованной акцией, ставшей реакцией на события «Карельской авантюры». Если КПФ и идейные лидеры восстания ставили целью революционизировать север Финляндии, возможно, отомстить за поражение в Гражданской войне в 1918 году, то руководство КТК и РККА явно преследовало цель дестабилизировать ситуацию в глубоком тылу противника, вызвать панику среди местного населения и вооруженных формирований карельских сепаратистов и финнов, которые находились в северной части Советской Карелии. Но бунт прошел практически бескровно, не вызвал особых разрушений и, по нашему мнению, практически не выполнил возложенных на него задач по дестабилизации ситуации. Соратники руководителей бунта, участвующие в лыжном походе курсантов Петроградской интернациональной школы, сыграли куда более важную роль в разгроме противника в 1922 году. Причины, по которым мятежники не встретили практически никакого сопротивления, кроются в слабости финской пограничной охраны и отсутствии шюцкора в данном районе. Тем не менее большинство участников «Сального бунта»

затем влились в ряды Красной армии, став представителями финского национального меньшинства среди старшего и среднего комсостава РККА.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Niinistö J. The Heimosodat (The Finnish Kinship Wars of 1918–1922) // Alternative Finland. [2006] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alternativefinland.com/the-heimosodat-the-kinship-wars-of-1918-1922-part-1/> (дата обращения 21.06.2025).
- ² Соколов-Страхов К. И. Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 годах. Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путем к нему. М.; Л.: Военная типография управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 162 с.
- ³ Здесь и далее перевод наш.
- ⁴ Имя при рождении – Франц Ян Мюрюляйнен, псевдоним с 1918 года – Юсо Иванович Матеро, псевдоним во время бунта – Яхве Мойланен – работал на лесопилках в северной Финляндии, участвовал в гражданской войне в Финляндии на стороне красных, был арестован, бежал из заключения в Советскую Россию, работал журналистом, директором леспромхоза в северной Карелии. В 1938 году арестован НКВД КАССР по ст. 58, расстрелян 8 мая 1938 года, реабилитирован посмертно в 1957 году. В 1922 году был награжден орденом Красного Знамени (Lackman M. Matero Juuso // Kansallisbiografia. [2005] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/7446> (дата обращения 21.06.2025)).
- ⁵ Ilkonen V. Laskikapina // Pohjolan Vartio. 1930. № 11. S. 240.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Шюцкоровцы – члены финской националистической военно-патриотической организации «Шюцкор».
- ⁸ Ilkonen V. Laskikapina // Pohjolan Vartio. 1930. № 12. S. 268.
- ⁹ Ilkonen V. Laskikapina // Pohjolan Vartio. 1930. № 12. S. 269.
- ¹⁰ Ilkonen V. Laskikapina // Pohjolan Vartio. 1930. № 12. S. 268–269.
- ¹¹ Ilkonen V. Laskikapina // Pohjolan Vartio. 1930. № 12. S. 269.
- ¹² Ilkonen V. Laskikapina // Pohjolan Vartio. 1931. № 2. S. 35.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 1/18. Л. 17.
- ¹⁶ Ilkonen V. Laskikapina // Pohjolan Vartio. 1930. № 11. S. 239.
- ¹⁷ Keksonen U. Punakenraali. Myyryläisen edellytykset // Doria.fi. [2016] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20160310020043/https://oa.doria.fi/bitstream/handle/10024/8638/TMP.objres.2294.html?sequence=1> (дата обращения 21.06.2025).
- ¹⁸ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 5/127. Л. 5–7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витухновская-Кауппала М., Осипов А. В пучине Гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 352 с.
2. Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921–1922). Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1947. 53 с.
3. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 277 с.
4. Пашков А. М. Олонецкий поход белофиннов и Видлицкая операция 1919 года // Гражданская война в Олонецкой Карелии (1918–1920): Материалы науч.-практ. конф. (26–27 июня 2019 года, Олоонец – с. Видлица) / М-во нац. и регион. политики Респ. Карелия; Петрозав. гос. ун-т. Петрозаводск, 2020. С. 66–96.
5. Смолин А. В. «Первая советско-финская война 1918–1920 гг.»: историографический миф или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы X междунар. конф. (16–17 апреля 2008 года). СПб.: РХГА, 2009. С. 271–278.
6. Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. М.: Воениздат МВС СССР, 1949. 152 с.
7. Aatsinki U. Tukkiiliikkeestä kommunismiin: Lapin työväenliikkeen radikalisoituminen ennen ja jälkeen 1918. Tampere: Tampere University Press, 2009. 436 s.
8. Niinistö J. Heimosotien historia. 1918–1922. Helsinki: SKS, 2005. 307 s.

Поступила в редакцию 17.07.2025; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Denis A. Popov, Teacher of History and Social Studies, School No 887 (Moscow, Russian Federation)
kgrk21.18@yandex.ru

THE PORK MUTINY OF 1922 IN NORTHERN FINLAND: REASONS, GOALS, COURSE, AND RESULTS

Abstract. The article draws upon Finnish historiography and journalism, as well as domestic archival sources to analyze the events of the Finnish lumberjacks' uprising in the winter of 1922, which has become known in research literature as the Pork Mutiny. The study was aimed at examining the nature of this uprising, identifying its real organizers, investigating the preparations for this event, its chronology, and results, as well as studying the biographies of the key participants from among the supporters of Soviet Russia and its enemies. The findings suggest that the organization of the Pork Mutiny was influenced by the events in Eastern Karelia known as the Karelian Adventure or Karelian Uprising, since the accelerated preparation and outbreak of the rebellion were prompted by the need to destabilize the situation deep behind the Red Army's enemy lines. The study also proves that the Communist Party of Finland was engaged in a long preparation for an uprising in Lapland. Ultimately, however, the Pork Mutiny failed to achieve its primary objectives, forcing only a small number of Finnish loggers to move to the territory of Soviet Karelia, where they joined the Red Army and formed a Finnish minority among the commanding personnel.

Keywords: Pork Mutiny, Karelian Adventure, Karelian Uprising, Finnish intervention, Communist Party of Finland, Jahve Moilanen

For citation: Popov, D. A. The Pork Mutiny of 1922 in northern Finland: reasons, goals, course, and results. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):82–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1253

REFERENCES

1. Vitukhnovskaya-Kauppalä, M., Osipov, A. In the abyss of the Civil War: The Karelians in search of survival strategies. 1917–1922. Moscow; St. Petersburg, 2020. 352 p. (In Russ.)
2. Gardin, E. S. The defeat of the White Finnish Adventure (1921–1922). Petrozavodsk, 1947. 53 p. (In Russ.)
3. Kilin, Yu. M. Karelia within the policy of the Soviet state. 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 277 p. (In Russ.)
4. Pashkov, A. M. The Olonets Campaign of the White Finns and the Vidlitsa Operation of 1919. *The Civil War in Olonets Karelia (1918–1920): Proceedings of the scientific and practical conference (26–27 June 2019, Olonets – Vidlitsa)*. Petrozavodsk, 2020. P. 66–96. (In Russ.)
5. Smolin, A. V. “The First Soviet-Finnish War of 1918–1920”: historiographic myth or reality? *St. Petersburg and Nordic Countries: Proceedings of the 10th international conference (16–17 April 2008)*. St. Petersburg, 2009. P. 271–278. (In Russ.)
6. Khesin, S. S. The defeat of the White Finnish Adventure in Karelia in 1921–1922. Moscow, 1949. 152 p. (In Russ.)
7. Aatsinki, U. Tukkiilikkeestä kommunismiin: Lapin työväenliikkeen radikalisoituminen ennen ja jälkeen 1918. Tampere, 2009. 436 s.
8. Niinistö, J. Heimosotien historia. 1918–1922. Helsinki, 2005. 307 s.

Received: 17 July 2025; accepted: 30 September 2025

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

СЕМАНТИКА ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА В КЛЯТВЕННЫХ ФОРМУЛАХ (по материалам русской традиционной культуры)

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения картины мира русского крестьянства и сохранения этнокультурной идентичности. Целью является анализ клятв, включающих в качестве общего компонента лексические единицы, имеющие семантику причинения вреда. В работе используются элементы этнолингвистического подхода, в частности приемы семантической реконструкции, позволяющие воссоздать особенности мировосприятия носителей традиционной культуры и их ценностные ориентиры. Материалом для исследования послужили клятвенные формулы, содержащиеся в опубликованных материалах архивного фонда «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, в рукописной коллекции С. М. Пономарева, хранящейся в Архиве Русского географического общества, в фольклорно-этнографических сборниках и словарях. Выявлены и проанализированы основные семантические модели, связанные с причинением вреда, которые в ходе проведения ритуала могут сочетаться друг с другом. Отмечается, что лексемы и устойчивые выражения, отвечающие за нанесение вреда, часто имеют переносный смысл. Сделан вывод о том, что важнейшими ценностями считались жизнь, «правильная» смерть, благоприятная посмертная участь, здоровье, семейно-родственные связи, возможность сохранения и продолжения рода, связь с Богом, в то время как имущественные интересы в системе ценностей отступали на второй план.

К л ю ч е в ы е с л о в а : клятва, вербальная магия, семантика, вредоносное воздействие, народная аксиология, традиционная культура, русские крестьяне

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бауэр Т. В. Семантика причинения вреда в клятвенных формулах (по материалам русской традиционной культуры) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 90–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1254

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентричность современной гуманитарной науки обуславливает пристальное исследовательское внимание к проблеме «личность – язык – культура» и разнообразным в жанровом отношении продуктам вербальной деятельности человека, отражающим специфику этнокультурного сознания. Одним из таких вербальных ритуалов является клятва. Применительно к традиционной культуре клятва осмысливается как ритуал, предполагающий «произнесение словесной формулы, сопровождаемой рядом действий (прикосновение к культовому предмету или его целование, осенение крестным знаменем, рукопожатие)» (СД: 2: 512). Стоит отметить, что, несмотря на тяготение данного обряда к синкретизму, предметно-акциональное сопро-

вождение могло быть минимальным либо вовсе отсутствовать.

Внимание представителей различных гуманитарных наук к феномену клятвы, разнообразие подходов к ее изучению, междисциплинарность исследований во многом обусловлены тем, что

«клятва зафиксирована в мифологии, в религиозном дискурсе христианства, в фольклоре, в эпистолярном наследии, в поэтике, в художественном, политическом и бытовом дискурсах» [5: 222].

Начиная с XIX века данный феномен привлекает внимание историков, этнографов, фольклористов и юристов (краткий обзор работ см.: [1: 173]). В многочисленных лингвистических исследованиях клятва рассматривается как речевой акт или речевой жанр либо как культурный концепт. Лингвисты изучают структуру, виды, отдельные вербальные компоненты клятвенных формул, об-

ращаются к коммуникативно-семантическим параметрам, специфике прагматических функций, аксиологическим и гендерным аспектам, выявляют особенности клятв в разных лингвокультурах, анализируют понятийную составляющую концепта с учетом историко-культурной динамики [6], [7], [9], [10], [14] и др. При этом семантические модели, связанные с причинением вреда, не являлись предметом специального рассмотрения, что обуславливает актуальность предпринятого исследования. Кроме того, в качестве источника лингвистами практически не использовались тексты, характерные для традиционной культуры.

Стоит отметить, что клятвенные формулы структурно и семантически близки формулам проклятий [11: 495–496], жанровая специфика, аксиология и логико-смысловая структура которых, как и семантика отдельных компонентов проклятия, а также лексические и лингвопрагматические особенности, рассмотрены достаточно глубоко на материалах традиционной русской и других славянских культур [2], [4], [15], [16] и др., в то время как вербальная составляющая клятв представляется недостаточно изученной в плане содержания. Л. Н. Виноградова относит проклятья к категории «аксиологических» текстов, в которых прямо сформулированы представления о том, что такое «плохо» [4: 53]. Клятвы, содержащие компоненты, «отвечающие» за вредоносное воздействие, также могут быть отнесены к этой категории, и обращение к подобным текстам позволит выявить ценностные ориентиры носителей русской традиционной культуры.

В работе используются элементы этнолингвистического подхода, в частности приемы семантической реконструкции, позволяющие воссоздать фрагменты картины мира, систему ценностей и особенности мировосприятия носителей традиционной культуры. Источниковой базой исследования являются клятвенные формулы, содержащиеся в рукописной коллекции С. М. Пономарева, хранящейся в Архиве Русского географического общества. Данная коллекция содержит материалы 1880-х годов по русскому обычному праву. Особый интерес для нас представлял раздел «Божба». В работе использовались также опубликованные материалы созданного князем В. Н. Тенишевым в 1897 году «Этнографического бюро», основной целью которого был сбор сведений о различных аспектах жизни русского крестьянства. Интересующие нас тексты содержались в разделах Д. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношение крестьян к обществу

и государственному строю (подраздел «Суд и расправа»), Е. Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам (подраздел «Торговля») и Ж. Верования, знания, язык, письмо, искусство (подраздел «Язык крестьян»). Кроме того, в качестве источников привлекались материалы различных словарей, а также фольклорно-этнографических сборников.

При классификации клятвенных формул представляется уместным придерживаться точки зрения И. А. Митронова, который на основе анализа лексикографических данных и исторических документов выделяет в зависимости от формы объективации такие виды клятв, как божба, рота и божба-рота [6: 81]. Целью исследования является анализ клятв по типу роты и божбы-роты, включающих в качестве общего компонента лексические единицы, имеющие семантику нанесения вреда. Подобными клятвами крестьяне старались не злоупотреблять, опасаясь последствий, которые должны были постигнуть клятвopеcтyпника. Стоит отметить, что данные тексты, согласно классификации вербальных ритуалов на основе их иллокутивных целей, предложенной А. Энгелькинг, относятся к типу так называемых созидających ритуалов [16: 77–84]. Неполнота данной классификации побудила С. М. Толстую подключить к ней оценку состояний, являющихся ожидаемым результатом вербального ритуала, что позволило выделить «отрицательный» подтип: обряды, «создающие нечто плохое», то есть причиняющие вред [12: 69].

* * *

Чаще всего вредоносное воздействие заключено, как и в формулах проклятий, в предикате. Это воздействие может реализовываться / дублироваться и на предметно-акциональном уровне. Лексемы и устойчивые выражения, отвечающие за нанесение вреда, могут иметь как прямой, так и переносный смысл. Кроме того, необходимо отметить, что выделенные семантические модели в ходе проведения ритуала могут сочетаться, причем их последовательность зачастую выстроена с использованием приема восходящей градации: от пожеланий болезни и увечий до инициирования смерти.

Прежде всего стоит упомянуть о такой модели, как насылаение проклятья / собственно клятвы: «Будь я проклят!», «Клянусь своей седой бородой. Клянусь тебе своей головой», Новгородская губ. (РК: 7: 205), «Матерью клянусь!» (СД: 2: 513) и др. Как отмечает С. М. Толстая, лексема «клятва» обладает признаком, имеющим прагматический

характер»: «...*клясть*, в отличие от *говорить*, означает сакрализованную речь, слово, обладающее силой действия» [12: 66]. В традиционной культуре клятва осмыслялась как ритуал, обладающий высоким магическим потенциалом, что подтверждается как лексикографическими, так и этимологическими данными. Так, результаты дефиниционного анализа концепта «клятва» свидетельствуют о том, что в XIX веке в русском этноязыковом сознании клятва-присяга «оставалась заклинанием, или магическим знаковым действием» [6: 81–82]. Здесь стоит также отметить, что, согласно альтернативной этимологии, предложенной А. Штейнгольц, глаголы **kļeti* и **kliniti* в значении ‘забивать клин, не удаваться, стопорить’ связаны; **kliniti* происходит от слова **klinь* ‘клин, гвоздь’, восходящего к **kōlti* ‘колоть, резать’. Получается, что с точки зрения этимологии *клясться* означает ‘прокалывать себя’, а глагол *клясть* включает семантику колдовства, насылания порчи, проклятия¹ (см. курск. *клятовать* – ‘напускать порчу’ (Толковый словарь: 2: 125)).

Следующая модель заключается в инициировании наказаний в общем виде:

«накажи меня Господи, Царица Небесная, самыми лихими наказаниями», «...накажи меня, Господи, теми наказаниями, которые сам себе назначил», Орловская губ. (Тенишев: 142, 145), «...пусть на меня падет екимья всякая» (*екимья* – искаженное от *епитимья*. – Т. Б.), Рязанская губ. (Муллов: 628).

Подобные формулы встречаются достаточно редко и употребляются в ходе ритуала, как правило, наряду с другими, в которых наказания конкретизируются.

Популярной моделью является инициирование ненасильственной смерти, реже – убийства: «...пусть жена и дети помрут», Костромская губ. (РК: 1: 125), «...издохнуть, как псу!», Новгородская губ. (РК: 7: 205) (в данном примере стоит обратить внимание на уподобление смерти человека смерти животного, в частности собаки, а собачьей смертью в крестьянской культуре считалась смерть без покаяния (Толковый словарь: 4: 258), то есть смерть, недостойная христианина), «околеть», Нижегородская губ. (Борисовский: 218) (здесь также вероятно уподобление смерти животного; см. *околеть* в значении ‘умереть’ (о животном) (Толковый словарь: 4: 505)), «Убей мяне соунца провидныя!», Смоленская губ. (СД: 2: 513). К данной модели относятся также клятвы, в которых инициирование смерти описывается в терминах «потухания» жизни (свечи, символизирующей жизнь) / невозможности дожить до определенного момента: «...как

потухла эта свечка, так потухни и моя жизнь» (при совершении ритуала присягающий тушит свечу, дублируя семантику на предметно-акциональном уровне), Орловская губ., «Не допусти меня дожить до завтрашнего дня», Смоленская губ. (Тенишев: 143, 140). В значении ‘не дожить до определенного момента’ употребляются также следующие тексты: «...чтоб я не дождался закатного солнышка!» (кладя на голову комков земли), Черниговская губ. (АРГО: 34), «...не дай, Бог, девку дорастить!», Орловская губ. (АРГО: 23), по сути, иницирующие отсроченную смерть с фиксацией некой временной точки, недостижимой для присягающего. Подобные модели, в которых отсутствуют прямые номинации смерти, однако она иницируется посредством образных оборотов и эвфемизмов, были весьма продуктивными, поскольку смерть в традиционной культуре часто табуировалась и ее лексикон достаточно беден [3: 7].

На уровне образных номинаций инициировать смерть должно было также злопожелание, содержащее мотив укрывания земель, отсылающий к похоронному обряду: «...пусть сама родная земля прикроет <...> на веки», произносимое при земельных спорах и сопровождаемое вырезыванием куска дерна, который клянувшийся должен был держать над головой (Паппе: 23). Стоит отметить, что подобное положение тела по отношению к земле характеризует покойника, которому уподоблялся клянувшийся. Симптоматичным является и употребление временно-го маркера, указывающего на категорию вечности. В материалах Черниговской губернии содержится также упоминание о смерти присягнувших после совершения подобного ритуала (АРГО: 34).

Модель «умирания», кроме того, может реализоваться через изгнание души, отделение ее от тела: «Выдь душа!», которую О. В. Белова относит к клятвам жизнью (СД: 2: 513) и через лишение возможности видеть субъект, который посредством злопожелания удалялся из зоны видимости клянущегося в мир смерти:

«...дай Господи не видать мне своих лошадей на дворе (<...> значит, оне у него будут околевать)», «Дай Бог не увидеть своего мужа» (муж заболевает и умирает), Орловская губ. (Тенишев: 142–143).

Здесь мы приводим лишь тексты, в комментариях к которым упоминается о смерти как о последствии лжеприсяги. Однако примеры, иллюстрирующие модель, связанную с лишением зрения, также могут быть процитированы, поскольку в переносном, а не в буквальном смысле «не видеть» могло означать ‘не существовать

на этом свете', то есть 'умереть'. В крестьянской культуре слепота ассоциировалась с темнотой, иным миром и смертью. Так, фразеологизм «свет из глаз выкатился» означает одновременно и утрату зрения, и смерть (СД: 5: 46). О. В. Белова рассматривает клятву «Чтоб мне белого света не видеть!» как клятву жизнью (СД: 2: 513). О связи пожелания слепоты с пожеланием смерти в проклятиях см. также у М. В. Ясинской [15: 84–85, 88–89] и у Н. И. Толстого, который рассматривает болгарское проклятие «Да му ее не види!» («Чтоб ему не виделось!») как близкое по значению русскому проклятию «Чтоб он сдох!» [13: 205], причем смерть может настичь как клянущегося, так и его родственников, включая еще не рожденных детей, являющихся залогом клятвы (см. ниже). Инициирование смерти, упоминаемое в клятвенных формулах в материалах Черниговской губернии, подкрепляется крестьянскими представлениями о том, что клятвopеcтyпникy Бог половину века убавляет (АРГО: 34), «...Бог не даст веку дожить», Тамбовская губ. (Бондаренко: 86). В текстах, записанных в Черниговской губернии и повествующих о постигших клятвopеcтyпникoв наказаниях, упоминается, что присягнувший умирает вскоре, причем без покаяния, либо в течение года (АРГО: 28, 34). В связи с этим необходимо обратить внимание на распространенное среди крестьян убеждение, что «смерть по охоте выликанная, есть смерть безпокаянная, срам и мука вечная» (Муллов: 625). Здесь стоит также подчеркнуть, что любая неестественная, преждевременная смерть, смерть без покаяния относилась к категории «плохой» и влияла на посмертную судьбу: человек, умерший такой смертью, становился опасным демоном (СД: 5: 61).

Семантическая модель, предполагающая изменение положения объекта в пространстве, реализуется в текстах клятв посредством следующих вариантов: перемещение вниз, чаще – в некий опасный локus / исчезновение / переворачивание. Приведем примеры первых двух вариантов:

«Пускай мои дети провалятся в тартарары», Вятская губ., «Провались я скрозь землю!», «Провались я скрозь споднюю!», Тульская губ. (АРГО: 22, 28), «сгинь извидь» (в значении 'провались я на этом месте' (челябин.)), «Сгинь последняя животи́на» (*сгинуть* в значении 'пропасть') (СРНГ: 37: 18), «исчезнуть», Нижегородская губ. (Борисовский: 218), «Пусть моя скотина пропадет», Костромская губ. (РК: 1: 125), «Весь живот прах возьми» (*живот* в значении 'рабочий скот', 'все движимое имущество') (Толковый словарь: 1: 555–556) (*прахом взяться* – 'исчезнуть' (свердл.)) (СРНГ: 31: 70).

На акциональном уровне данная модель могла реализовываться посредством помещения в углубление в виде восьмиконечного креста, символизировавшего могилу, что, согласно материалам Костромской губернии, практиковалось старообрядцами (Левенстим: 22–23). Семантика перемещения и исчезновения может в некоторых формулах пониматься буквально, однако подобные тексты зачастую метафорически означали смерть в силу того, что при перемещении движение направлено вниз (ср. эвфемистическое обозначение смерти в русских диалектах как движения вниз, под землю: *уйти книзу*, *пойти в землю*). Кроме того, стоит упомянуть значение глаголов *пропадать*, *теряться*, обозначающих смерть (СД: 5: 59), и лексемы *тартар* – 'ад, преисподняя' (Толковый словарь: 4: 402). Названные в текстах локусы указывают на незавидную посмертную участь поклявшегося ложно. На акциональном уровне смертный исход символизируют детали похоронного обряда: моделируется пространственная ситуация, обратная норме, служащая отсылкой в иной, подземный мир. Тексты клятв содержат также упоминание о таком изменении положения объекта в пространстве, как переворачивание: «...чтобы и меня так же перевернуло» (на акциональном уровне вредоносное воздействие иницируют переворачиванием иконы), Тамбовская губ.; «Переворотит мой дом кверху донизу», Московская губ. (АРГО: 9, 20). Во вредоносной магии переворачивание – один из способов наведения порчи, призванных иницировать болезнь, смерть и пр., в том числе глобальные изменения к худшему в жизненном укладе, хозяйстве, семье (см. *перевертыши* в значении 'резкое болезненное изменение внешнего вида кого-либо' (арх.), *перевертываться* – 'умереть, подохнуть' (арх., свердл., бурят.) (СРНГ: 26: 46, 47), *дом* – 'распорядок', 'хозяйство', 'семья' (Толковый словарь: 1: 479)).

Следующей достаточно популярной моделью является инициирование болезни (кишечного заболевания, нарыва, гангрены, грыжи) / удушья. Проиллюстрируем первый вариант: «...пройми меня кровяной понос», «чтобы мне сел типун на язык», «...чтобы в мои ноги включился антонов огонь» (при произнесении клятвы клянущийся водит свечой по голым ногам, как бы указывая на объект негативного воздействия и акционально усиливая его), Орловская губ. (Тенишев: 143, 144, 145), «...будь я искиловат», Костромская губ. (РК: 1: 125). Болезнь должна была пристать, проникнуть в тело, поразить его. Инициирование удушья, последствием которого могла стать преждевременная смерть поклявшегося ложно, реализуется в следующих текстах:

«...чтоб мне первым куском поперхнуться (подавиться)» (Пословицы: 182), «Чтобы у меня скотина подавилась тем клоком сена, который я украл у Егорки», Орловская губ. (Тенишев: 141), «Подавись я Христовым яичком на первый день Пасхи!», Тульская губ. (АРГО: 28).

В последнем случае подключается также еще одно значение – невозможность совершить действия, связанные с православным обиходом, в частности разговеться. Содержащие подобные клятвенные формулы ритуалы могут включать элемент испытания:

«...когда стану есть этот комок <земли>, чтоб я им подавился. <...> чтобы я захлебнулся водой, в которой стоял животворящий крест Господень», Орловская губ. (Тенишев: 144), «Божатся хлебом с солью, чтобы подавиться», Уфимская губ. (АРГО: 10).

Такие ритуалы, напоминающие ордалии, являлись, с точки зрения крестьян, эффективным средством идентификации клятвопреступника.

Чрезвычайно продуктивной моделью является инициирование физического повреждения (вплоть до уничтожения, влекущего за собой смерть), нарушения целостности и цвета тела, при этом крайне редко в текстах упоминается о физическом уничтожении имущества. Данная модель может реализовываться в следующих вариантах:

уничтожить огнем / нанося удар:

«Сожги мою головушку адский огонь», Смоленская губ. (Тенишев: 145), «В огне сгореть!», Нижегородская губ. (АРГО: 22), «Сгори мой дом» (Толковый словарь: 1: 479), «Разрази меня гром!» (СД: 2: 513), «порази меня Царь Небесный», Пермская губ. (Успенский: 40), «Мать Пресвятая Богородица, разрази мою грешную утробу», Смоленская губ. (Тенишев: 140) (см. *разразить* в значении 'поражая, уничтожить' (Толковый словарь: 4: 41), *поражать* – 'наносить удар' (Толковый словарь: 3: 321));

разрываться, трескаться:

«Лопни мои глаза. Лопни мое чрево», Смоленская губ. (Тенишев: 140), «тресни моя утроба!», Новгородская губ. (РК: 7: 172), «Разорви утроба!», Нижегородская губ. (АРГО: 22), «Дай, Господи, что бы мой лоб расскочился», Новгородская губ. (РК: 7: 205) (см. *раскочиться* в значении 'расколоться, треснуть' (фолькл., костром.) (СРНГ: 34: 211));

отделяться от тела, выходить наружу:

«Отвались, мои руки-ноги», Тульская губ. (АРГО: 27), «Скатись моя голова с плеч», «Дай, Господи <...> чтобы из брюха кишки выползли», «Отсеки мою голову!», Новгородская губ. (РК: 7: 205);

изменять цвет (зачастую подобные тексты включают уподобление тела клянущегося объектам, составляющим предмет спора / иска):

«На межах божатся: почернеть бы, как сыра земля», Харьковская губ. (АРГО: 17); «...если украл у Егора копну или охапку сена с луга, то чтобы мне позеленеть зеленее пропавшей травы», Орловская губ. (Тенишев: 141) (подобная телесная трансформация свидетельствует об отклонении нормы, так как здоровое тело ассоциировалось с белым и красным (румяным) цветом; черный цвет в народной культуре символизировал болезнь и смерть (СД: 5: 513–515), а зеленый рассматривался как следствие болезни: «Он, после болезни своей, не только пожелтел, позеленел» (Толковый словарь: 3: 237));

деформировать:

«как этот ощепок изжарило и изсушило, жаром, так чтобы и меня свернуло и скорчило» (данную формулу произносил обвиняемый, поставив зажженный ощепок лучины на сутки перед иконой), Костромская губ., «...чтобы <...> меня перекосоротило», Орловская губ. (см. также упоминание об ожидаемом эффекте божбы: когда клянущийся «...будет целовать крест и икону, то у него перекосятся лицо», Пензенская губ. (Тенишев: 140, 144, 141)), «скорчи выкорчи», Костромская губ. (РК: 1: 29), «Вздуй мое брюшенько выше колокольни!» (СД: 2: 513);

искалечить:

«чтобы <...> я бы обубожил» (как следствие гангрены), Орловская губ. (Тенишев: 145) (см. *убогий* в значении 'увечный', 'калека' (Толковый словарь: 4: 470)), «Чтобы <...> были бы мои дети калеками», Орловская губ. (Тенишев: 143).

Стоит отметить, что многие из упомянутых физических повреждений несовместимы с жизнью, то есть, по сути, должны повлечь за собой смерть клянущегося.

Популярной является также модель, связанная с лишением зрения, слуха, разума, сил, соков, способности говорить, двигаться, действовать:

«Чтоб мне ослепнуть!», Архангельская губ. (АРГО: 23), «Чтобы у меня потемнели глаза темнее темной ночи», Орловская губ., «Не видать мне Божьего храма», Смоленская губ. (Тенишев: 143, 140), «...не видать мне ничего», Тамбовская губ. (Астров: 50), «на себе креста не видать» (Паппе: 23), «Не увидь я света белого, солнышка ясного, родимых детушек (если подозреваемый холост, то говорит – родного отца с матерью)», «...моему первенцу не видать света!», Новгородская губ. (РК: 7: 172)

(предикат *не видеть*, как уже упоминалось, мог употребляться как в прямом, так и в переносном смысле; в данном случае за отсутствием контекста такие тексты весьма условно отнесены к модели ослепления; в текстах, где упоминаются святыни (храм, крест), актуальной оказывается и невозможность приобщиться к ним, а следовательно, разрыв связи с Богом), «Чтоб <...> оглохнуть» (Пословицы: 182), «...обезумей я», Орловская губ. (Тенишев: 145) (стоит отметить,

что лишение ума в народных представлениях отнимало у человека и душу, уподобляло его животному и фактически приравнивало к мертвецу; приобретенное сумасшествие относилось к категории постыдных заболеваний и вело к социальной изоляции (Попов: 364, 369),

«Доведи Бог не поднять этой соломинки», Новгородская губ. (РК: 7: 205), «Чтоб мне через год засохнуть», «Отсохни у меня руки», «Отсохни язык», Смоленская и Орловская губ. (Тенишев: 140, 141, 142), «...через три дня высохните, дети», Вятская губ. (АРГО: 22), «Иссохни моя душенька!», Новгородская губ. (РК: 7: 205) (в данном случае душа выступает как телесный орган (СД: 5: 249)),

«Если неправда, высуши меня, Господь, как эта палочка сухая» (в данном случае иссушение как достаточно популярная модель дублировалось и на акциональном уровне: клянущегося переводили через сухую палку), Симбирская губ. (АРГО: 13), «Околеть на месте» (ветл., костром.) (см. *околеть* в значении 'стать неподвижным', 'замереть' (костром.)) (СРНГ: 23: 136), «Отоймись, рука и нога» (СД: 2: 513), «с места не сойти» (Астров: 50), «пусть святой крест не позволит мне встать», Костромская губ. (Левенстим: 23), см. также упоминание об ожидаемом эффекте ритуала: «...когда станет пить святую воду, то отнимется язык», Пензенская губ. (Тенишев: 141) (стоит отметить, что утрата способности говорить лишает человека власти, права голоса, веса, влияния и фактически уравнивает его с животным [8: 31, 34]).

Достаточно редко встречается модель, связанная с лишением возможности удовлетворить физиологические потребности / совершить физиологический акт: «...чтобы я до веку не наедался и постоянно был голоден», Орловская губ., «чтобы мне не разродиться», Костромская губ. (Тенишев: 143, 140), «дай Бог не разродиться моей жене!», Новгородская губ. (РК: 7: 172) (в последних двух случаях очевидным последствием являлась смерть как матери, так и ребенка).

Следующая модель связана с невозможностью совершать действия, предусмотренные православным обиходом: «Да пусть же меня сама Пресвятая Богородица <...> не допустит и ко великому причащению», Тамбовская, Воронежская, Саратовская губ., «пусть же нам не будет подходу и под святое евангель», Тверская губ. (такая формула могла произноситься в контексте ритуала с целью выявления виновных, поскольку обряд зачастую предполагал целование Евангелия) (Муллов: 625–626), «Не дай, Бог мне разговеться!», «Не возложи я на себя креста!», Туль-

ская губ. (АРГО: 22, 28). Лишаясь возможности совершать подобные действия, клятвopреступник автоматически утрачивал принадлежность к крестьянскому социуму, к категории «своих», православных (см. *крестьянин* в значении 'крещеный человек' (Толковый словарь: 2: 195)). Кроме того, это означало также утрату связи с Богом, воспринимаемую как духовная смерть, что обеспечивало клятвopреступнику незавидную участь как в земном, так и загробном мире. Стоит отметить, что клятвopреступление, согласно материалам Ярославской губернии, считалось в традиционной культуре тяжким грехом, соотносимым с забвением Бога (РК: 2: 274) и одновременно сближающим человека с нечистой силой: «В напрасне побожиться – чорта лизнуть» (Пословицы: 181).

Последняя модель, встречающаяся в клятвенных формулах, заключается в инициировании плохой доли на том свете: «Не дай моим мертвым деточкам разговеться!», Тульская губ. (АРГО: 27), «чтоб моим родителям на том свете места не было», Тульская губ. (РК: 6: 427). Здесь стоит также отметить, что исследователи, анализирувавшие тексты проклятий, предполагают, что пожелание слепоты может также метафорически означать пожелание неблагополучного пребывания на том свете для проклинаемого, а не только для его усопших родственников. Так, Н. И. Толстой рассматривает болгарское проклятие «Да му ее не види!» в ряду пожеланий неблагоприятной посмертной участи «...чтобы ему, т. е. адресату, было ничего не видно на том свете» [13: 205], что подтверждается и материалами, приведенными М. В. Ясинской [15: 85]. Возможно, подобное метафорическое осмысление применимо и к тестам клятв, хотя данный вопрос нуждается в отдельной проработке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опираясь на анализ клятвенных формул, а также представлений, связанных с клятвopреступлением и его последствиями, можно реконструировать систему ценностей, значимых в рамках крестьянского сообщества. Самой важной витальной ценностью считалась, безусловно, жизнь. В силу табуированности темы смерти в крестьянской культуре она достаточно часто инициировалась посредством образных оборотов и эвфемизмов. Поскольку результатом клятвopреступления должна была стать неестественная, преждевременная кончина, зачастую не сопровождавшаяся соответствующими обрядами, считавшаяся «плохой» и грозящая опасными последствиями, можно

утверждать, что особую ценность имела «правильная» смерть», то есть естественная кончина от старости, ритуально оформленная в соответствии с православными обычаями. Кроме того, в народной аксиологии обретала ценность и посмертная судьба человека, его загробная участь, которая, как и жизнь в земном мире, должна была быть благоприятной. Важнейшей витальной ценностью было также здоровье, осмысливаемое не только как отсутствие болезней, но и как телесная целостность, то есть отсутствие увечий и наличие жизненных сил. С учетом образа жизни крестьян, утрата здоровья означала ограничение, а в некоторых случаях даже утрату социальных связей.

К категории трансцендентных ценностей относился Бог, утрата связи с которым интерпретировалась как духовная смерть. В то время как само по себе клятвопреступление осмыслялось как заб-

вение Бога, сближающее человека с дьяволом, в текстах клятв этот мотив реализовывался в виде лишения возможности совершать действия, связанные с православным обиходом, что одновременно исключало клятвопреступника из категории «своих». Акцент на ценности социальных связей, в частности расширенных семейно-родственных, объединяющих в том числе умерших предков и потомков, обеспечивался за счет упоминания в качестве залога жизни, здоровья и благополучия ближайших родственников, причем, учитывая то, что в текстах объектом вредоносного воздействия часто являются дети, в качестве особой ценности следует рассматривать возможность сохранения и продолжения рода. Все эти ценности являлись первостепенными, на фоне которых имущественные интересы отступали на второй план.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Штейнгольц А. Отражение древнерусских верований в русском лексиконе: Дис. ... д-ра философии по русскому языку. Тарту, 2006. С. 43, 53.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АРГО – Архив Русского географического общества. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Пономарев С. М. Обыск. Божба. Освидетельствование девушки. пытки. Л. 9–34.
- Астров – Астров П. И. Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда, Тамбовской губернии // Труды Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.: Типография А. Левенсон и К°, 1889. Т. 61. Кн. 9. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: Обычное право, обряды, верования и пр. Вып. 1. С. 49–57.
- Бондаренко – Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 62–89.
- Борисовский – Борисовский А. Приметы, обычаи и пословицы в пяти волостях Нижегородского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Нижний Новгород: Нижегородский статистический комитет, 1870. Т. 3. С. 197–225.
- Левенстим – Левенстим А. А. Присяга на суде по народным воззрениям // Вестник права. 1901. № 6. С. 3–28.
- Муллов – Муллов П. А. Несколько слов о материалах для объяснения народного юридического быта // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Типография Куколь-Яснопольского, 1867. Т. 1. С. 615–635.
- Паппе – Паппе А. О. доказательствах на волостном суде // Труды Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.: Типография А. Левенсон и К°, 1889. Т. 61. Кн. 9. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: Обычное право, обряды, верования и пр. Вып. 1. С. 19–24.
- Попов – Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. 404 с.
- Пословицы – Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: В 2 т. Т. 2. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. 638 с.
- РК – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. Т. 1. 568 с.; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб.: Навигатор, 2006. Т. 2. Ч. 2. 558 с.; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. Т. 6. 599 с.; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб.: Навигатор, 2009. Т. 7. Ч. 2. 624 с.
- СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2014. Т. 1–5.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.: СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52.

Тенишев – Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту: Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск: Типография Л. И. Итина и К°, 1907. 192 с.
Толковый словарь – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880–1882. Т. 1–4.
Успенский – Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник: Повременное издание. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1859. Кн. 1. Отд. 4. С. 3–41.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауэр Т. В. Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX – начало XX веков) // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 3. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189
2. Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // Jezikoslovni zapiski. 2017. № 2 (23). S. 67–81. DOI: 10.3986/JZ.23.2.6901
3. Вендина Т. И. Базовые категории русской традиционной культуры (жизнь и смерть) // Категории жизни и смерти в славянской культуре: Сб. ст. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 6–24.
4. Виноградова Л. Н. Концептуализация понятий «добра» и «зла» в малых фольклорных жанрах (Благопожелания и проклятия как аксиологические тексты) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М.: Индрик, 2015. С. 53–80.
5. Малинович Ю. М., Малинович М. В. Модусы речевого акта обещания: клятва в индоевропейских культурах // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 220–230.
6. Митронов И. А. Клятва как культурный концепт: дефиниционный анализ номинантов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 9 (152). С. 80–83.
7. Митронов И. А. Речевой акт «клятва» в обыденной сфере общения: коммуникативно-семантический, типологический, аксиологический и гендерный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 12. С. 3778–3783. DOI: 10.30853/phil20210605
8. Морозов И. А., Бутовская М. Л., Махов А. Е. Обнажение языка: Кросс-культурное исследование семантики древнего жеста. М.: Языки славянской культуры, 2008. 320 с.
9. Рабенко Т. Г. Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). С. 122–126.
10. Сиразиева З. Н. Специфика и средства реализации прагматических функций речевого жанра «клятва» в русско- и англоязычном общении // Вестник Волгоградского университета. 2015. № 4 (28). С. 41–45.
11. Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка: Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. 704 с.
12. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 368 с.
13. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
14. Чесноков И. И., Чеснокова П. Аксиологические параметры речевого акта «клятва» в русской и чешской лингвокультурах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (119). С. 110–115.
15. Ясинская М. В. «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. 2013. № 2. С. 79–89.
16. Engelking A. Rytuály słowne w kulturze ludowej. Proba klasyfikacji // Język a kultura. T. 4. Wrocław, 1991. S. 75–85.

Поступила в редакцию 27.06.2025; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Tatiana V. Bauer, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

SEMANTICS OF CAUSING HARM IN OATH FORMULAS
(a study of traditional Russian culture)

Abstract. The study underscores the importance of examining the worldview of the Russian peasantry for the preservation of ethnocultural identity. The primary aim of the article is to analyze oaths that feature, as a common component, lexical units with the semantics of causing harm. The work uses some elements of the ethnolinguistic

approach, particularly the methods of semantic reconstruction, which enable to recreate the worldview features and value orientations of the bearers of traditional culture. The material corpus for the study comprises oath formulas from published materials of the archival collection of the “Ethnographic Bureau” of Prince Vyacheslav Tenishev and the manuscript collection of S. M. Ponomarev stored in the Archives of the Russian Geographical Society, as well as from folklore and ethnographic collections and dictionaries. The study identifies and analyzes the primary semantic models associated with causing harm, which could be combined during ritual practices. It is observed that lexemes and fixed expressions “responsible” for causing harm often carry figurative meaning. The findings suggest that the most important values for peasants included life, a “proper” death, favorable posthumous fate, health, family ties, the ability to preserve and continue the family line, and a spiritual connection with God. In contrast, material property interests were on the periphery of the value system.

Key words: oath, verbal magic, semantics, harmful influence, folk axiology, traditional culture, Russian peasants

For citation: Bauer, T. V. Semantics of causing harm in oath formulas (a study of traditional Russian culture). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):90–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1254

REFERENCES

1. Bauer, T. V. Oath in legal tradition as a reflection of value system of Russian peasantry (mid-19th to early 20th century). *Nauchnyi dialog*. 2024;13(3):170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189 (In Russ.)
2. Berezovich, E. L., Surikova, O. D. Reconstructing the vocabulary of Russian popular imprecations: general characteristics of the imprecation predicate. *Jezikoslovni zapiski*. 2017;2(23):67–81. DOI: 10.3986/JZ.23.2.6901 (In Russ.)
3. Vendina, T. I. Basic categories of Russian traditional culture (life and death). *Categories of life and death in Slavic culture: Collection of articles*. Moscow, 2008. P. 6–24. (In Russ.)
4. Vinogradova, L. N. Conceptualization of the concepts of “good” and “evil” in small folklore genres (good wishes and curses as axiological texts). *The category of evaluation and the system of values in language and culture*. Moscow, 2015. P. 53–80. (In Russ.)
5. Malinovich, Yu. M., Malinovich, M. V. Modes of the speech act of promising: oaths in Indo-European cultures. *Logical analysis of language. Linguofuturism. Language's glimpse into the future*. Moscow, 2011. P. 220–230. (In Russ.)
6. Mitronov, I. A. Oath as a cultural concept: definitional analysis of nominates. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020;9(152):80–83. (In Russ.)
7. Mitronov, I. A. Speech act “oath” in everyday communication: communicative-semantic, typological, axiological and gender aspects. *Philology. Theory & Practice*. 2021;14(12):3778–3783. DOI: 10.30853/phil20210605 (In Russ.)
8. Morozov, I. A., Butovskaya, M. L., Makhov, A. E. Protruding the tongue: A cross-cultural study of the semantics of an ancient gesture. Moscow, 2008. 320 p. (In Russ.)
9. Rabenko, T. G. Oath as a fideistic speech genre. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;13(194):122–126. (In Russ.)
10. Sirazieva, Z. N. Peculiarities and means of pragmatic functions realization in speech genre “oath” in Russian and English communication. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2015;4(28):41–45. (In Russ.)
11. Tolstaya, S. M. The world of man in the mirror of language. Essays on Slavic linguistics and ethnolinguistics. Moscow, 2019. 704 p. (In Russ.)
12. Tolstaya, S. M. Semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics. Moscow, 2010. 368 p. (In Russ.)
13. Tolstoy, N. I. Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics. Moscow, 1995. 512 p. (In Russ.)
14. Chesnokov, I. I., Chesnokova, P. Axiological parameters of the speech act “oath” in Russian and Czech linguistic cultures. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;119(6):110–115. (In Russ.)
15. Yassinskaya, M. V. “To see no daylight” (the motive of eyes and eyesight in the formulas of South-Slavic curses). *Slavianovedenie*. 2013;2:79–89. (In Russ.)
16. Engelking, A. Rytuály słowne w kulturze ludowej. Proba klasyfikacji. *Język a kultura*. T. 4. Wrocław, 1991. P. 75–85.

Received: 27 June 2025; accepted: 30 September 2025

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ КОНККА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
konkka49@mail.ru

ЖЕРТВЕННЫЕ И ПОЧИТАЕМЫЕ ДЕРЕВЬЯ КАРЕЛО-ФИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (по материалам конца XIX века)

А н н о т а ц и я . Почитаемые деревья и деревья, которым приносят жертвы, известны с глубокой древности у разных народов. Древнейшие «святые места» выглядели как ландшафт из камней, воды (то есть источника, ручья или берега водоема) и деревьев. Со времен Средневековья на берегах Финского залива у финнов и эстонцев были известны жертвенные рощи хийси. Это были огороженные участки леса, в которых происходили общественные жертвоприношения. Исследователи придерживаются того мнения, что хийси были центрами поселенческих комплексов. Уно Холмберг-Харва допускает мысль, что единичные почитаемые деревья у домов, сохранившиеся вплоть до XX века, суть остатки древних рощ наподобие хийси. Заметим, что этот вопрос до настоящего времени остается дискуссионным, поэтому одной из задач данной статьи является введение в научный оборот (в особенности для русскоязычного читателя) имеющихся материалов по данной тематике. В карельских деревнях на границе России и Финляндии еще во второй половине XIX века имелись жертвенные ели, от состояния которых зависели благополучие, здоровье и жизнь членов семьи и рода. Поэтому деревьям следовало жертвовать (относить к корням) частицу всего, что появлялось в доме съестного, а также потчевать духа-хозяина дерева угощением с праздничного стола. Помимо елей в регионе были известны также жертвенные сосны, березы, рябины, можжевельники. Во многих местах им жертвовали первое молоко после отела коровы, выливали под корни первую кровь забитого осенью животного и приносили чашку мясного супа. Все это говорит об особой связи жертвенного дерева с домашним скотом. Главной функцией родового дерева была охранительная, которая касалась не только членов рода, но и всего хозяйства. Дерево выступало как представитель умерших родственников – предков рода, природных сил – духов леса и земли.

К л ю ч е в ы е с л о в а : жертвенные и почитаемые деревья, священные рощи, связь дерева с семьей и родом, предками и персонифицированными праздниками

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Конкка А. П. Жертвенные и почитаемые деревья карело-финского пограничья (по материалам конца XIX века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1255

ВВЕДЕНИЕ

Обычно, когда заходит речь о священных рощах и почитаемых деревьях, говорят о сибирских, марийских или удмуртских рощах, иногда вспоминают средневековых авторов, упоминавших о почитаемых рощах германских народов. Однако подобные рощи и отдельные деревья относительно недавно еще стояли в западных приграничных районах Российской империи, в том числе в Карелии и Финляндии. Более того, некоторые из этих деревьев стоят и поныне.

В данной статье речь пойдет о карело-финском пограничье – территории вдоль старой российско-финской границы в Приладожье, а также более северных областях, то есть по большей части об историческом регионе сложения карельского этноса. Пограничье здесь понимается в широком смысле: представлен преимущественно неизвестный русскому читателю финноязычный материал в основном из пограничных приходов как на российской, так и финской стороне, которые ранее могли быть довольно большими.

К тому же следует заметить, что на южном отрезке государственной границы, в районе Приладжья, при наличии госграницы, этнической границы, а во многих местах и конфессиональной (по обе стороны границы проживали православные карелы) не существовало. В более северной части (мы не берем Лапландию) на финской стороне проживали в основном саволаксы – родственное карелам племя (на территории которого в свое время были отмечены даже православные монастыри), у которых, возможно, в силу отдаленности от центров, еще в XIX веке сохранялось много архаики, в том числе касающейся нашей темы.

Одной из проблем исследования данной тематики, инициировавших автора к написанию статьи, была проблема соотношения родовых священных рощ и отдельных почитаемых деревьев в плане их первичности-вторичности и функциональной составляющей, которая была поставлена еще в конце XIX века К. Хорнборгом на основе сведений о родовых деревьях и рощах саволаксов, называемых «карсикко», обсуждение статьи которого в той или иной степени продолжается до нашего времени (включая автора данной статьи на страницах журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» [5]) и начинает напоминать пресловутый спор о курице и яйце. В том числе поэтому (помимо, конечно, ценности самого материала о родовых деревьях и рощах) автор решил вынести на суд читателя подборку материала по теме, снабдив его некоторыми имеющимися в наличии историческими данными.

Примеры для данной подборки взяты из разных источников. Прежде всего это сведения, полученные из Фольклорно-этнографического архива Общества финской литературы (SKS), а также 35-томного собрания «Старых рун финского народа» (SKVR), в котором карельские материалы занимают несколько томов. Это и три тома SKMT – финской (и карельской) скотоводческой магии, представляющих собой сборник полевых записей, вышедший в 30-е годы прошлого века. Имеются несколько заимствований из трудов известных ученых, но также помещен обзор данных по нашей тематике в статьях научно-популярного характера, опубликованных в последней четверти XIX века в периодических изданиях Savonlinna, Uusi Suometar и Uusi Kuvalehti, известных своей этнографической направленностью.

Несмотря на огромную литературу по культу деревьев, историография данной конкретной темы (что первично – отдельное родовое дерево или роща) в отечественной литературе

практически отсутствует, так как отдельные почитаемые деревья, если они и были когда-нибудь связаны с конкретным родом, давно превратились в общественные заветные (примеры которых имеются также в данной статье) или были изначально таковыми. С родом или родовым объединением на наших восточных территориях (начиная с Поволжья) были связаны священные рощи, что наиболее ярко проявилось у марийцев и западносибирских народов. Начиная со второй половины XX века в работах отечественных этнографов стал выделяться блок данных об отдельных почитаемых деревьях, связанных с какими-то индивидуальными особенностями, выделяющими их из остального леса, деревьях священных рощ, деревьях на могилах исторических личностей, шаманов, колдунов и т. д. Из многочисленных примеров можно привести работы Е. А. Алексеенко по кетам (см. [2] и другие статьи этого сборника) и З. П. Соколовой по угорским народам [8]. Основная же литература последнего времени была связана с дендромифологией, изучающей мифологическую составляющую отдельных пород деревьев (если ограничиваться деревьями) в верованиях и их присутствии в обрядах в качестве ритуального символа. По славянским народам это легче всего проследить по словарю «Славянские древности» [7] и обобщающему труду Т. А. Агапкиной [1]. Но дендромифология – совершенно другая тема, не имеющая прямого отношения к данной статье, хотя материал здесь найдется и для нее.

* * *

Почитаемые деревья и деревья, которым приносят жертвы, известны с глубокой древности у разных народов. Древнейшие «святые места» выглядели как ландшафт из камней, воды (то есть источника, ручья или берега водоема) и деревьев. Священное место у многих народов, воспроизводя частичку естественного окружения, являлось своего рода микрокосмом.

Со времен Средневековья на берегах Финского залива у финнов и эстонцев были известны жертвенные рощи *хииси*. Это были находившиеся на возвышениях поросшие лесом огороженные участки земли, в которых происходили общественные жертвоприношения. Исследователи придерживаются того мнения, что *хииси* были центрами поселенческих комплексов, в которые входили укрепления, земледельческие площади, собственно поселения и кладбища. Этимологически данное слово, вероятно, связано с древнегерманским *Hizi* в значении ‘потусторонний мир’¹. Известный финский этнолог Уно Холмберг-Харва допускал мысль, что единич-

ные почитаемые деревья у домов, сохранившиеся вплоть до XX века, суть остатки древних рощ наподобие хийси (рис. 1).

Рис. 1. Жертвенная ель рода Киннуненов. Сяяминки, Южное Саво, Финляндия. Из книги Harva U. *Suomalaisten muinaisusko*. Helsinki, 1948. S. 300

Figure 1. The sacrificial fir-tree of the Kinnunen family. Sääminki, South Savo, Finland. From the book *Suomalaisten muinaisusko* by Uno Harva. Helsinki, 1948. P. 300

Как сообщают некоторые путешественники, в каждом доме в карельских деревнях на границе России и Финляндии еще во второй половине XIX века имелись *жертвенные ели*, от состояния которых зависели благополучие, здоровье и жизнь членов семьи и рода² [9: 47]. В этих местах большинство домов в поселениях стояли разрозненно и участки были большими. Деревья при этом не обязательно находились у самого дома, а могли быть у риги, бани или в отдалении на родовых землях – межах и сенокосах. Этим деревьям следовало жертвовать (относить к корням) частицу всего, что появлялось в доме съестного, а также потчевать духа-хозяина дерева в большие праздники угощением с праздничного стола. О домашних жертвенных елях рассказывали в деревне Кудамогуба Поросозерской волости Олонецкой Карелии так:

«Могли вырастить ель, вырастить ель во дворе (pihakuusi). Корни ее поливали водой, лили на корни мясную или рыбную похлебку и другую еду приносили»³.

Почитаемых деревьев касалось строгое табу: верили, что нанесение им вреда не может обойтись без тяжелых последствий для нарушителя векового запрета, а «преступление против дерева воспринималось как преступление против рода», пишет академик Мартти Хаавио [9: 55]. Если же по каким-то причинам временно не производились обусловленные традицией приношения дереву, то тогда приходилось уже приносить в жертву целое домашнее животное: относительно Палтамо (пограничная провинция Кайнуу) в архивных материалах Х. Мерилайнена имеется запись о том, что «лес спрячет» (*metsä peittaa*) скотину, если хозяйка перестанет приносить к почитаемому приусадебному дереву несколько капель молока от каждой утренней дойки. Если «хозяина земли» или «хозяина леса» таким образом рассердить, то он не успокоится без специальной жертвы. Тогда надо дать обещание принести в жертву какое-нибудь животное со двора на день старого Миккели (29 сентября, соответствует Покрову), кровь жертвы выпустить под корни дерева, а внутренности закопать под деревом в земле. Обещание это следует в точности исполнить, иначе двор ждет полное разорение [12: 97–98]. Таким образом, речь здесь идет, собственно, о заветном (обетном) дереве. Деревья под названием *заветные* известны на территории всего российского Севера. Правда, в России они, как правило, почитались всей общиной.

Уно Холмберг (Харва) замечает, что имеются данные о периодических осенних календарных жертвоприношениях деревьям, и приводит несколько примеров из Саво и финской Карелии о жертвоприношениях баранов и овец родовому дереву. Упоминает он и сведения из российской Беломорской Карелии, например из волости Тихтозеро, о «вечном обете», когда при строительстве дома дается обещание ежегодно на Покров приносить в жертву домовому овцу, которую варили и съедали целиком с приглашенными гостями. Кровь, внутренности, кости и остатки еды относили в тот же вечер после трапезы на жертвенное место дома, под родовое дерево. Известно также, что у дома могли в качестве жертвенной рощи оставить нетронутыми несколько деревьев, при этом давали обет никогда не трогать их под страхом смерти [10: 307].

«В доме Пеннанен (на юге финской Северной Карелии в Китее) Юрьев день считался праздником. Тогда нельзя было в доме греметь и говорить громко. Большую ель на меже поля у дороги тогда почитали и одаривали. К корням ели относили еду: пироги, масло, молоко, яйца и мясо. Если животное умирало посреди лета, то объ-

ясняли это тем, что Юрьев день отпраздновали не так, как положено»⁴.

Интересно, что родовое дерево могло быть «представителем» духа местности, которого следовало информировать об изменениях в количестве постоянных жильцов дома:

«Когда батрак или батрачка (в дер. Кимасозеро Беломорской Карелии) нанимаются в дом на работу, то остатки от первой трапезы (от каждого блюда) надо было отнести к корням жертвенного дерева, а также настрогать серебра от трех монет трех королей (монеты разного времени или трех разных государств. – А. К.)... то тогда дух земли (“хозяин земли”) будет знать, что это “свой” домоладцы и у них не будет тоски по прежнему месту обитания»⁵.

О домашних жертвенных деревьях имеются также записи с севера Олонецкой Карелии: когда в Муезере Ребольской волости отправлялись сеять, то из приготовленного для сева зерна мололи муку для каши и на завтрак варили так называемую *кашу сева* (*kylvöruuro*). Когда кашу попробовала вся семья, остатки ее относили к корням почитаемого (родового, жертвенного) дерева для Пеллервойнена (мифологический персонаж, засеявший в начале времен землю растительностью) и хозяев земли с заговором, в котором обращались к хозяйке земли с просьбой дать засеянной земле силу⁶.

Известны также случаи, когда приусадебные почитаемые деревья превращались в общественные: в Липери (провинция Северная Карелия) были зафиксированы общественные обряды жертвоприношений, когда жители всего поселения собирались у одного из таких деревьев. Подобным деревом была и Покровская ель в карельском приходе Суйстамо. В деревне Пюёриттая Суйстамского прихода Приладожской Карелии (рис. 2) на Покров под большую Покровскую ель на кладбище относили деньги, зерно и еду, веря, что Покров сохранит домашнее стадо. К тому же дереву болеющие женскими болезнями и страдающие бесплодием женщины привязывали ленты из своих волос, говоря: «Освободи, святой Покров, меня от этого недуга»⁷ [12: 295–296]. Священными рощами можно назвать, отмечает Юлиус Крон, и те старинные кладбища, которые сохранили современные поколения от ушедшего в Россию (тверские, новгородские и прочие группы карел) в XVI веке карельского населения после присоединения к Швеции Корельского уезда. Таковыми были, к примеру, Русский и Ольховый ельники в Соанлахти (на берегу озера Янисъярви, ныне в Суоярвском районе Республики Карелия). Посредине первой рощи была большая ель, к корням

которой приносили шерсть животных в Егорьев день. Во второй раз, на 5 мая, устраивали «праздничную иллюминацию» из свечей, которые использовали во время обхода скота при первом выгоне [12: 97]. Интересно, что бывшее кладбище превратилось в место жертвоприношения «скотным богам», на самом же деле покровские и егорьевские обряды, скорее всего, были направлены на умиловление захороненных в этом месте предков, от которых полностью зависела удача в хозяйственных делах.

Рис. 2. Старое кладбище в д. Пюёриттая (Суйстамо). Приладожская Карелия. Фото А. Хирсъярви, 1935 год. Museovirasto KK1899:195

Figure 2. Old cemetery in the village of Pyörittaja (Suistamo). Ladoga Karelia. Photo by A. Hirsjärvi, 1935. Museovirasto KK1899:195

Помимо елей в регионе были известны также жертвенные сосны, березы, рябины, иногда выделяющийся своими размерами можжевельник. В изданном в конце XIX века путевом дневнике «Картинки из Пограничной (Приладожской) Карелии» О. А. Форсстрём рассказывает, что по обе стороны границы можно встретить

«в лесных деревьях почитаемые деревья, которые народ называет “риштапуу” (крестовые деревья. – А. К.). Это жертвенные сосны былых времен, и около них еще и сегодня осуществляют всяческие жертвоприношения. Хозяйки относят туда горшочки с молоком, чтобы получить удачу в разведении скота, прикрепляют к веткам дерева пучки шерсти и льна или привязывают к ним нитки»⁸.

Такое дерево Форсстрём видел в Олонецкой Карелии, в селе Видлица:

«Это была сухостойная сосна, около километра от деревни, на обочине столбовой дороги. У жертвенной сосны поставлен крест с крышей... Все нижние ветви жертвенной сосны были обрублены топором. На земле много обломков глиняных горшков... В щели (на стволе) дерева были всунуты нитки, небольшие пучки шерсти и тому подобное»⁹.

Форсстрём побывал в Видлице в 1882 году. Данное описание интересно, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, из него следует, что общедеревенским жертвенным деревом было *карсикко*, во-вторых, это хороший пример для объяснения того, откуда взялись шерсть, лен и другие подношения в часовнях, да и само начало часовни (деревянный крест под крышей) находится тут же, под деревом. Многие свидетельства как относительно жертвенных рощ, так и отдельных жертвенных деревьев на территории Карелии и на более восточных территориях вплоть до Урала подтверждают, что жертвенные деревья при ближайшем рассмотрении оказываются деревьями-карсикко, то есть особым образом обрубленными или отмеченными другим способом деревьями-знаками [3], [5].

Здесь нельзя не вспомнить о самой знаменитой сосне в Карелии – сосне Рокаччу на могиле полумифического героя шведских войн, богатыря и колдуна Ивана Рокаччу на кладбище деревни Тикша Муезерского района. Первое краткое описание могилы дается финским архитектором Юрье Блумстедтом в журнале «Финский Музей» в 1895 году¹⁰ [9: 22–24]. В статье упоминается, в частности, бревенчатый сруб по периметру большого могильного холма, каменная куча на нем и три старых сосны, растущих на могиле. Из них до нашего времени сохранилось одно дерево, ствол которого в 1990-е годы был обвязан длинными отрезами белой материи и лоскутами ткани. В корнях дерева обнаружилось скопление монет и мелких бумажных денег разных лет (описание см.: [3: Приложение 64], [11: 117]). В последние десятилетия на сосне Рокаччу все больше обнаруживалось предметов одежды – приношений сосне от страждущих (обычно на сосну вешали части одежды, которые закрывали больное место: ноги – носки, руки – варежки и пр.), таким образом, сосна все более стала выполнять функцию обетного дерева при болезнях (рис. 3).

«Если около дома растет старое дерево – у моей бабушки растет в конце участка большая бородавчатая береза, а у нас большая раскидистая сосна, – рассказывала финскому собирателю Самули Паулахарью в 1913 году в дер. Войница Вокнаволоцкой волости одна из лучших знатоков севернокарельской традиционной культуры Анни Лехтонен (1886–1943), – и его срубить, то в доме умрет кто-нибудь из старших... У нас в деревне, на острове росли большие осины. Их запрещали рубить. Одна женщина их из гордости срубила. После того у нее сгорел дом, а она сама болела долго, да так и умерла. Их называли “садовыми деревьями”»¹¹.

В районе г. Сортавала еще в начале XX века во многих деревенских дворах оставались особые деревья, которых никогда не рубили и вообще

Рис. 3. Сосна Рокаччу, ствол которой полностью обвешан приношениями из текстиля. Деревня Тикша, Муезерский район РК. Фото А. Конкка, 1990 год

Figure 3. The Rokachchu pine tree with its trunk completely covered with textile offerings. The village of Tiksha, Muezersky District, Republic of Karelia. Photo by A. Konkka, 1990

не трогали. Их называли «домашними», «усадебными» и «родовыми». Это могли быть ели, сосны и березы, последние тоже были популярны в качестве «семейного дерева». Как правило, хозяин сажал их на своих землях сразу после постройки первого дома. Были также деревья, которые сажали после рождения детей (именные или личные)¹². В 1884 году в деревне Раямяля Салминской волости в Приладожье был записан текст под названием «Молитва у корней дерева», в котором обращаются к «чистому дереву» и его «хозяевам и хозяйкам», «попам и попадьям», «дьякам и дьяконицам», «пономарям и пономарицам», «казакам и казачихам» и т. д. (перечисляя всех, чтобы не забыть ненароком никого из духов, которые, возможно, имеют отношение к этому дереву) с просьбой дарования «здоровья и покоя» и освобождения от болей и просят их «следить и сторожить» (чтобы болезнь не пристала к человеку снова)¹³. Во многих местах деревьям жертвовали молоко (особенно молозиво после отела коровы), выливали под корни первую кровь первого забитого осенью животного и приносили чашку мясного супа, сваренного из этого мяса. Большая часть сохранившихся сведений говорит об особой связи жертвенного дерева с домашним скотом. В трех томах «Финской скотоводческой магии» (сборник полевых записей,

вышедший в 30-е годы прошлого века) имеется довольно много записей об использовании молозива – первого молока от коровы после отела.

Так, в финской Южной Карелии в округе Париккала молозиво (*juustomaito*) готовили в печи в глиняном горшке. Когда оно было готово, его нельзя было трогать, пока часть от него не отнесут духу земли (*maahinen*), к корням святого дерева¹⁴. В Северном Саво в приходе Пиелавеси первыми причащались к молозиву члены родового коллектива: «Говорят, что у жителей этих мест некогда было обыкновением ходить есть молозиво под жертвенную ель, прежде чем его давали другим»¹⁵. А в Северной Карелии (приход Китее) молозиво относили «носу леса» (*metsännenälle* – в данном случае персонифицированное название болезни) в корни ели, потому что ель – «старшее из деревьев»¹⁶. В Пиелавеси, в деревне Ваарислахти была когда-то жертвенная ель, которая выросла, по преданию, на месте печи в рыбной избе мифических великанов. Когда корова телилась, то жертвовали этой ели первую порцию молозива (*juusto*), да еще порцию первого мясного супа, который варили сразу после закалывания какого-либо домашнего скота, относили в жертву к корням ели. Эту ель никто не трогал. Потом гроза свалила ее¹⁷.

Приведем еще несколько рассказов о жертвенных деревьях в основном из провинции Южное и частично Северное Саво, опубликованных в последней четверти XIX века (1880–1898 годы) в периодических изданиях *Savonlinna*, *Uusi Suometar* и *Uusi Kuvalehti*.

1. В приходе Рантасалми на поле деревни Ииналампи стояло жертвенное дерево, которое уже в течение некоторого времени готовы были уничтожить, но никто не решился сделать это. Один мужчина за приличное вознаграждение, наконец, срубил его, но вследствие этого поступка для него было печальным: он заболел, да так и болел 40 лет подряд.

2. В деревне Хиисмяки прихода Рантасалми между полей имеется рощица из нескольких елей, одно из которых – большое жертвенное дерево. Каждый раз, когда убивали медведя, устраивали праздник с питьем вина и поеданием медвежьего и другого мяса, пением заклинаний, а под конец череп медведя приносили к дереву и вешали на его сук. Обычно дерево было украшено девятью медвежьими черепами.

Особенно в канун Рождества, но также и в канун дня Миккели и осеннего праздника Кекри относили к корням дерева немного от всех праздничных блюд, которые, по поверьям, духи названных праздников приходили отведать. Это де-

рево не решались рубить, потому что считалось, что за этим последует что-то нехорошее, и такое мнение было всеобщим еще в 1860-е годы.

3. В тех же местах находилась еще одна ель, к которой было особое отношение и которую боялись трогать. Некий путешествующий господин предложил одному нищему за хорошие деньги свалить это дерево. Мужчина отправился к нему, но сначала стал молиться у его корней: «Не делай мне, хорошее дерево, ничего плохого, вставай против своего неприятеля, своего недруга!» Несколько раз он ударил по дереву, оно и рухнуло. Последствием было то, что господин в рядом находящемся гостевом доме испустил дух.

4. На меже поля дома Меттели в приходе Ристиина в 1874 году с незапамятных времен стоял огромных размеров можжевельник, под которым некогда проводили магические действия в канун Иванова дня. Впоследствии его считали «хозяйном домом», и никому даже не приходило в голову как-то его повредить; наоборот – хозяйки приносили ему пожертвования. Можжевельник от старости был покрыт мхом, и, по воспоминаниям отцов и дедов, он всегда был таким. В 1835 году высота его была почти 8 метров, окружность кроны около 30 метров, а окружность комля 3,3 метра, но он раздваивался почти сразу над землей на два ствола, некоторые ветви были толщиной с туловище человека. В 1874 году молния разбила можжевельник на мелкие куски¹⁸.

5. В Хирвенсалми на горе Кетунмяки (Лисья гора) стояла жертвенная ель, которой хозяйка ближайшего дома всегда что-нибудь жертвовала. Однажды безземельный сапожник Юхо Любекки съел кашу, что была под елью. Поел, а под конец пнул дерево ногой и сказал: «Пошло вон, привидение из елки!» Тут, конечно, дух рассердился и захлопнул челюсти сапожника так, что он не смог их раскрыть. Пришлось ему помучиться, пока все у него заработало.

6. В доме Сипиля в деревне Йоусниemi раньше за ригой стояла жертвенная береза, под которую было заведено на день Миккели относить баранью голову. Однажды домработница поленилась и не стала относить голову барана под дерево, а просто бросила ее в поле, сказав: «Если не сходишь сюда, господин хороший, за головой, то, значит, и не нужна». Дух пришел за головой на поле, но, рассердившись, снес заодно и половину крыши риги. Имеются и другие примеры подобного поведения деревьев.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как мы видим из приведенных материалов, для жертвенного или почитаемого усадебного де-

рева характерно разнообразие функций. Прежде всего отметим представления о прочной связи дерева с семьей и родом, выполнения им охранительной функции, для поддержания которой необходимы были периодические жертвоприношения. Род также брал на себя обязанность выполнения определенных табу, связанных с неприкосновенностью дерева или рощи. При этом со стороны почитаемого дерева или природных сил, которые оно представляло, следовало неотвратимое наказание для тех, кто нарушал эту неприкосновенность или пренебрегал жертвоприношениями. Родовое жертвенное дерево могло быть частью некой более общей мифологической структуры, как то представителем духов данной местности, духов земли или духов леса, медиатором между человеческим и потусто-

ронным мирами (духи, предки, святые, мифологические персонажи, ср. Пеллервойнен), могло оказаться деревом-знаком, то есть карсикко, на котором в некоторых случаях вырезали историю рода – родовые знаки (клейма) умерших родственников [3: 13, 138, 141, 159 и др.]. Жертвенное дерево могло быть частью ритуала медвежьего праздника, на которое, в качестве последнего обрядового действия, вывешивались головы и кости медведя для его вторичного возрождения. Общественное жертвенное дерево могло оказаться на кладбище или на могиле легендарного персонажа, становясь обетным («заветным») деревом. Несомненно, мы представили далеко не все сведения, и при расширении ареала исследования появятся новые связи и новые функции, дополняющие картину мира жителя северных лесов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Код доступа: <http://fi.wikipedia.org/wiki/Hiisi>
- ² Holmberg U. Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 4. Helsinki: SKS, 1924. S. 71.
- ³ Suomalaisen kirjallisuuden seura (далее SKS), H. Helminen, 1488, Jankajarvi, 1943.
- ⁴ Hautala J. Vanhat merkkipäivät. Mänttä, 1983, 186.
- ⁵ Suomen kansan vanhat runot (далее SKVR) I, 4, 1981, Кимасозеро.
- ⁶ Suomen kansan muinaisia taikoja (далее SKMT) III, 227.
- ⁷ SKS, Holmberg, 584, 588. В тексте SKVR VII, 4, 2786 из Суйстамо привязывание лент к Покровской ели объясняется стремлением к избавлению от головной боли, что кажется более логичным.
- ⁸ Forsström O. A. Kuvia Raja-Karjalasta. Helsinki, 1894. S. 69.
- ⁹ Там же. S. 70.
- ¹⁰ Blomstedt Y. Venäjän Karjalan kalmistoista ja hautapylväistä // Suomen Museo. 1895. № 3-4. S. 22–24.
- ¹¹ SKS, Paulaharju, 5862, Vuonninen, 1913.
- ¹² SKS, PK 29, 5348, Moilanen M. Sortavalan mlk.
- ¹³ SKVR VII, 4, 2782, Salmi.
- ¹⁴ SKMT IV, 1, s. 135–136, Pajari.
- ¹⁵ SKMT IV, 3, s. 1435, Pielavesi.
- ¹⁶ Там же. S. 1436.
- ¹⁷ Там же. S. 1435.
- ¹⁸ Подобного рода «священный» можжевельник с тремя поклонными крестами и голбцами с «крышей» на Кенозере еще в 80-е годы стоял у деревни Телицино (фото: [6: 257]). Почитание можжевельника и отдельных можжевельных деревьев известно также у эстонцев, сето, вепсов, карел и коми [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.
2. Алексеенко Е. А. Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.): Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 29–65.
3. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013. 286 с.
4. Конкка А. П. Можжевельные кресты и магическая развилка: семантика и ритуальная практика // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 95–113.
5. Конкка А. П. Сообщение К. Х. Хорнборга 1886 года о саволакских жертвенных рощах – «карсикко» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7, Т. 1. С. 19–22.
6. Культурный ландшафт как объект наследия. СПб., 2004. 620 с.
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2014.
8. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: Сборник музея антропологии и этнографии XXVII. Л., 1971. С. 211–238.
9. Naavio M. Esseitä kansanrunoudesta. Jyväskylä: SKS, 1992. 384 s.
10. Narva U. Suomalaisten muinaisusko. Helsinki, 1948. 519 s.
11. Konkka A. Kuusi kultalattu. Pohjoisen Suomen karsikoista // Kalevalaseuran Vuosikirja 77–78. Helsinki: SKS, 1999. S. 112–139.

12. Mansikka V. J. Karjalais-inkeriläisiä pyhimyksiä ja juhlapäiviä // *Virittäjä*. 1941. № 45. S. 97–105; 289–300.

Поступила в редакцию 10.12.2024; принята к публикации 30.09.2025

Original article

Aleksey P. Konkka, Cand. Sc. (History), Senior Researcher,
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk,
Russian Federation)
konkka49@mail.ru

SACRIFICIAL AND REVERED TREES OF THE KARELIAN-FINNISH BORDER REGION (a study of materials dating to the late XIX century)

Abstract. Revered trees and trees to which sacrifices are offered have been known from ancient times among different peoples. The most ancient “holy places” looked like a landscape of stones, water (i. e., a spring, stream or the shore of a water reservoir), and trees. Since the Middle Ages, on the shores of the Gulf of Finland, the Finns and Estonians had the sacrificial groves of *hiisi*. These were fenced areas of the forest where public sacrifices took place. Researchers are of the opinion that the *hiisi* were the centers of settlement complexes. Uno Holmberg-Harva suggests that the single revered trees near the dwelling houses that survived until the XX century are the remains of ancient groves similar to *hiisi*. However, this issue remains controversial to this day, so one of the objectives of this article is to introduce existing materials on this topic into scientific circulation (especially for the Russian-speaking audience). In Karelian villages on the border of Russia and Finland, back in the second half of the XIX century, there were sacrificial fir-trees, on the condition of which the welfare, health, and the very life of a family and clan members depended. Therefore, family members were to sacrifice to the trees (bring to the roots) part of all the food supplies that appeared in the house, as well as to treat the “spirit-owner of the tree” with food from the festive table. In addition to fir-trees, sacrificial pines, birches, mountain ash, and junipers were also known as sacrificial trees in the region. In many places, people sacrificed to them the first milk after calving a cow, poured the first blood of an animal slaughtered in autumn under the roots or brought them a cup of meat soup. All this suggests that there existed some special connection between sacrificial trees and livestock. The main function of the family tree was to protect not only the clan members, but the entire household economy. The tree acted as a representative of deceased relatives (the ancestors of the family) or natural forces (the spirits of forest and earth).

Key words: sacrificial and revered trees, sacred groves, connection between tree and family, clan, ancestors, and personalized holidays

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Konkka, A. P. Sacrificial and revered trees of the Karelian-Finnish border region (a study of materials dating to the late XIX century). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1255

REFERENCES

1. Agapkina, T. A. Trees in the Slavic folk tradition: Essays. Moscow, 2019. 656 p. (In Russ.)
2. Alekseenko, E. A. Cults of the Kets. *Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (second half of the XIX century – early XX century): Collected papers of the Russian Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. XXXIII. Leningrad, 1977. P. 29–65. (In Russ.)
3. Konkka, A. Karsikko: trees-signs in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnish peoples. Petrozavodsk, 2013. 286 p. (In Russ.)
4. Konkka, A. P. Juniper crosses and the magical fork: semantics and ritual practice. *Ethnographic Review*. 2020;1:95–113. (In Russ.)
5. Konkka, A. P. The 1886 report by K. H. Hornborg about “karsikko”, Savolaki sacrificial groves. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011;7(1):19–22. (In Russ.)
6. Cultural landscape as a heritage site. St. Petersburg, 2004. 620 p. (In Russ.)
7. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols. (N. I. Tolstoy, Ed.). Moscow, 1995–2014. (In Russ.)
8. Sokolova, Z. P. Remnants of religious beliefs among the Ob Ugrians. *Religious beliefs and rituals of the peoples of Siberia in the XIX and the early XX centuries: Collected papers of the Russian Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. XXVII. Leningrad, 1971. P. 211–238. (In Russ.)
9. Haavio, M. *Esseitä kansanrunoudesta*. Jyväskylä, 1992. 384 p.
10. Harva, U. *Suomalaisten muinaisusko*. Helsinki, 1948. 519 p.
11. Konkka, A. Kuusi kultalatva. Pohjoisen Suomen karsikoista. *Kalevalaseuran Vuosikirja*. 1999;77–78:112–139.
12. Mansikka, V. J. Karjalais-inkeriläisiä pyhimyksiä ja juhlapäiviä. *Virittäjä*. 1941;45:97–105,289–300.

Received: 10 December 2024; accepted: 30 September 2025

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА НАГУРНАЯ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6233-8045; kov@krc.karelia.ru

ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КАРЕЛИИ: ОПЫТ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

А н н о т а ц и я . В Карелии на протяжении более 35 лет образовательная система способствует сохранению и развитию прибалтийско-финских языков республики – карельского, вепсского, финского. В статье представлена характеристика начального периода возрождения национальной школы в Карелии (1980-е – начало 2000-х годов). Этот период был временем новаторских решений, динамичного взаимодействия языковых активистов и представителей власти, объединения усилий общественности и ученых по включению карельского и вепсского языков в школьное образование. Возрожденческие процессы происходили параллельно с важными общественными процессами, имевшими значение для развития языковой и образовательной политики. В первые десятилетия возрождения национальной школы были заложены основы правовой базы, регламентирующей функционирование национальных языков в системе образования. Одним из основополагающих документов стала «Программа обновления и развития национальной школы в Карельской АССР на 1991–1995 годы». Национальная школа возрождалась в условиях, когда уменьшение контроля со стороны федерального центра позволило проводить самостоятельную линию в национальной политике. Анализируемый период оказался плодотворным с точки зрения расширения документальной базы, инструментария, спектра мероприятий в сфере национального образования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельский язык, вепсский язык, система образования, национальная школа, законодательная база

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Нагурная С. В. Возрождение национальной школы в Карелии: опыт первых десятилетий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1256

ВВЕДЕНИЕ

Судьба разных языков, по выражению известного русского писателя Роя Медведева, складывается, как и судьба разных стран и народов, по-своему¹. В судьбах языков могут происходить переломные моменты, в результате которых языки меняют свой статус, укрепляют или, наоборот, ослабляют свои позиции, расширяется или сужается их функциональное поле и т. д. Для карельского и вепсского языков переломная ситуация сложилась к концу 1980-х годов, когда на фоне демократических реформ в России на повестку дня вышли вопросы возрождения письменностей и утверждения функционального статуса языков в общественном пространстве республики, прежде всего

в системе образования. Конец 1980-х годов – это время подъема национального самосознания и активизации национальных движений в различных регионах России – от областей и автономий до союзных республик. Распад Советского Союза и начавшиеся радикальные реформы государственного устройства повлекли за собой перемены в языковой политике. К середине 1990-х годов законы о языках были приняты в 14 из 15 союзных республик. 24.04.1990 вышел закон «О языках народов СССР»², в котором определялся официальный статус русского языка. В то же время ст. 4 закона устанавливала, что

«при определении правового статуса языков не допускается ущемление права граждан СССР использовать в различных сферах государственной и обществен-

ной жизни свой родной язык и другие языки народов СССР».

Образование, как известно, является институциональным механизмом сохранения и поддержания миноритарных языков. По мнению экспертов по языковым вопросам, большинство инициатив по возрождению и сохранению этих языков относится именно к сфере образования [1: 35]. Преподавание и изучение языков входят в список основных российских и зарубежных практик их возрождения [6], [12].

НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Предшественниками возрожденческих процессов для карельского и вепского языков явились события, связанные с преподаванием финского языка в республике. В феврале 1981 года вышло постановление Карельского обкома КПСС и Совета Министров «О состоянии и мерах улучшения преподавания финского языка в школах КАССР», действовавшее до 1986 года [9: 275–276]. Результатом его выполнения стало значительное увеличение числа учащихся, изучавших финский язык, и количества школ с его преподаванием.

Именно тогда представители карельской и вепской интеллигенции начали поднимать вопросы, касающиеся восстановления карельской и вепской письменностей и преподавания языков в системе образования. В 1981 году в газете «Коммунист Прионежья» от 21 ноября с предложением о восстановлении вепской письменности и организации преподавания вепского языка в школе выступил заведующий Шелтозерским этнографическим отделом Карельского государственного краеведческого музея А. П. Максимов [7: 49].

В 1983 году учеными Института языка, литературы и истории Г. М. Кертом и Л. Ф. Маркиановой в Карельский обком КПСС была представлена «Записка по вопросу о воссоздании карельской письменности и усилении общественных функций карельского языка в Карельской АССР». Во второй половине 1980-х годов

«на круглых столах и в печати велись острые дискуссии о судьбах карельского и вепского народов и их языков... об организации преподавания языков в школе, подготовке специалистов и учителей карельского и вепского языков» [10: 18].

В качестве предварительной работы в ИЯЛИ КарНЦ РАН в 1981–1983 годах было проведено масштабное исследование языковой ситуации среди вепского сельского населения по разработанному «Этнографическому вопроснику».

Летом 1987 года жители села Шелтозеро и педагогический коллектив школы обратились с ходатайством в исполком Прионежского райсовета о введении вепского языка в учебный план. В связи с этим начала работу инициативная группа по созданию вепской письменности. На одном из заседаний группы были заслушаны результаты проведенного исследования.

В начале ревитализационных процессов среди их участников было много тех, кто сомневался в успехе возрождения карельской и вепской письменности. Ситуация изменилась в 1986 году в связи с происходящей в стране перестройкой. Активизировалась карельская интеллигенция, процесс возрождения вепского и карельского языков объединился. В 1987 году был открыт факультатив по вепскому языку в Шелтозерской школе, решился вопрос с финансированием работы преподавателя. Первый букварь на латинице был ротاپринтный, его использовали на курсах учителей в 1988 году. В 1991 году из печати вышло два вепских букваря – в Санкт-Петербурге на кириллице (авторы – Э. В. Коттина, Р. Ф. Максимова) и в Петрозаводске на латинице (авторы – Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен). Позднее учителя вепского языка свой выбор сделали в пользу букваря на латинице [9: 277].

С 1988 года началось преподавание карельского языка в нескольких школах Олонецкого района. В отношении карельского языка не возникло сомнений с точки зрения использования латиницы. Известный карельский поэт В. Брендоев работал в те годы в ИЯЛИ КарНЦ РАН, свои первые произведения начал писать на латинице.

Активное включение карельского и вепского языков в систему образования Карелии началось после проведения в Петрозаводске ставших судьбоносными для этих языков научно-практических форумов – регионального межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» (1988) и конференции «Карелы: этнос, язык, культура и экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР» (1989). Это время было началом формирования языкового активизма, когда в условиях политического и экономического кризиса «в стране произошла мобилизация этнического самосознания» [11: 773].

Итоги «вепского» совещания и «карельской» конференции стали основой республиканских программ по этническому развитию карелов и вепсов для органов власти и национальной общественности. Рекомендации «карельской»

конференции предусматривали воссоздание карельской письменности, подготовку букварей, введение преподавания карельского языка в начальных классах в местах компактного проживания карелов, подготовку учителей и воспитателей и т. д.

Наиболее активной движущей силой за возрождение языков являлись специалисты гуманитарных наук, в основном сотрудники Института языка литературы и истории. Возрожденческие процессы неразрывно связаны с именами языковедов Л. Ф. Маркиановой, П. М. Зайкова, Н. Г. Зайцевой, этнологов З. И. Строгальщиковой и Е. И. Клементьева. Инициативы ученых получали поддержку на местах. Так, например, для оказания практической помощи ученым в создании учебно-методической литературы для изучения вепского языка была избрана инициативная группа села Шелтозеро, в которую вошли представители местного учительского сообщества.

В апреле 1989 года Совет Министров КАССР утвердил рекомендованные ученым советом ИЯЛИ алфавиты вепского и карельского языков: карелов-ливвиков на основе латиницы и два варианта вепского – на основе латиницы и кириллицы [10: 19].

Становление национальной школы происходило параллельно с общественными процессами, имевшими значение для развития языковой политики в системе образования. В 1989 году были утверждены уставы Общества вепской культуры, Общества карельской культуры, Ингерманландского союза финнов Карелии. С момента создания эти организации самым активным образом участвовали в решении вопросов национальной, в том числе образовательной, политики.

База национальной школы в Карелии создавалась едиными усилиями. В Верховном Совете КАССР работали представители районов республики – Калевальского, Пряжинского, Олонецкого, было активное сотрудничество между представителями власти, общественными деятелями, учеными, жителями районов. Работа по организации образования осуществлялась в едином порыве, в диалоге и взаимосвязи правительства и жителей Карелии.

В ноябре 1990 года Коллегия Министерства народного образования КАССР утвердила «Программу обновления и развития национальной школы в Карельской АССР на 1991–1995 годы» (авторы – Н. Г. Зайцева и С. П. Пасюкова), в которой были прописаны мероприятия, необходимые для организации преподавания карельского

и вепского языков в образовательных учреждениях, включая дошкольные. В «Программе» была дана оценка ситуации, в которой предстояло реализовывать цели:

«С течением времени выросло поколение, не владеющее родными языками, не знающее обычаев, истории и культуры, родных языков. А это, в свою очередь, породило бездуховность, оторванность от родного края, его корней, народной мудрости и, в конечном счете, своей “малой родины”»³.

Приступать к возрождению национальной школы, по мнению авторов Программы, следовало немедленно, поскольку каждый год отсрочки мог стать губительным для языков, «ибо утрачено слишком много».

Национальная школа рассматривалась в Программе как образовательное учреждение, где дети, чьи родители являются представителями коренных национальностей, составляют пятьдесят и более процентов. При этом как дети, так и родители практически не владеют родными языками, в связи с чем основной процесс обучения осуществляется на русском языке. Изучение родного языка происходит с учетом желаний родителей и учащихся. Программа предусматривала постепенное расширение образовательных функций родных языков, перевод ряда предметов на родные языки обучения. Целью являлась разработка научно-педагогических основ непрерывного обучения родным языкам, начиная с детских образовательных учреждений и заканчивая вузами. К числу национальных школ были отнесены 54 школы: в Беломорском (2), Калевальском (5), Кондопожском (2), Лоухском (1), Медвежьегорском (6), Муезерском (1), Олонецком (17), Прионежском (3), Пряжинском (15), Суоярвском (1) районах, г. Костомукше (1). Из 10 602 учащихся этих школ представители коренной национальности составляли 6176 человек (58 %).

Перспективный план программы предусматривал подготовку и издание к 1995 году 34 наименований учебной и учебно-методической литературы. Организационную роль выполнял координационный совет Программы, включавший представителей Минобразования, Постоянной комиссии по национальной культуре, языку и охране исторических памятников при Верховном Совете КАССР, научных, образовательных учреждений, национальных объединений.

В 1990 году в Карелии карельский язык изучался в 17 школах (Олонецкий и Пряжинский районы, Петрозаводск). Большинство учащихся изучали карельский на уроках (571),

в кружках (152) и факультативно (10). В дошкольных учреждениях карельскому языку обучали детей в Олонецком, Пряжинском, Лоухском, Муезерском, Питкярантском и Калевальском районах, в Петрозаводске. Вепский язык изучался в Шелтозерской (53) и Рыборецкой (36) школах.

«Первые шаги на пути формирования в Карелии идеологии... сохранения родных языков сделали сельские учителя, приступившие к обучению детей навыкам родной речи, считая такую работу своим гражданским долгом» [3: 11].

Более прочные позиции в системе образования к этому времени занимал финский язык. Его изучали в качестве предмета 5653 учащихся в 42 школах Беломорского, Калевальского, Кондопожского, Лоухского, Муезерского, Олонецкого, Питкярантского, Прионежского, Пряжинского, Сегежского районов, в Петрозаводске, Сортавале, Костомукше. Финский преподавался в петрозаводском ПТУ № 10, в 11 школах факультативно, в 5 школах в кружковой форме⁴.

За пятилетний период действия Программы (с 1990/91 по 1995/96 учебный год) численность изучавших карельский язык как предмет возросла до 2522, вепский – до 253, финский – до 13 292. Количество школ с преподаванием карельского языка в Карелии достигло к середине 1990-х годов 60. В те же годы отмечалось наибольшее количество школьников, обучающихся карельскому языку.

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ

В 1990-е годы был принят ряд основополагающих документов, регулирующих положение прибалтийско-финских языков в образовании. «К моменту принятия республиканского закона “Об образовании” (1994) в Карелии имелся определенный опыт преподавания карельского и вепского языков» [8: 183].

Одним из первых важных документов стал Закон «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Советов в Республике Карелия» (1991), предоставлявший возможность развивать языки в местах компактного проживания карелов и вепсов⁵. Местные органы власти смогли открывать в детских садах языковые группы, вводить изучение языков в качестве обязательного предмета в школах. В соответствии с законом были образованы Калевальский национальный район (12.06.1991), Шелтозерский национальный сельский Совет (10.09.1992), Рыборецкий вепский национальный сельский Совет (01.06.1993),

Шокшинский вепский национальный сельский Совет (01.06.1993). В 1994 году была образована Вепсская национальная волость, в которой в 1994/95 учебном году вепский язык изучался всеми школьниками.

Верховный Совет РК поручал Совету Министров подготовить в 1993 году Государственную программу возрождения языка и культуры карелов, вепсов и финнов, разработать и внести предложения по организации изучения карельского, вепского и финского языков в детских дошкольных учреждениях и школах республики. В Постановлении Верховного Совета указывалось:

«В целях профессиональной подготовки национальных кадров предложить ректорату и ученому совету Петрозаводского государственного университета рассмотреть вопрос о создании факультета финно-угорской филологии и культуры»⁶.

Вопросы образования, связанные с прибалтийско-финскими языками республики, были одним из основных направлений национальной политики. В Информации о работе Президиума ВС РК и постоянных комиссий с декабря 1992 по март 1993 года указывалось, что члены комиссий по науке и народному образованию, а также по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия принимали участие в проведении межрегионального совещания по проблемам развития национальных систем образования финно-угорских народов и рассматривали материалы Национального конгресса карелов, вепсов и финнов, касающиеся становления национальной школы в республике⁷. Государственный комитет по труду и социальным вопросам в 1993 году предоставил право органам местного самоуправления и Министерству народного образования увеличивать до 50 % тарифные ставки учителям и воспитателям карельского, вепского и финского языков.

Становление национальной школы в республике проходило в условиях, когда уменьшение контроля со стороны федерального центра в 1990-е годы позволило проводить самостоятельную линию в национальной политике. Основным направлением национальной политики Российской Федерации, в соответствии с принятой в 1996 году Концепцией национальной политики, было создание равных условий для развития русского народа и национальных меньшинств. Лейтмотивом в этих процессах стала «ориентация на возрождение и развитие национальной культуры и языков» [2: 305]. В Карелии важную роль в закреплении подобного

вектора играли государственные и неправительственные институты.

Концепция возрождения и развития языка и культуры карелов, вепсов, финнов была подготовлена сотрудниками ИЯЛИ и одобрена постановлением Совета Министров республики от 23.12.1993 [5: 108]. На основе Концепции в 1995 году была разработана и утверждена «Программа возрождения и развития языка и культуры карел, вепсов, финнов Республики Карелия»⁸, рассчитанная на 1995–1996 годы с дальнейшим продлением. В Программе указывалось, что число изучающих родной язык постепенно увеличивается, однако ситуация с подготовкой педагогических кадров остается неудовлетворительной. Е. И. Клементьев отмечал, что в Программу не вошли предложения Министерства образования республики, подготовленные для всех звеньев школьной образовательной системы [4: 104–105].

Возможность получения основного общего образования на родном языке для представителей коренных и малочисленных народов была прописана в ст. 6 введенного в 1994 году в действие закона РК «Об образовании»⁹. В дальнейшем Правительством республики от 12.04.1996 было принято Постановление «Об утверждении Программы развития образования Республики Карелия на 1996–1997 годы». Программа включала разработку республиканского регионального компонента содержания образования и возрождение в республике школ исторически самобытных групп населения (то есть национальных). Министерству образования и Карельскому государственному педагогическому институту предписывалось разработать региональный компонент дошкольного образования и организовать работу экспериментальных площадок для его апробации. В план вошли такие меры, как создание программ учебных курсов по карельскому и вепсскому языкам с 1-го по 4-й класс; разработка региональной программы издания школьных пособий и учебников для школ, где изучался карельский, вепсский и финский языки; проведение курсов повышения квалификации учителей; совершенствование подготовки кадров педагогов со средним специальным образованием для национальных школ в начальной и неполной средней школе; установление доплат в размере до 50 % окладов преподавателям карельского, вепсского и финского языка в высших учебных заведениях и др.

В 1997 году была разработана «Концепция развития финно-угорской школы» (авто-

ры – Н. Г. Зайцева, А. С. Кармазин, в составлении участвовали В. Н. Бирин, М. В. Дьячков и Е. И. Клементьев). Школа в «Концепции» определялась как

«общеобразовательное учреждение со смешанным контингентом учащихся, расположенное в местах компактного проживания карелов, вепсов и финнов, в содержании образования которого в рамках национально-регионального компонента присутствует изучение языка, культуры, истории, быта и традиций указанных народов, а организация образовательного процесса строится с учетом интересов этносов»¹⁰.

Согласно «Концепции», количество часов родного языка в учебном плане начальной школы должно было составлять не менее 4 часов в неделю, объем предметов (курсов) с национально-региональным компонентом в основной школе – не менее 8 часов в неделю, в планах полной средней школы – от 2 до 6 часов в неделю. Изучение родных языков объявлялось в республике обязательным в образовательных учреждениях, расположенных в местах компактного расселения карелов и вепсов. Преподавание языков осуществлялось в рамках национально-регионального компонента. В учреждениях профессионального образования, в вузах предусматривалось введение языковой специализации, связывающей национальный язык и культуру с национально-региональной составляющей в содержании обучения.

В 1999 году Правительство приняло Постановление «О мерах по совершенствованию обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия»¹¹, в том же году было введено «Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным финно-угорским компонентом»

«в целях сохранения этнической самобытности карелов, вепсов и финнов, развития их родного языка и культуры, реализации национально-культурных прав коренных многочисленных народов Республики Карелия»¹².

Был утвержден перечень базовых общеобразовательных школ с этнокультурным финно-угорским компонентом образования, в который вошли 18 школ, расположенных в 13 районах республики. Учителям родных языков были установлены доплаты в размере 50 % от ставки.

В дальнейшем были приняты Постановления Правительства РК о республиканских программах «Финно-угорская школа Республики Карелия на 2000–2002 годы»¹³, «Этнокультурное образование в Республике Карелия на 2003–2005 годы»¹⁴, реализация которых способствовала поддержанию необходимых условий

для функционирования карельского, вепсского и финского языков в сфере школьного образования.

По инициативе общественных организаций карелов, вепсов и финнов в текст Конституции Карелии был внесен ряд поправок, в том числе в ст. 29 был внесен пункт о том, что республика устанавливает региональные (национально-региональные) компоненты государственных образовательных стандартов [8: 186].

Наиболее важным решением в развитии языков стало принятие в 2004 году Закона «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в РК»¹⁵, который готовился с учетом возможности включения карельского и вепсского языков в перечень языков российских меньшинств, подпадающих под защиту Европейской хартии о защите региональных языков и языков меньшинств [10: 18]. Закон устанавливал, что карельский, вепсский и финский языки как учебные предметы могут изучаться и преподаваться в образовательных учреждениях, а граждане имеют право на получение основного общего образования на родном языке за счет создания необходимого числа классов, групп и условий для их функционирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1980-х – начала 2000-х годов оказался плодотворным с точки зрения расширения документальной базы, инструментария, спектра мероприятий в сфере образования. В республике была возрождена национальная школа, карельский и вепсский языки наряду с финским вошли в школьные учебные планы. Это было время новаторских решений, динамичного взаи-

модействия языковых активистов и представителей власти, объединения усилий общественности и ученых. Энтузиазм языковых активистов, ученых, представителей общественности находил отклик во властных структурах республики. Возрожденческие процессы происходили на фоне предоставления регионам самостоятельности в решении задач национальной и языковой политики. Была создана солидная законодательная база, на основе которой регулировалось использование карельского, вепсского и финского языков в системе образования. В документах обосновывалась преемственность новых инициатив по отношению к предыдущим программам.

В основе национальной (в том числе языковой и образовательной) политики рассматриваемого периода лежал принцип «цель – действие – результат», в соответствии с которым разрабатывались программы возрождения национальной школы. В качестве конечного результата разработки программ видели овладение молодым поколением карельским и вепсским языками, воссоздание языковой среды, дальнейшее функциональное развитие языков. Усилия участников процессов возрождения национальной школы уже к середине 1990-х годов принесли свои плоды. К этому времени значительно увеличилось как количество школ, где преподавали карельский и вепсский языки, так и количество учащихся, изучавших эти языки. Система образования сыграла главную роль в формировании представительной прослойки национальной интеллигенции, людей молодого и на сегодняшний день уже среднего возраста с хорошим знанием карельского и вепсского языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Медведев Р. Непрерывное развитие языков: их влияние друг на друга и конкуренция // Наука и жизнь. 2006. № 3. С. 34–39.
- ² Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. С. 372–12.
- ³ Программа обновления и развития национальной школы в Карельской АССР на 1991–1995 годы. Петрозаводск, 1990. 36 с.
- ⁴ Там же. С. 17–23.
- ⁵ Закон Республики Карелия от 22 ноября 1991 года № XII-10/256 «О правовом статусе национального района, национальных поселкового и сельского Советов в Республике Карелия».
- ⁶ Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1993. № 2 (27). С. 11.
- ⁷ Ведомости Верховного Совета Республики Карелия. 1993. № 5-6. С. 11–12.
- ⁸ Постановление Председателя правительства Республики Карелия от 30 января 1995 г. № 58 «О программе возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов Республики Карелия».
- ⁹ Закон Республики Карелия «Об образовании». Закон введен в действие с 18.01.1994.
- ¹⁰ Концепция развития финно-угорской школы Республики Карелия. Утверждена Постановлением Председателя Правительства Республики Карелия от 25.04.1997 № 225.
- ¹¹ Постановление Правительства РК «О мерах по совершенствованию обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия» от 21.06.1999 № 20-П.

- ¹² Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным финно-угорским компонентом. Приказ Министерства образования РК и по делам молодежи от 01.08.1999 г.
- ¹³ Постановление Правительства Республики Карелия № 175-П от 27.12.1999.
- ¹⁴ Постановление Законодательного Собрания Республики Карелия «О республиканской целевой программе “Этнокультурное образование в Республике Карелия на 2003–2005 годы”» от 17.10.2002 № 289-III ЗС.
- ¹⁵ Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» от 19.03.2004 № 759-ЗРК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова В. В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 240 с.
2. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в финно-угорских республиках – субъектах РФ: эволюция подходов и практик (2000–2018) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 301–324. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.03.301-324
3. Клементьев Е. И. Реализация права на сохранение родного языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы // Казанский федералист. 2006. № 4 (20). С. 9–16.
4. Клементьев Е. И. Республика Карелия: правовая ситуация в сфере этнокультурного и языкового образования // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы. М.: ИП А. Г. Яковлев, 2011. С. 101–121.
5. Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 195 с.
6. Манджиева Ц. Д. Методы ревитализации языков // Вестник Калмыцкого университета. 2022. № 1. С. 74–85. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-53-1-74-85
7. Мишин А. И., Строгальщикова З. И. Вепсская литература в меняющемся мире // Вепсы и их культурное наследие. Связь времен (памяти Р. П. Лониной). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. С. 38–79.
8. Строгальщикова З. И. Роль общественных организаций в формировании современной этнонациональной политики в Республике Карелия // Карелия на этнокультурной и политической карте России: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Республики Карелия, Петрозаводск, 21 мая 2010 г. Петрозаводск: Verso, 2010. С. 173–188.
9. Строгальщикова З. И. Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 270–289.
10. Строгальщикова З. И. Этническая мобилизация прибалтийско-финских народов в Карелии: особенности и итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 3. С. 17–24.
11. Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI (3). С. 756–815.
12. De Costa P. I. Indigenous language revitalization: How education can help reclaim “sleeping” languages // Journal of Language, Identity & Education. 2021. № 20 (5). P. 355–361. DOI: 10.1080/15348458.2021.1957684

Поступила в редакцию 23.09.2025; принята к публикации 27.10.2025

Original article

Svetlana V. Nagurnaja, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6233-8045; kov@krc.karelia.ru

REVIVAL OF ETHNIC SCHOOLS IN KARELIA: THE EXPERIENCE OF THE FIRST DECADES

Abstract. In Karelia, the educational system has played a vital role in preserving and developing the republic's Baltic-Finnic languages – Karelian, Veps, and Finnish – for over 35 years. The article examines the early period of the revival of ethnic-oriented education in Karelia, from the 1980s to the early 2000s. This period was marked by innovative approaches, active communication between language advocates and government officials, and collaborative efforts by citizens and scholars to incorporate Karelian and Veps languages into school curricula. The push for ethnic revival coincided with significant social changes that influenced language and educational policies. During the first decades of ethnic education revival, foundational legal frameworks regulating the use of minority languages in education were established. One of the cornerstones was the Program for the Renewal and Development of Ethnic Schooling in the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic (1991–1995). The context for the revival of ethnic education was

characterized by a relatively relaxed federal oversight, which allowed for greater autonomy in ethnic policy decisions. Overall, this period proved to be highly productive, leading to an expanded regulatory framework, a broader range of tools, and increased activity in the field of ethnic education.

Key words: Karelian language, Veps language, educational system, ethnic school, legislative framework

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Nagurnaja, S. V. Revival of ethnic schools in Karelia: the experience of the first decades. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1256

REFERENCES

1. Baranova, V. V. Language policy without politicians. Language activism and minority languages in Russia. Moscow, 2023. 240 p. (In Russ.)
2. Bakhlov, I. V., Bakhlova, O. V. Implementation of the state national policy of the Russian Federation in the Finno-Ugric republics, the subjects of the Russian Federation: evolution of approaches and practices (2000–2018). *Finno-Ugric World*. 2019;11(3):301–324. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.03.301-324 (In Russ.)
3. Klementyev, E. I. Implementation of the right to preserve the native language in the Republic of Karelia: status, problems, prospects. *Kazan Federalist*. 2006;4(20):9–16. (In Russ.)
4. Klementyev, E. I. The Republic of Karelia: legal situation in the field of ethnocultural and linguistic education. *Legal status of Finno-Ugric languages and ethnocultural needs of Russian schools*. Moscow, 2011. P. 101–121. (In Russ.)
5. Klementyev, E. I. Language processes in Karelia: the case of Karelians, Vepsians, and Finns. Petrozavodsk, 2013. 195 p. (In Russ.)
6. Mandzhieva, Ts. D. Language revitalization methods. *Bulletin of Kalmyk University*. 2022;1:74–85. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-53-1-74-85 (In Russ.)
7. Mishin, A. I., Strogalschikova, Z. I. Vepsian literature in a changing world. *The Vepsians and their cultural heritage. The connection of times (in memory of R. P. Lonin)*. Petrozavodsk, 2011. P. 38–79. (In Russ.)
8. Strogalschikova, Z. I. The role of public organizations in the formation of modern ethnonational policy in the Republic of Karelia. *Karelia on the ethnocultural and political map of Russia: Proceedings of the research and practical conference commemorating the 90th anniversary of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, 21 May 2010)*. Petrozavodsk, 2010. P. 173–188. (In Russ.)
9. Strogalschikova, Z. I. Formation of legal frameworks for teaching Baltic-Finnic languages in the Republic of Karelia. *The Bubrikhov Readings. Problems of studying and teaching Baltic-Finnic philology: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2005. P. 270–289. (In Russ.)
10. Strogalschikova, Z. I. Ethnic mobilization of Baltic-Finnish peoples in Karelia: specifics and results. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011;3:17–24. (In Russ.)
11. Khilkhanova, E. V. People in language policy: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020;XVI(3):756–815. (In Russ.)
12. De Costa, P. I. Indigenous language revitalization: How education can help reclaim “sleeping” languages. *Journal of Language, Identity & Education*. 2021;20(5):355–361. DOI: 10.1080/15348458.2021.1957684

Received: 23 September 2025; accepted: 27 October 2025

ОЛЕСЯ АНАТОЛЬЕВНА СУЛЕЙМАНОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5109-958X; sul-olesya@yandex.ru

КОЛЬСКИЕ СААМЫ И ЭТНОТУРИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

А н н о т а ц и я . Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время остро стоит проблема сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера. Этнотуризм представляется перспективной формой возрождения и популяризации культурного наследия коренных народов. Культура кольских саамов в контексте развития этнотуризма в Мурманской области становится символическим брендом региона и инструментом продвижения туристических услуг. Исследование показало, что представители коренного населения занимают неоднозначную позицию по вопросу использования их этнической символики в различных региональных этнопроектах. С одной стороны, существует понимание потенциальных выгод от повышенного внимания к их уникальной культуре: популяризация культуры и создание дополнительных рабочих мест для саамских семей и общин. С другой стороны, представители саамского народа выражают опасения относительно возможных негативных последствий. В частности, речь идет об упрощении и искажении элементов их этнической культуры в процессе коммерциализации. Саамские общественные организации и активисты отстаивают право на участие в развитии регионального этнотуризма и выступают против некорректного использования этнической символики. В последние годы в Мурманской области организуются различные мероприятия, на которых обсуждаются стратегии взаимодействия коренного населения с представителями туристического сообщества с целью создания качественных туристических продуктов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : кольские саамы, этнотуризм, Мурманская область, репрезентация этничности, этнобренды, этнические сувениры, этнокультурное наследие

Б л а г о д а р н о с т и . Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сулейманова О. А. Кольские саамы и этнотуризм: тенденции и проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 115–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1257

ВВЕДЕНИЕ

Развитие туристического потенциала арктических регионов стало сегодня одним из приоритетных направлений российской экономики. Мурманская область занимает лидирующие позиции в Арктической зоне Российской Федерации по объему туристического потока. В 2024 году был зафиксирован рекордный показатель – 761,1 тысячи туристов, из которых 61,5 тысячи – иностранные туристы¹. В регионе активно развиваются различные виды туризма, включая этнотуризм, который рассматривается как перспективное направление для продвижения

комплексного бренда «Арктический туризм» [7]. Этнотуризм предполагает не только обращение к этнографическим объектам, но и погружение в «живую» культуру: народные традиции, фольклор, обряды и ритуалы, национальную кухню, традиционные ремесла и др.

В Мурманской области приоритетный интерес с точки зрения этнокультурного направления региональной туристической деятельности представляет культурное наследие коренного населения (кольских саамов). Согласно данным Всероссийской переписи населения, на 1 октября 2021 года в регионе проживало 1363 представителя народа саами, что составило всего 0,2 %

от общего числа лиц, указавших свою национальность².

Цель данного исследования – проанализировать региональные формы и практики актуализации этнокультурного наследия кольских саамов в туристической деятельности Мурманской области. В работе использованы материалы полевых (экспертные интервью с представителями саамского народа)³ и киберполевых (проанализирован контент саамских виртуальных сообществ в социальных сетях)⁴ исследований. Исследовательский интерес представляет ряд вопросов: способствует ли развитие регионального этнотуризма сохранению и развитию этнокультурных традиций кольских саамов?; как относятся представители народа саами к региональным практикам репрезентации их этнической культуры в качестве инструмента брендинга территории? Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время остро стоит проблема сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера. Этнотуризм представляется одной из форм актуализации этнокультурного наследия коренных народов.

ЭТНОТУРИЗМ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ

В настоящее время в Мурманской области проводятся различные мероприятия и форумы с целью разработки эффективных стратегий развития этнотуризма. В регионе развивается туристическая инфраструктура и организуются различные этнотуры и эколого-этнотуры. Основными центрами этнотуризма становятся: с. Ловозеро (здесь функционирует «Музей истории, культуры и быта кольских саамов», национальный культурный центр, проводятся летние и зимние саамские игры); пос. Умба (старинное поморское поселение); аутентичная музейная поморская рыбацкая тоня Тетрино на берегу Белого моря; с. Лопарское (саамская родовая община; проводятся осенние саамские игры); пос. Тулома (этнографический саамский комплекс); пос. Молочный (организована небольшая экспозиция саамского быта под открытым небом); г. Ковдор («столица Гипербореи») и озеро Сейдозеро (считается священным местом саамов).

В 2023 году Комитет по туризму Мурманской области принял решение развивать этнографическое направление и запустил ряд проектов, основанных на этнокультурном потенциале саамов: масштабный проект Национального тур-

оператора «АЛЕАН» под названием «Экспедиции к лучшим традициям» – туристам предлагается погрузиться в культуру коренных жителей края; гастрономический брендовый тур «Вкус Арктики» – возможность попробовать традиционные саамские блюда на основе оленины, рыбы и лесных ягод.

На территории Мурманской области функционируют различные этнические деревни и этнопарки (саамская деревня «Самь Сыйт», «Олений двор», этнопарк «Этническая деревня»), историко-краеведческие музеи, организуются культурно-массовые мероприятия (выставки, ярмарки, мастер-классы и т. п.). Основными культурными мероприятиями являются: Международный день саамов, фестиваль саамской музыки и культуры, фестиваль детских и молодежных театрализованных постановок на саамском языке «Моайнас ланнь» («Сказочный город»), День саамского слова, День коренных народов мира, районный Праздник Севера и День оленевода в с. Ловозеро, традиционные зимние, летние и осенние саамские игры, международная выставка-ярмарка достижений в сфере культуры и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера «Сокровища саамской земли» и др.

В рамках реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» и стратегического плана «На Севере – жить!» субъектам туристической индустрии оказывается государственная поддержка в виде различных субсидий и грантов. В 2025 году саамские мастера получили гранты на создание сувенирной продукции и проведение мастер-классов, а саамские общины – субсидии на общую сумму более 10 млн рублей для улучшения материально-технической базы⁵. Финансирование саамских этнопроектов способствует актуализации и возрождению традиционных промыслов и ремесел, популяризации саамской культуры путем наполнения регионального рынка сувенирной продукцией. С целью вовлечения коренных жителей в этнотуризм региона их представители включены в состав комиссии по аттестации экскурсоводов (гидов) в Мурманской области.

В регионе также реализуются различные цифровые проекты по актуализации культурного наследия кольских саамов: виртуальные экскурсии, компьютерные игры и мобильные приложения для изучения саамского языка. В 2021 году П. К. Харибина (саамская активистка, занимающаяся вопросами сохранения и популяризации саамской культуры и языка, представитель родовой общины «Лопарская») при финансовой

поддержке Министерства внутренней политики Мурманской области в рамках реализации проекта «Родной язык – душа народа» разработано мобильное приложение (онлайн-переводчик саамского языка) и компьютерную игру для изучения саамского языка – «Самь килл» (Sami language)⁶. Функционал онлайн-переводчика позволяет не только находить нужные слова, но и задавать поиск по частям речи и топонимам. Компьютерная игра знакомит пользователей с алфавитом и звучанием саамского языка, основами грамматики. Впоследствии в мессенджерах WhatsApp и Telegram стал доступен набор стикеров на саамскую тематику.

Реализуемые этнопроекты являются важной социокультурной составляющей имиджевого продвижения Мурманской области [2], [6], [7], [15]. Региональное брендинг, основанное на этнокультурной специфике, создает конкурентное преимущество, способствующее социально-экономическому развитию территории и привлечению туристов и инвесторов. Вместе с тем конструирование культурных образов в процессе брендинга территории приводит к переформатированию этнической культуры саамов, изменению функциональности ее отдельных элементов и появлению новых этнокультурных форм [4: 176].

ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОЛЬСКИХ СААМОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭТНОТУРИЗМА

На фоне развития туристической и этнопроектной деятельности Мурманской области культура кольских саамов становится узнаваемым региональным брендом. Как правило, в презентациях саамской культуры акцент делается на таких элементах этнической культуры, как традиционные виды жилищ, национальный костюм, оленеводство, сейды и др. Среди негативных последствий популяризации «саамского бренда» и одной из этнических проблем саамского сообщества – коммерциализация и «фейковизация» их культуры. С одной стороны, использование элементов саамской культуры в рекламе и продвижении туристических продуктов позволяет привлечь внимание к уникальности региона [2], [3], [4]. С другой стороны, культура кольских саамов приобретает высокую символическую и экономическую ценность, что способствует распространению «псевдосаамских» символов [4], [5], [13], [14]. Культура саамов превращается в маркетинговый инструмент

и презентуется в упрощенной форме, что несет в себе риски искажения подлинного культурного наследия. В настоящее время рассмотрение вопросов, связанных с искажением историко-культурного наследия и превращением культурного продукта в товар в индустрии туризма, приобретает все большую актуальность [1], [8], [9], [10], [16]. Объект туризма признается аутентичным на основании экспертной оценки его подлинности. Однако у потребителей туристических услуг могут быть различные представления и требования к аутентичности туристического продукта [11: 110].

Саамы выражают недовольство как форматом представления их культуры различными компаниями и предпринимателями, так и тем, что коммерциализация их культуры не приносит им финансовой выгоды. По их словам, компании, эксплуатирующие «саамский бренд», часто не учитывают особенности саамской культуры, штампуют стереотипы и тем самым девальвируют ее. Так, например, приспособление этнических сувениров под запросы туристического рынка влечет за собой трансформацию традиций и искажение образов этнической культуры [12], [13]. Тиражирование и воспроизведение фэйковых культурных форм являются следствием дефицита этнокультурных данных о видах, функциях, стандартах и технологиях производства различных предметов саамской материальной культуры [3: 55]. В последние годы участились случаи «эксплуатации» культуры саамов при создании разнообразных товаров и продукции: например, «саамское пиво», креветки «Саами», орехи «Лопарешки», пирожные «Лопарочка» и др.

Интернет-технологии становятся важным и зачастую незаменимым инструментом для сохранения и развития собственной идентичности, возможностью самопроявления и даже составляющей этнокультурного наследия. Одним из инструментов против фэйковых репрезентаций этнической культуры стали интернет-публикации саамских активистов в социальных сетях с хэштегами #осторожнофуфло, #bewareoffake, #осторожноподделка, #stopsamyfakes, #берегисаамское и #nosaamifakes (далее – #осторожнофуфло). Их целью является борьба с ложными представлениями о саамской культуре и привлечение общественного внимания к проблеме профанации:

«Пока саамы старательно сутками выделывают шкуру, оленью кость или вышивают – ловкие мошенники лепят кучами “снегуркины жупаны” из синтетики и пластмассы – и получают прибыль на обмане. Приду-

мывают свои байки – вместо сакральных мудрых мифов, стучат в псевдосаамские “барабаны”, подучивают “кормить истуканов деньгами” и втюхивают туристам прочую ахинею и “развесистую клюкву” о древнем народе. Если не останавливать подобные случаи надругательств и искажений, они могут размыть окончательно хрупкие осколки саамской культуры» (КПМА⁷).

Анализ контента, опубликованного в социальных сетях, позволил выявить ключевые проблемы, обсуждаемые вокруг репрезентации этнической культуры кольских саамов в контексте развития регионального этнотуризма. По тематике их можно условно разделить на следующие категории: «фейковые этнические деревни и этнопарки», «поддельные этнические сувениры и товары с этнической символикой», «неаутентичные элементы традиционной одежды (национального костюма)», «псевдотрадиционные обряды и верования», а также «псевдотрадиционная пища».

Этнокомплексы (этнические деревни и этнопарки), расположенные на территории Мурманской области, неоднократно подвергались критике со стороны саамской общественности. Среди основных недостатков данных туристических объектов отмечаются следующие: слабая информационная база (относительно этнографических данных о саамском народе), непрофессионализм гидов, чрезмерная театрализация культуры, которая лишает ее аутентичности и искажает представление о традиционном образе жизни саамов. Фрагменты из постов и комментариев про «фейковые этнические деревни» в рамках акции «#осторожнофуфло»:

«Совершенно НЕИМЕЕТ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЕ К СААМАМ ЭТО ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ДЕРЕВНЯ!!!!))))))))) ВСЁ ДЛЯ НАИВНЫХ ТУРИСТОВ КОТОРЫЕ ВЕДУТСЯ И БОШЛЯЮТ БАБКИ)))))))))»;

«Дурной пример “Саамской деревни” заразителен. Вот так одним росчерком пера меняется культура народа саами»;

«Псевдосаамские деревни множатся как грибы после дождя. Больше идолов и истуканов, больше фальши и фейков. И не останется от народа саами ничего»;

«Представляем базу отдыха Огни Имандры. Предприниматели создали фейк саамской культуры. Искатели культуру саами и привлекают этим продуктом туристов. Мотивируют, что это этническая деревня. Но какого этноса не могут сказать. В скриншотах ответы на вопросы. В них называют лопырями. Явно видно из ответов, что используют культуру народа, проживающего на Кольском полуострове и пропагандируют его культуру. Народ такой один на Кольском – саами» (КПМА⁸).

Национальная одежда является важной частью саамской культуры, так как она непосред-

ственно связана с восприятием идентичности народа. Кольские саамы настаивают на том, что традиционную одежду могут носить только представители их народа. Особое недовольство у саамского сообщества вызывают «неточности», стереотипизация и упрощения при изготовлении национальной одежды с элементами современной стилизации. Фрагменты из постов и комментариев в рамках акции «#осторожнофуфло» относительно фейковых элементов традиционной одежды и национального костюма:

«Они в самодельных костюмах, сшитых кое-как, исходя из собственных диких представлений о саамской одежде. Они даже не удосужились посмотреть в книгах или интернет-ресурсах детали костюма. Но выдают себя туристам именно за саамов. <...> Это можно понять, когда переодеваются в национальное просто, но нельзя принять, когда зарабатывают деньги на обмане туристов, когда врут, что они и есть настоящие»;

«Это национальные костюмы саами? Какой ужас!»;

«Почему не саами носят национальную одежду и ездят представлять саами?»;

«Саамские костюмы из крапивы и прочее... Интересно, а кто из саамских мастеров шьёт этим всем фейковым деревням?» (КПМА⁹).

Саамы также критикуют «псевдотрадиционные» национальные блюда и «псевдотрадиционные» обряды, которые проводятся с использованием искусственных атрибутов, таких как «священные камни» (так называемые псевдосейды) и деревянные идолы. Не одобряется и участие туристов в шаманских ритуалах и плясках.

Хэштеговая акция «#осторожнофуфло» вызвала общественный резонанс и привлекла внимание к культуре и проблемам народа саами. К ним стали обращаться за консультациями представители бизнеса и туристической индустрии. Некоторые предприниматели после выхода «разоблачающих» публикаций под хэштегом #осторожнофуфло согласились сотрудничать или просто удаляли свои посты в социальных сетях (например, посты с изображениями «некорректных» этнических сувениров). Активисты, занимающиеся продвижением саамской культуры, отметили позитивные сдвиги в диалоге:

«Конечно, на нас в социальных сетях подписаны многие: и туроператоры, и гиды, и даже местные чиновники. Все, что мы публикуем, так или иначе отслеживается. Хотелось бы больше внимания к нашей проблеме, но пока ситуация именно такая. Думаю, что все равно это имеет определенный эффект, по крайней мере, некоторые предприниматели идут на сотрудничество и прислушиваются к нам» (ПМА¹⁰).

Саамские общественники продолжают вести диалог с представителями туристической ин-

дустрии с целью улучшения качества туристических продуктов. По словам активистов, несмотря на все предпринимаемые саамским сообществом усилия против некорректного использования элементов их культуры, «фейки все множатся». Ниже представлены примеры постов-обращений саамских активистов к местным органам власти, представителям туристской деятельности и бизнеса.

В феврале 2025 года В. В. Совкина¹¹ на своей личной странице в социальной сети «ВКонтакте» опубликовала очередное обращение следующего содержания:

«Официальное открытое обращение к губернатору Мурманской области, представителям органов власти, представителям туристического и ресторанного бизнеса и всем, кто заинтересован в сохранении и продвижении культуры и традиций коренного народа саамов. Вопрос: Вы действительно хотите принять участие и полноценно помочь в сохранении и развитии традиционной культуры и знаний коренного народа Мурманской области – саамов? Если это так, то предлагаем встретиться для полноценного разговора и оказания помощи друг другу, чтобы не было подделок / фейков и попыток представлять нас вместо нас. Просим прекратить использовать саамскую тематику на различных мероприятиях, где нет представителей нашего народа, где безграмотно и унижительно используются наши костюмы, которые могут носить только саамы и никто другой! Требуем не использовать слово “лопарь” в названии нашего народа и в других названиях. Мы – саамы! Обращаем внимание на то, что мы готовы оказывать посильную помощь всем, кто заинтересован в сотрудничестве и дальнейшей работе на благо и процветание нашего региона, Мурманской области. Приглашаем к глобальной встрече и выработке единых правил на основе взаимного уважения» (КПМА¹²).

Из поста, опубликованного саамским активистом Андреем Даниловым¹³ в социальной сети «ВКонтакте» от 28 июня 2025 года:

«Помню как принимал участие во встречах министра по туризму. Вносил предложения. Но что изменилось? Почему все чаще я вижу как неуважительно относятся к коренному народу саами?»

У нас имеется огромная картотека #осторожнофуфло. Вручили грамоту позора одному турпроектору о несоблюдении прав саами. Но как вижу, голос народа саами не слышен. <...> Не убивайте народ саами фейками и соблюдайте права саами на сохранение самобытной и уникальной культуры» (КПМА¹⁴).

Как видно из приведенных выше примеров, саамское сообщество отстаивает право на участие и контроль при разработке туристических продуктов. Они готовы сотрудничать с представителями бизнеса и туриндустрии, предлагая свою экспертную помощь. Саамы неоднократно предлагали создать Совет по туризму, в состав ко-

торого войдут старейшины и специалисты со стороны саамов, представители турбизнеса и власти.

В последние годы в Мурманской области организуются различные мероприятия, на которых обсуждаются стратегии взаимодействия коренного населения с представителями туристического сообщества с целью недопущения искажения саамской культуры. В 2023 году Ассоциацией кольских саамов при поддержке Министерства культуры Мурманской области был реализован проект по разработке методических рекомендаций для реализации творческих программ, товаров и услуг, направленных на популяризацию культуры кольских саамов. В рамках этого проекта были созданы методические рекомендации по подготовке туристско-экскурсионных программ и текстов экскурсий, посвященных быту и традициям кольских саамов¹⁵.

Некоторые представители саамского народа непосредственно участвуют в предоставлении туристических услуг, демонстрируя свою культуру и быт посетителям и туристам. Они организуют экскурсии, проводят мастер-классы по народным ремеслам, предлагают попробовать национальную кухню и многое другое. Этот подход позволяет саамским семьям и общинам не только зарабатывать, но и представлять свою культуру. Представитель народа саами и организатор саамского подворья «Олений двор» в н. п. Лопарская Мурманской области П. К. Харибына отмечает, что при реализации своего проекта и на протяжении всего периода осуществления предпринимательской деятельности по популяризации культуры саамов она сталкивается со сложностями различного характера (проверки со стороны контрольных (надзорных) органов, жалобы от местных жителей за ведение предпринимательской деятельности, проблемы с получением разрешения на строительство инфраструктуры и т. п.):

«Я положительно отношусь к тому, если над каким-то проектом работают люди, которые являются представителями нашей национальности, потому что это популяризация культуры. Коренные народы имеют право развивать свое культурное наследие. <...> Если бы нас поддерживали на всех уровнях, мы могли бы еще лучше развивать различные проекты. Но существуют различные проблемы, которые пока мешают нам развивать свое дело в задуманном направлении. Уверена, что мы обязательно справимся со всеми бюрократическими проблемами, но все равно хотелось бы, чтобы нам хотя бы не создавали препятствий» (ПМА¹⁶).

Саамская общественница В. В. Совкина отмечает, что представители народа саами, зани-

мающиеся изготовлением этнических сувениров или каким-либо видом творчества, испытывают недостаток знаний в области правовых аспектов ведения бизнеса в сфере туризма:

«Творческие люди, занимающиеся саамской культурой, не знакомы с бизнес-процессами и юридической стороной туризма. Они не готовы рисковать и заниматься организацией такого бизнеса. Им нужна стабильность. В основном все работают в бюджетных организациях, где есть гарантии. И вторая сторона вопроса – организации, не принадлежащие саамам, не готовы сотрудничать. Им удобнее действовать самостоятельно, без “непонятных претензий” к костюмам и аутентичности народа» (ПМА¹⁷).

Важно также отметить, что внутри саамского сообщества нет единого мнения относительно использования этнической символики в региональной туристической индустрии. Существуют определенные разногласия как в отношении ведения коммерческой деятельности (в том числе и конкуренция между представителями саамского сообщества, занимающимися коммерческой деятельностью в сфере этнотуризма), так и в отношении требований к аутентичности туристического продукта, которые связаны с различиями во взглядах на баланс между сохранением этнокультурного наследия и экономическими выгодами от туризма. Более углубленное рассмотрение данных аспектов является предметом отдельного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие этнотуризма и этнопроектной деятельности в Мурманской области может стать

одним из ключевых факторов в сохранении и популяризации этнокультурного наследия кольских саамов. Однако существует необходимость в разработке эффективных стратегий для создания качественных туристических продуктов, подлинно отображающих культуру и традиции кольских саамов. Культурные индустрии должны способствовать гармоничному интегрированию традиционной саамской культуры в современные социокультурные и экономические реалии [3: 60]. В настоящее время большинство реализуемых региональных этнопроектов способствует лишь поверхностному знакомству с этнокультурной спецификой коренного населения.

Исследование показало, что представители коренного населения занимают неоднозначную позицию по вопросу использования их этнической символики в различных региональных этнопроектах. С одной стороны, существует понимание потенциальных выгод от повышенного внимания к их уникальной культуре: популяризация культуры и создание дополнительных рабочих мест для саамских семей и общин. С другой стороны, представители саамского народа выражают опасения относительно возможных негативных последствий. В частности, речь идет об упрощении и искажении элементов их этнической культуры в процессе коммерциализации. Анализ дискуссий вокруг проблемы профанации культуры свидетельствует о том, что кольские саамы настаивают на правовом регулировании отношений в области использования, сохранения и популяризации этнокультурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статистические данные // Официальный сайт Комитета по туризму Мурманской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tourism.gov-murman.ru/documents/statisticheskie-dannye/> (дата обращения 26.07.2025).

² Численность // Официальный сайт Правительства Мурманской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gov-murman.ru/region/saami/general_info/population/ (дата обращения 31.07.2025).

³ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Проведено пять экспертных интервью с представителями народа саами, проживающими на территории Мурманской области (н. п. Лопарская, с. Ловозеро, города Мурманск и Оленегорск).

⁴ Киберполевые материалы автора (далее – КПМА). Проанализированы информационные посты под хэштегами #осторожнофуфло, #bewareoffake, #осторожноподделка, #stopsamyfakes, #берегисаамское, #nosaamifakes (далее – #осторожнофуфло). Данные посты опубликованы преимущественно на публичных стенах саамских веб-сообществ, а также на личных страницах саамских активистов. В социальной сети Facebook (принадлежит компании Meta и запрещена в РФ) анализировались посты официальной группы «Саами» (<https://www.facebook.com/groups/1673506702895334>: 319 участников, администратор сообщества – С. Каценельсон). Начиная с 2023 года большая часть хэштегов #осторожнофуфло опубликованы в социальной сети «ВКонтакте», в группе «Ловозерский р-он – Луяввьёр ёмьне» (<https://vk.com/lujavvri>: 3216 участников, администратор сообщества – А. Данилов). Вероятно, это связано с запрещением социальной сети Facebook на территории РФ и полным переключением саамов на «ВКонтакте». Во «ВКонтакте» функционирует более 20 виртуальных сообществ, посвященных саамской тематике. На 1 сентября 2025 года в этой социальной сети было опубликовано почти 150 постов под хэштегом #осторожнофуфло. Результаты данного исследования подробно рассмо-

- трены в статье: Сулейманова О. А., Белоруссова С. Ю. «#осторожнофуфло»: хештег как форма репрезентации этнической культуры кольских саамов» // Ежегодник финно-угорских исследований (в печати).
- ⁵ Государственная поддержка // Официальный сайт «Правительство Мурманской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gov-murman.ru/region/saami/statesupport/> (дата обращения 01.09.2025).
- ⁶ В Мурманске презентовали цифровые продукты саамских авторов // Официальный сайт «INTERNATIONAL DECADE OF INDIGENOUS LANGUAGES» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://idil2022-2032.org/events-activities/в-мурманске-презентовали-цифровые-пр/> (дата обращения 01.09.2025); В Мурманске создали компьютерную игру для изучения саамского языка // Официальный сайт «ЯЗЫКОВОЙ ПОРТАЛ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lingvo.kmnsoyuz.ru/2023/12/20/в-мурманске-создали-компьютерную-игру/> (дата обращения 01.09.2025); Компьютерную игру для изучения саамского языка разработали в Заполярье // Официальный сайт «Интерфакс Россия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/kompyuternuyu-igru-dlya-izucheniya-saamskogo-yazyka-razrabotali-v-zapolyare> (дата обращения 01.09.2025).
- ⁷ КПМА – киберполевые материалы автора, 2025 год (см. Примечание № 4). Орфография и пунктуация оригинального текста сохранены.
- ⁸ Те же.
- ⁹ Те же.
- ¹⁰ ПМА – полевые материалы автора: с. Ловозеро, Мурманская область, 2025 год.
- ¹¹ В. В. Совкина – саамская активистка, директор ООО «Кольское саамское радио» (с. Ловозеро), член Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов.
- ¹² КПМА – киберполевые материалы автора, 2025 год (см. Примечание № 4). Орфография и пунктуация оригинального текста сохранены.
- ¹³ А. Данилов – саамский активист, до 2022 года занимал должность директора Фонда саамского наследия и развития в г. Оленегорске Мурманской области.
- ¹⁴ КПМА – киберполевые материалы автора, 2025 год (см. Примечание № 4). Орфография и пунктуация оригинального текста сохранены.
- ¹⁵ Методические рекомендации по использованию в современном социокультурном контексте, в том числе создания региональных творческих, декоративно-прикладных и туристских продуктов, нематериального культурного наследия коренного малочисленного народа Севера Мурманской области – саамов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/HXa1CJ0MyjChOt1x1qWfTzMorDlgsZV_coZsmJX6r-tXLFC9xcqY7GV5ThHj_aXef8pJnv3oGc_olhFd4kCqAnZ2lzDHRjk1KkaFhhnDYMHNvuOmOMkb-0g/3_metodicheskie_rekomendatsii_po_ispolzovaniyu_nematerialnogo_kulturnogo_nasledia_saamov.pdf (дата обращения 19.07.2025).
- ¹⁶ ПМА – полевые материалы автора: н. п. Лопарская, Мурманская область, 2025 год.
- ¹⁷ ПМА – полевые материалы автора: с. Ловозеро, Мурманская область, 2025 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белкина С. В. Аутентичность и коммодификация культурного туризма // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11, № 2А. С. 110–116. DOI: 10.34670/AR.2021.73.68.013
- Бодрова О. А. Мурманская область в поисках региональных брендов: к вопросу о теории и практике территориального брендинга // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2-16. С. 20–42. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.20-42
- Бодрова О. А. Саамские этнокультурные артефакты в региональной туристской и культурно-массовой деятельности (на материале Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 54–63. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.005
- Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172–178. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-52-1-16
- Головнёв А. В., Албогачиева М. С.-Г., Белоруссова С. Ю., Беляева-Сачук В. А., Киссер Т. С., Перевалова Е. В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 200 с.
- Давыдова А. С. Имидж арктической территории в представлениях, мнениях и оценках туристов (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 2. С. 164–183. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2025.88.011
- Данилина В. Г. Этнотуризм и его роль в развитии туристической отрасли Мурманской области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 2 (78) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/7814/> (дата обращения 19.07.2025).
- Карелина А. (Не)аутентичные туристические достопримечательности: как китайские туристы воспринимают российский «фейклов» // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 2. С. 138–156.
- Карпова Г. А., Хорева Л. В. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10, № 9 (70). С. 6–14.

10. Магомедханов М. М., Садовой А. Н., Ченсинер Р. «Зеленая дорога» монетизации этнотуризма: Дагестан. Проект «Арчи» // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 1. С. 157–184. DOI: 10.32653/CH161157-184
11. Мошняга Е. В. Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации: Монография. М.: Сов. спорт, 2010. 218 с.
12. Перевалова Е. В., Киссер Т. С., Конькова Ю. С. Сувенир и этничность (опыт Ямала и Таймыра) // Кунсткамера. 2021. № 4 (14). С. 249–261.
13. Сулейманова О. А. «Саамский сувенир» как этнотовар и бренд Мурманской области: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 21–31. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.002
14. Сулейманова О. А. Этническая деревня как региональный туристический бренд // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 4. С. 61–73. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.005
15. Черевичко Т. В., Темякова Т. В. Роль цифровизации в развитии экономико-туристического пространства региона: опыт Мурманской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. Вып. 2. С. 160–168 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-160-168> (дата обращения 20.05.2025).
16. Шалагина Г. Э. Фейклизация в этническом туризме: риски и альтернативы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 34. Вып. 3. С. 69–76.

Поступила в редакцию 30.09.2025; принята к публикации 27.10.2025

Original article

Olesya A. Suleymanova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5109-958X; sul-olesya@yandex.ru

THE KOLA SAMI AND ETHNOTOURISM: TRENDS AND PROBLEMS

Abstract. The relevance of this research topic stems from the current pressing need to preserve the traditional culture of the indigenous peoples of the North. Ethnotourism is a promising form of revitalizing and promoting the cultural heritage of indigenous peoples. In the context of the development of ethnotourism in the Murmansk Region, the culture of the Kola Sami is becoming a symbolic brand for the region and a tool for promoting tourism services. The study revealed that representatives of the indigenous population hold ambivalent positions regarding the use of their ethnic symbols in various regional ethno-projects. On the one hand, they understand the potential benefits of increased attention to their unique culture, such as cultural popularization and the creation of additional jobs for Sami families and communities. On the other hand, representatives of the Sami people express concerns about possible negative consequences. Specifically, they are concerned about the trivialization and distortion of elements of their ethnic culture through commercialization. Sami public organizations and activists defend their right to participate in the development of regional ethnotourism and oppose the inappropriate use of ethnic symbols. In recent years, various events have been organized in the Murmansk Region to discuss strategies for interaction between the indigenous population and representatives of the tourism community to create high-quality tourism products.

Key words: Kola Sami, ethnotourism, Murmansk Region, ethnic representation, ethnic brands, ethnic souvenirs, ethnocultural heritage

Acknowledgements. This article was funded from the federal budget as part of the state task No FMEZ-2024-0002 “Dynamics of the sociocultural image of the Kola North in the context of the history of the development of Russia’s Arctic frontier” assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Suleymanova, O. A. The Kola Sami and ethnotourism: trends and problems. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):115–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1257

REFERENCES

1. Belkina, S. V. Authenticity and commodification of cultural tourism. *Culture and Civilization*. 2021;11(2A):110–116. DOI: 10.34670/AR.2021.73.68.013 (In Russ.)
2. Bodrova, O. A. Murmansk Region in search of regional brands: revisiting theory and practice of territorial branding. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS*. 2019;10(2–16):20–42. (In Russ.)
3. Bodrova, O. A. Sami ethnocultural artifacts in regional tourism and cultural activities (on the basis of the Murmansk Region). *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2022;1(1):54–63. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.005 (In Russ.)

4. Bodrova, O. A., Razumova, I. A. Modern technologies in representation and preservation of the Kola Sami ethnic culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 2021;1(52):172–178. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-52-1-16 (In Russ.)
5. Golovnyov, A. V., Albogachieva, M. S.-G., Belorussova, S. Yu., Belyaeva-Sachuk, V. A., Kisser, T. S., Perevalova, E. V. Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections. St. Petersburg, 2022. 200 p. (In Russ.)
6. Davydova, A. S. Tourist perceptions, beliefs, and evaluations of the Arctic: A case study of the Murmansk Region. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2025;(2):164–183. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2025.88.011 (In Russ.)
7. Danilina, V. G. Ethnotourism and its role in the development of the tourism industry of the Murmansk Region. *Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*. 2024;2(78). Available at: <https://eee-region.ru/article/7814/> (accessed 19.07.2025). (In Russ.)
8. Karelina, A. (In)authentic tourist attractions: how Chinese tourists perceive Russian “fakelore”. *Sociological Review*. 2021;20(2):138–156. (In Russ.)
9. Karpova, G. A., Horeva, L. V. Commodification of intangible cultural heritage in the system of cultural tourism services. *Services in Russia and Abroad*. 2016;10(9(70)):6–14. (In Russ.)
10. Magomedhanov, M. M., Sadovoy, A. N., Chenciner, R. The “green path” of ethno-tourism’s monetization: Dagestan. The Archi project. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020;16(1):157–184. DOI: 10.32653/CH161157-184 (In Russ.)
11. Moshnyaga, E. V. Conceptual space of intercultural communication in tourism in the context of globalization: Monograph. Moscow, 2010. 218 p. (In Russ.)
12. Perevalova, E. V., Kisser, T. S., Konkova, J. S. Souvenir and ethnicity (Yamal and Taymyr experience). *Kunstkamera*. 2021;4(14):249–261. (In Russ.)
13. Suleymanova, O. A. “Saami souvenir” as an ethnic product and a brand of the Murmansk Region: to the formulation of the problem. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies*. 2022;13(2):21–31. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.002 (In Russ.)
14. Suleymanova, O. A. Ethnic village as a regional tourism brand. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2023;2(4):61–73. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.005 (In Russ.)
15. Cherevichko, T. V., Temyakova, T. V. The role of digitalization in regional economic and tourist space development: the Murmansk Region experience. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2024;24:160–168. Available at: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-160-168> (accessed 20.05.2025). (In Russ.)
16. Shalagina, G. E. FakelORIZATION in ethnic tourism: risks and alternatives. *Herald of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*. 2019;34(3):69–76. (In Russ.)

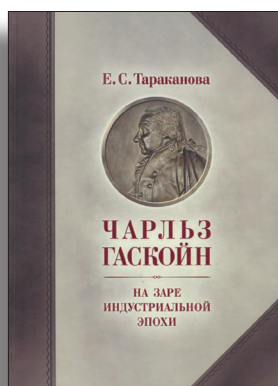
Received: 30 September 2025; accepted: 27 October 2025

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Gazizov V. V.</i> CORPS OF THE STRELTSY HEADS AT THE KOLA FORTRESS IN THE XVII CENTURY	59
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH		<i>Kaderova E. S.</i> THE OLONETS BRANCH OF THE CHEBAEV- SKY DYNASTY OF MINING OFFICERS.	68
<i>Korotkiy A. Yu.</i> RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY MILITARY EMIGRES ON THE PROBLEM OF NATIONAL CONSOLIDATION DURING WORLD WAR I	8	<i>Maliuchenko D. A.</i> SPECIFIC INVESTIGATIVE PRACTICES OF THE USSR MILITARY PROSECUTOR'S OFFICE IN THE EARLY 1930s (A CASE STUDY OF THE BALTIC FLEET)	74
RUSSIAN HISTORY		<i>Popov D. A.</i> THE PORK MUTINY OF 1922 IN NORTHERN FINLAND: REASONS, GOALS, COURSE, AND RESULTS	82
<i>Dianova E. V.</i> STUDENT LABOR SQUADS IN THE OLONETS PROVINCE IN 1915–1916	16	ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY, AND ETHNOGRAPHY	
<i>Romanko O. V., Prosolova E. V.</i> SOVIET NATIONAL POLICY PRACTICES AND NEOCOLONIAL INTERPRETATIONS THROUGH THE PRISM OF FEATURE CINEMA IN 1946–1991	27	<i>Bauer T. V.</i> SEMANTICS OF CAUSING HARM IN OATH FORMULAS (A STUDY OF TRADITIONAL RUSSIAN CULTURE)	90
<i>Stepanov A. S.</i> THE INFLUENCE OF THE SOVIET-FINNISH WAR ON THE STATE OF SOVIET AVIATION INDUSTRY BEFORE THE GREAT PATRIO- TIC WAR	37	<i>Konkka A. P.</i> SACRIFICIAL AND REVERED TREES OF THE KARELIAN-FINNISH BORDER REGION (A STUDY OF MATERIALS DATING TO THE LATE XIX CENTURY)	99
<i>Kozhevnikova Yu. N.</i> PASTORAL WORK OF ORTHODOX PRIESTS AMONG THE KOLA SAMI IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY	44	<i>Nagurnaja S. V.</i> REVIVAL OF ETHNIC SCHOOLS IN KARELIA: THE EXPERIENCE OF THE FIRST DECADES.	107
<i>Aleshin D. O.</i> ARCHIVE OF IVAN SHUVALOV: EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION BASED ON MATERI- ALS FROM RUSSIAN AND FOREIGN ARCHIVES ..	50	<i>Suleymanova O. A.</i> THE KOLA SAMI AND ETHNOTOURISM: TRENDS AND PROBLEMS	115

Е. С. Тараканова

ЧАРЛЬЗ ГАСКОЙН **На заре индустриальной эпохи**

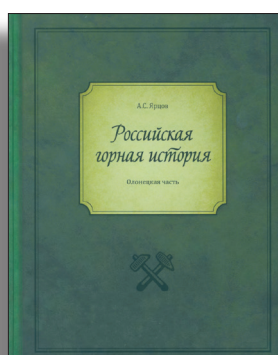
Книга повествует о жизни и деятельности Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна (1737–1806) – выдающегося организатора промышленности, металлурга и изобретателя, который с 1786 года трудился в России и сыграл важную роль в развитии отечественной оборонной промышленности, строительстве первых литейно-механических предприятий и первых паровых машин. Приводятся сведения по истории предприятий, связанных с именем Гаскойна, рассказывается о его окружении и родственных связях, о талантливых сотрудниках и учениках, успешно продолжавших его дело вплоть до середины XIX века.

Книга может представлять интерес как для профессиональных историков и студентов профильных вузов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей.

Тараканова Е. С. Чарльз Гаскойн. На заре индустриальной эпохи. СПб.: Серебряный век, 2024. – 528 с.

А. С. Ярцов

РОССИЙСКАЯ ГОРНАЯ ИСТОРИЯ. **Олонецкая часть**

В начале XIX в. выдающийся специалист и организатор горного дела России Аникита Ярцов подготовил 11-томный рукописный трактат «Российская горная история». Работа на тот момент не имела аналогов и содержала базовую информацию по истории и современному для Ярцова состоянию горнозаводской промышленности России. Третий том рукописи автор назвал «Олонецкой частью». Том содержит описание заводов и рудников Олонецкого края со смежными землями, заводов Петербургского промышленного района. В настоящее время эта территория входит в состав Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей.

К тому составлены историческое и археологическое предисловия, исторические и археологические комментарии, словарь редких и устаревших слов, именной и географический указатели.

Издание предназначено специалистам-историкам и всем интересующимся историей Карелии и историей российской промышленности.

Ярцов, А. С. Российская горная история. Олонецкая часть : [рукопись 1812 г.] / науч. ред. Н. С. Корепанов. – Екатеринбург : Издательский дом Баско, 2025. – 340 с.

ЗОДЧИЕ РУССКОГО СЕВЕРА

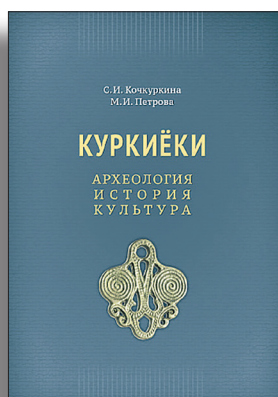
Миссия книги – изучение и популяризация истории Русского Севера, воплощенной в культурном ландшафте, неотъемлемой частью которого является уникальное деревянное зодчество. Представлены новые исторические и этнографические иллюстрации, памятники деревянной архитектуры, обмеры, которые ранее не были опубликованы. Некоторые из сооружений утрачены и известны лишь по рисункам и фотографиям, многие сохранились и сняты в 2023 г. специально для книги. Это памятники Архангельской, Ленинградской, Мурманской областей и Карелии. Создатели книги хотят привлечь внимание к ветшающим деревянным памятникам, которые еще могут быть спасены – законсервированы и отреставрированы.

Одним из пяти авторов монографии стал профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ А. М. Пашков. Ему принадлежит вводная глава «Освоение Русского Севера».

Зодчие Русского Севера. Санкт-Петербург : Издательство ООО «Галерея печати», 2024. – 288 с.

С. И. Кочкуркина, М. И. Петрова

КУРКИЁКИ. **АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА**

В книге подведены итоги многолетних исследований в области археологии, истории и культуры центра Куркиёки и его окрестностей. Археологические и письменные источники, берестяные грамоты и летописи всесторонне освещают историю древнекарельского народа. Представлена подробная информация о хозяйстве, ремеслах, военном снаряжении, одежде эпохи Средневековья. Также показана просветительская деятельность по изучению истории родного края, рассмотрены этапы создания Куркиёкского краеведческого центра и основные цели и задачи его деятельности.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся археологией и историей Карелии. Материал изложен в научно-популярной форме.

Кочкуркина С. И., Петрова М. И. Куркиёки. Археология, история, культура. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 166 с.

